ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

МЭРИ ДИКСИ КАРТЕР

ФОТОГРАФ

Фотограф
Мэри Дикси Картер

Аннотация
Мэри Дикси Картер. Фотограф
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Пять лет спустя

Благодарности

Аннотация

Дельта Доун наблюдает через объектив фотоаппарата за жизнью элиты Нью-Йорка, снимая детские праздники и создавая иллюзию идеальных семей. Ведь она может превратить заплаканные лица малышей в радостные.

Но все меняется, когда Дельта попадает на праздник к Натали Страуб. Впервые ей хочется быть не просто свидетелем событий, и вскоре она сама появляется на фотографиях семьи Страуб. И, кажется, может стать частью их жизни…

Станут ли воображаемые воспоминания более правдивыми, чем реальные?..

Мэри Дикси Картер
Фотограф

Mary Dixie Carter
THE PHOTOGRAPHER

© Mary Dixie Carter, 2021
© Перевод. А. Ерыкалин, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Глава 1

Через стекло я мельком увидела Амелию Страуб. Затем дверь распахнулась, и я шагнула внутрь.

— Дельта, дорогая! — Она пристально смотрела на меня большими карими глазами. — Я так благодарна, что ты смогла добраться до нас в такую бурю. — Она драматично взмахнула рукой, указывая за окно.

Мы виделись впервые, но теплота в ее голосе была подобна той, что возникает при общении со старым другом. Амелия явно мне симпатизировала.

За ее спиной, будто подсвеченная сверху, виднелась изящная лестница с балюстрадами из стекла и поручнями из бронзы. Широкий коридор тянулся через весь дом, так что даже от входной двери я могла видеть сверкающую кухню и три раздвижные двери из стекла и стали, за которыми располагались терраса и задний двор. Роскошный особняк с фасадом в неогреческом стиле я видела не в первый раз — нашла в сети его фотографии «до» и «после» перестройки, сделанной Амелией

и ее мужем Фритцем. Но фотографии едва ли передавали все впечатление. Окинув взглядом дом, я словно увидела серию картин, каждая из которых восхитительна. Лестница и сама по себе была настоящим произведением искусства, а в интерьере просто поражала воображение.

Амелия повесила мое пальто в шкаф рядом с явно дорогой блестящей пурпурной курткой. Тонкие, изящные руки женщины грациозно порхали в воздухе, пока она рассказывала мне — в наиболее выразительных эпитетах, — как восхищена моими работами.

Хозяйка провела меня в дальнюю часть дома, где за длинным столом, вроде тех, что стоят на фермах, сидели несколько девочек, а перед ними стоял десяток пластиковых контейнеров с бусами и цепочками. По смутному сходству с Амелией — черты лица, тон кожи, осанка, прическа — я догадалась, кто из них одиннадцатилетняя Натали Страуб. Фотографируя, я часто скрываю недостатки людей при помощи правильно выставленного света, но у Натали недостатков не было, хотя и особо ярких черт тоже. Она была высокой и всегда прижимала руки к телу, будто ей некомфортно занимать слишком много места. Можно сказать, что лицо в целом не запоминаю-

щееся, если бы не проницательные серые глаза. Это меня обрадовало, я всегда ищу искорку во взгляде. Если же объект съемки витает в облаках, то фото получаются безликим.

Маленькая девочка справа от Натали постоянно убирала мешающиеся рыжие волосы. До меня доносились обрывки их разговора, в основном касающиеся отдыха на День благодарения. «Монток[1], — говорила одна из них, — нереальные пробки».

У Натали овальное лицо, светлая, полупрозрачная кожа и невзрачные русые волосы. Я с уверенностью могла сказать, что мать отведет ее в салон на окрашивание, как только ей исполнится тринадцать, может, и раньше. Родители всегда хвастаются успехами дочерей в учебе, спорте, музыке или рисовании, но гордиться внешностью считается неприличным. Хотя, конечно, любой матери хотелось, чтобы ее ребенок был красивым.

Я работала семейным фотографом почти десять лет. Начала ассистентом на свадебных фотосессиях, но настоящий талант у меня оказался к съемкам детей. Родителям нравились мои кадры,

[1] Примечания: 1

Курортный городок в графстве Саффолк, штат Нью-Йорк, является крупным туристическим центром с шестью государственными парками.

ведь на них они видели воплощение своих мечтаний и планов. Скорее всего, их дети никогда не станут идеальными, но мои фотографии дарят им иллюзию успеха.

Белые мраморные столешницы и белая плитка на стене контрастировали с мебелью из темного дерева и подвесными стеклянными шкафчиками. Симпатичный мужчина, который, как я предположила, и был Фритцем Страубом, открыл холодильник и достал две банки пива. Одну из них он предложил темноволосому молодому мужчине — думаю, это кто-то из его коллег.

Я достала камеру и сделала несколько кадров. Чтобы получить хорошие фотографии, мне нужно верить в красоту человека в моем объективе. Если я ее не вижу, то камера — тем более, а значит, и никто другой не увидит. В моих глазах люди всегда прекрасны, и, даже если сперва мне так не кажется, я заставляю мозг переключаться. В случае с Фритцем и стараться не пришлось: рыжеватые волосы, волевой подбородок, зеленые глаза сверкают настолько ярко, что это заметно даже сквозь стекла очков.

Мне показалось, что Фритц рассказывает о чем-то личном: он понизил голос и повернулся спиной к выходу, поминутно оглядываясь через

плечо, чтобы убедиться, что никто его не слышит. Я стояла достаточно близко, чтобы при желании разобрать слова. Меня часто не замечают, как и прислугу, словно я лишь выполняю функцию. Люди не задумываются, что я все вижу и слышу. Когда-то я даже обижалась в таких ситуациях, но со временем научилась их ценить.

Несколько минут спустя, когда Фритц все-таки заметил мое присутствие, я развернулась и вышла из огромной комнаты с высокими потолками, которая занимала всю заднюю часть дома. Пройдя через домашний кинотеатр, я вошла в библиотеку в передней части дома, где перед камином сидела Амелия в окружении четырех девочек, преданно на нее смотрящих. Это меня даже удивило: все-таки одиннадцатилетние дети обычно предпочитают общаться между собой, а не со взрослыми. Но Амелия была настолько яркой личностью, что с ней все было иначе. Игнорировать ее было невозможно, отчасти и потому, что она хотела быть заметной.

— Ингрид, мы так гордимся тобой. — Голос Амелии звучал весело. — Натали рассказала нам о чемпионате по теннису. — Одна из девочек покраснела и захихикала. Нежно коснувшись лица Ингрид, Амелия отвела с ее лица прядь

волос. — Выйти в полуфинал! Это действительно большое достижение!

Объективно говоря, я была привлекательнее Амелии: больше грудь, тоньше талия, меньше морщин на лице. А еще я была моложе — по меньшей мере лет на десять. У нее же были точеные скулы и глубоко посаженные глаза и в целом немного резкие черты лица. Про таких говорят «эффектная». И нельзя переоценить харизму и обаяние — Амелия нравилась в равной степени и мужчинам, и женщинам.

Книжные полки, старинная мебель, стеклянные вазы и статуэтки — комната явно не предполагала присутствия в ней детей. Натали, похоже, была не по годам воспитанна и сдержанна, так что не представляла угрозы для хрупких предметов в комнате, и они не представляли угрозы для нее, по крайней мере сейчас — возможно, тут не обошлось без горького опыта.

Я бы никогда не смогла оставаться незаметной в этом доме, сливаться с окружающим пространством, если бы не один мой школьный бойфренд. Он был сыном успешного юриста из Орландо, и за три года, что мы были вместе, я отлично изучила, как живут богатые семьи, наблюдая за ним, его родителями и сестрой. Даже в пятнадцать я по-

нимала, что нужно полностью погрузиться в тот образ жизни, которому хочешь соответствовать, и тогда люди поверят, что ты принадлежишь к их кругу. Парень тот оказался придурком и однажды решил припугнуть меня ножом. Когда же я в подробностях рассказала о случившемся его родителям, они помогли мне получить полную стипендию в Университете Западной Флориды — и это было меньшее, что они могли сделать, так что я не чувствовала себя должной. А если они хотели услышать от меня «спасибо», то должны были пристроить в Йель.

Мой талант фотографа — разноплановый. Иногда я просто документалист, фиксирующий кадры семейных и дружеских встреч. Но такая работа приносит мне мало удовлетворения. Я люблю создавать моменты и считаю себя режиссером.

Несколько минут спустя я снова оказалась в столовой, за мной следовал Ицхак — старый пес Страубов. Он присел рядом с Натали, и девочка рассеянно почесала его за ухом.

Осторожно, с расстояния метров в семь, я начала делать первые кадры и с интересом заметила, что большую часть времени Натали держалась словно немного отстраненно. Остальные девочки хоть и были ее подругами, но их дружбе она буд-

то не доверяла, а еще, похоже, переживала, что должна развлекать их. Амелия неверно рассчитала, сколько времени гостьи потратят на плетение украшений, и большинство из них закончили с браслетиками очень быстро и теперь откровенно скучали.

За годы работы я поняла, что удачные фотографии детей получаются, только когда те в хорошем настроении. Измученные дети — не совсем удачный сюжет для съемки. Спасая провальные праздники, я стала мастером в изготовлении животных из воздушных шаров и аквагриме и на всякий случай носила с собой все необходимое: шарики, насос, краски для лица, кисти и трафареты. Удивительно, но даже тринадцатилетние подростки радуются таким развлечениям. Зверята из шаров вызывают искреннюю и невинную радость на лицах, какую редко встретишь у нью-йоркских детей, — и тут у меня появлялся шанс запечатлеть что-то, похожее на счастье.

Натали моя идея понравилась, и по заказам девчонок я сделала единорога, жирафа, пуму, замок, яхту и вертолет.

Все получилось: светящиеся лица Натали и ее подруг наполняли кадры энергией. Даже самые строгие и сдержанные родители хотели видеть

своих детей радостными и счастливыми, без страха шагающими навстречу будущему, живущими полной жизнью. Они хотели этого и для себя, вот только не многие смогли добиться.

Обычно мне удается сделать нужные кадры, но, если не получалось, всегда есть фоторедактор.

Ближе к концу вечера Фритц собрал девочек вокруг обеденного стола, а Амелия принесла большой торт в виде виолончели и смычка и, лучезарно улыбаясь, опустилась на колени рядом со стулом Натали. Ее поза, склоненная голова, мягкая улыбка — все это символизировало безграничную преданность дочери. Не то чтобы я считала ее неискренней, но публичное проявление любви явно было призвано поддерживать образ хорошей матери, в том числе и в ее собственных глазах.

Подружки, подойдя поближе, чтобы рассмотреть торт, пропели традиционное поздравление, и Натали задула свечи. Это самые важные кадры, которые нельзя упустить: торт, общее поздравление, задувание свечей.

В идеале я должна запечатлеть всю семью вместе в момент выноса торта. Редко кто из взрослых признается, но видеть себя на фотографиях им хочется так же сильно, как и ребенка. Им нужны

доказательства, что они — хорошие родители. И тут я могу помочь.

Фритц разрезал торт и раздал гостям. На этом праздник подошел к концу, и девочек начали разбирать по домам.

Я убрала камеру в сумку, сняла с вешалки пальто и уже собралась уходить, но Натали замерла в дверях, преградив мне путь.

— Дельта! Ты обещала сделать слона из шарика! Это мое любимое животное!

— Прости, Натали, мне пора.

Я старалась не оставаться дольше заранее оговоренного, чтобы, с одной стороны, не обесценивать собственное время, и, с другой, — не казаться навязчивой. В прошлом я допускала ошибку, позволяя себе подружиться с клиентами, и ничем хорошим это никогда не заканчивалось. Но перед этой семьей и этим домом устоять не могла.

— Пожалуйста! — Натали не сводила с меня широко распахнутых глаз.

Я уступила и вернулась в столовую, чтобы сделать слона и еще несколько фигурок для Натали и пары оставшихся девчонок. Краем глаза я следила за взрослыми. Фритц пожал руку уходящему мужчине и похлопал его по плечу: «Увидимся,

Ян».

В итоге из гостей осталась только Пайпер, не по годам развитая девочка. Она побежала на второй этаж, и Натали последовала за ней. Несмотря на то что это был дом Натали, казалось, все решения принимала Пайпер.

Амелия и Фритц предложили мне вина. Если честно, втайне я на это и надеялась. Фритц поставил бокал пино-нуар на стеклянный кофейный столик.

— У тебя талант к общению с детьми. Впечатляет. — Его глаза необычайно яркого зеленого цвета сверкнули сквозь очки в черепаховой оправе. — Ты вообще когда-нибудь устаешь?

— Мне и правда с ними легко и приятно.

Я посмотрела на свою руку, держащую бокал, и пожалела, что не сделала маникюр. Наверняка маникюрша приходила в этот дом каждую неделю, занимаясь ногтями Амелии, получая за это гроши, пока та обсуждает по телефону рабочие вопросы.

— У тебя есть дети? — Амелия устроилась рядом с Фритцем, с ногами забравшись на один из двух диванов кремового цвета. Эта непринужденная поза, очевидно, была призвана создать образ обычной мамочки, болтающей с подругой.

Ицхак заскулил, испугавшись донесшегося снаружи шума ветра, и положил мокрую морду на диван рядом с Амелией.

Со второго этажа послышался голос Пайпер, но я не могла разобрать ни слова. Мои пальцы оставляли небольшие вмятины на подлокотниках кожаного кресла.

— Сын.

— Сколько ему лет? — спросила Амелия с такой заинтересованностью, что я могла бы поверить в ее искренность.

— Пять. Джаспер сейчас в Калифорнии с отцом. Мы недавно развелись.

— Ох, мне жаль это слышать. — Амелия прижала руку к сердцу в жесте наигранного сопереживания.

— Последние два года нашего брака у Роберта был роман на стороне.

— Сочувствую, — произнес Фритц, но при этом он не выглядел сильно смущенным от идеи внебрачной связи.

Я вытащила из сумочки телефон и открыла папку с избранными фотографиями.

— Это Джаспер. — Я показала им фото. — А это я с Робертом.

— Почему Джаспер в Калифорнии? — Жела-

ние Амелии знать обо всем было неотъемлемой частью ее самоуверенности. Ей даже в голову не приходило, что вопросы, которые она задает, могут показаться грубыми.

— Роберт там работает. До этого он проводил не слишком много времени с Джаспером, но на новом месте график более гибкий. Он попросил оставить сына с ним на пару месяцев, и я согласилась, но сейчас уже жалею об этом. — Мой голос сорвался. — Я навещала его на прошлой неделе.

— Представляю, как ты по нему скучаешь. — Амелия нахмурилась, и я заметила морщинку между ее бровей.

Долгое мягкое послевкусие пино-нуар урожая 2002 года было совершенно не похоже на мальбек, который я пила накануне вечером.

— Конечно, скучаю.

Фритц всем телом наклонился ко мне, его колено слегка коснулось моего, возможно, намеренно. Амелия почесала Ицхака. Никто не произнес ни слова. Я чувствовала себя обязанной заполнить тишину.

— По работе я провожу много времени с детьми, но и скучаю по тихим вечерам: чтение сказок на ночь, собирание пазлов. Я скучаю по, казалось бы, обычным, но таким важным занятиям.

На мобильный телефон Амелии пришло новое сообщение.

— Лорен сегодня не придет, — сказала она Фритцу, — у нее температура.

— Конечно, температура, а не свидание или прослушивание. — Фритц даже не пытался скрыть сарказм.

— А Эйвери нет в городе. — Амелия повернулась ко мне и объяснила: — У нас сегодня ужин с клиентами, а няня внезапно заболела. — Она проверила время на телефоне и резко рассмеялась: — Уже никого не найти.

Я почему-то заранее расстраивалась, что мне придется покинуть этот дом, а тут появился такой шанс.

— Может, я смогу помочь?

— Нам надо выезжать через полчаса. — Амелия ходила по комнате с телефоном в руках.

— Послушай, Амелия, — сказала я, — если это действительно важно, я могу остаться.

Она сложила руки перед лицом в молитвенном жесте.

— О, Дельта, тебе точно несложно?

Судя по выражению, застывшему на лице Фритца, ему эта идея не понравилась.

— Если такой форс-мажор, — сказала я. — Обыч-

но я не сижу с детьми, но…

Фритц вздернул брови и широко улыбнулся, будто решив, что это отличный выход.

— Похоже, только ты и можешь нас выручить в этом безвыходном положении.

— Отменить ужин не получится… — Амелия развела руками.

Я почувствовала каждую мышцу в теле — ноги, плечи, челюсти свело от напряжения. А потом наступило облегчение.

— Тогда я готова помочь.

Глава 2

Вообще-то, обычно я зритель, а не участник. Но Амелия и Фритц быстро приняли меня и словно включили в семью, обратившись ко мне в трудную минуту как к надежному другу.

Они отправились наверх, чтобы собраться. Натали в коридоре попрощалась с Пайпер. В одиночестве, без друзей, мне было легче изучить характер и внешность девочки. Ее чертам — за исключением серебристых глаз, окруженных черными ресницами, — будто не хватало четкости.

— Пайпер начала делать мне прическу, я хотела колосок. Сможешь заплести? — Она потеребила что-то похожее на косу, которую пытались изобразить на довольно коротких волосах.

Я перебрала руками копну спутанных волос Натали.

— Давай попробуем.

Натали отвела меня в маленькую, но безупречную ванную комнату на втором этаже. Девочка выбрала тонкую фиолетовую ленту для волос, одну из множества лент и заколок, лежавших на

мраморном туалетном столике.

— И ленточку вплести.

Косы плести я умела, но со стрижкой Натали это было сложновато. Самые короткие волосы пришлось подкалывать невидимками, но в целом получилось достаточно аккуратно.

— Мама! — Девочка выбежала из ванной и скрылась в одной из комнат — видимо, в спальне родителей. — Смотри!

— Красиво, милая.

Голос Амелии доносился из-за закрытой двери, и я представила ее сидящей за туалетным столиком с зеркалом в голливудском стиле, а на кресле рядом лежал наряд, который она выбрала для вечера.

— Чувствуй себя как дома, Дельта, — крикнула Амелия. — Всё в твоем распоряжении.

Еще одна волна тепла затопила мое тело, как и раньше, когда Амелия согласилась, чтобы я присмотрела за их дочерью. Что именно она имела в виду, когда сказала «всё»? Еда, вино, одежда, косметика, постельное белье?

Натали снова вбежала в ванную.

— У меня идея! Я могу сделать прическу тебе!

Мне не нравилось, когда кто-то, пусть и ребенок, трогает мои волосы.

— А давай ты попробуешь плести косу себе, — предложила я девочке.

— Но это не то же самое, что делать прическу кому-то другому…

Но из этой затеи ничего не вышло: Натали была слишком нетерпелива и с каждой неудачной попыткой все больше расстраивалась.

Минут через десять наших мучений Амелия и Фритц появились в дверях ванной. Амелия сменила джинсы на шелковое фиолетовое платье с запахом и туфли на низком каблуке, на губах красная помада, в ушах золотые серьги-кольца.

— Похоже, вы, девчонки, веселитесь. — Фритц, который тоже переоделся, поправил галстук.

— В холодильнике остатки лазаньи на ужин, — сказала мне Амелия, а затем повернулась к Натали: — Отбой в девять тридцать, дорогая.

Родители поцеловали девочку в лоб.

Натали отпустила волосы, и даже та небольшая часть косы, что почти получилась, рассыпалась.

— Я не хочу, чтобы вы уходили! Сегодня мой день рождения!

— Твой день рождения завтра. — Амелия явно старалась говорить ласково. — Сегодня же была только вечеринка.

Фритц поднял руку, словно хотел, чтобы дочь

хлопнула его по ладони, мол «Отличная вечеринка», но, увидев разочарование на лице Натали, заколебался.

— Ну что… Утром поедим шоколадных блинчиков? Или на завтрак в день рождения будут оладьи из шпината?

Ответа он и не ждал. Вместе с Амелией они спустились по лестнице и вышли через парадную дверь.

— Если что-нибудь понадобится, звони! — крикнула мне Амелия. Я услышала, как за ними закрылась тяжелая входная дверь.

Разочарование Натали в своих парикмахерских способностях усилилось после отъезда родителей.

— С прическами у меня вообще не получается, — грустно пробормотала она.

Нужно было придумать новое занятие.

— Знаешь, что я только что осознала? Я еще не видела твою комнату! –

— Хорошо, пойдем. — При этом Натали громко вздохнула, как будто ей совсем не хотелось показывать мне свою спальню.

Девочка провела меня на третий этаж и остановилась у закрытой двери.

— Тема моей комнаты — единороги. Ты знала,

что я коллекционирую единорогов?

— Нет, не знала. Покажешь?

Мы вошли в детскую. Действительно, единороги были везде. Маленькие статуэтки единорогов стояли на трех полках, на стенах висело несколько картинок, один единорог был нарисован прямо на стене, по-видимому, самой Натали. Она рассказала мне о каждом из них, и ее настроение явно улучшилось. Я остановилась перед радужным единорогом, стоящим на книжной полке. Это был сувенир из «Диснейуорлда». Мои родители работали уборщиками в этом парке в Орландо, и именно там я провела большую часть своего детства.

Такой спальне я даже завидовала. Или, скорее, завидовала жизни, которую символизировала такая комната. Я видела много детских в богатых домах, которые пытались сделать «волшебными», но Амелия и Фритц работали на гораздо более глубоком уровне. Большая часть волшебства в комнате Натали исходила от освещения. Было ясно, что материалы и цвета штор, ковра, мебели, стен и потолка были выбраны для того, чтобы соответствовать освещению — чтобы отражать или поглощать свет, в зависимости от желаемого эффекта — и создавать истинное

ощущение магического мира. С тем же успехом эта детская комната могла быть художественной инсталляцией, настолько хорошо она была продумана. При этом для непрофессионала она казалась личной, самобытной и искренней. Вот что делало ее такой впечатляющей.

Поворот латунных переключателей на духовке, то, как ощущалось скольжение выдвижных ящиков, гладкая ручка крана, — все эти действия приносили мне удовольствие.

Натали сидела за стойкой и наблюдала за мной.

Я достала лазанью из холодильника.

— Выглядит вкусно. Мама приготовила?

— Мама? — Натали саркастически рассмеялась. — Нет.

Я могла с уверенностью заявить, что Натали нравилось указывать на недостатки матери.

— А папа умеет готовить?

Все предметы на кухне стояли в идеальном порядке, и ими явно не пользовались. А еще, похоже, купили все разом, выкинув старые. Амелия явно была решительна в выборе и предметов, и людей, что ее окружают. Для меня было честью оказаться среди избранных, особенно сейчас.

— Иногда. Но обычно нам доставляют еду.

Страубы, вероятно, часто работали с клиентами, для которых семья была приоритетом, а кухня — центром дома, независимо от того, готовили на ней или нет. И естественно, их собственный дом отражал такой подход. Я попыталась представить типичный вечер этой семьи, и почему-то мысль о кухне, которая не используется, вызвала раздражение.

Натали вертелась на табурете.

— Пайпер кажется хорошей подругой, — заметила я.

Девочка пожала плечами.

— Ну да.

— Но парикмахер из нее тоже не очень.

Я с облегчением увидела, как Натали широко улыбнулась. Казалось, она немного расслабилась.

— Тебе с ней весело? — спросила я.

На руке Натали я заметила почти сошедшую временную татуировку со словом «Вдохновение». Поставив на стойку тарелку с лазаньей, я тоже присела на табурет.

— Пайпер любит рассказывать, как ей весело с другими друзьями.

— Понятно.

— Она не хочет, чтобы я считала себе ее насто-

ящей подругой.

— Может, она беспокоится, что это ты ее не считаешь настоящей подругой?

Натали сделала паузу, словно обдумывая эту идею.

— Может быть.

Пока девочка ела, она была тихой и задумчивой. На десерт я достала нам по кусочку торта. Вообще-то, я следила за фигурой и сладкого избегала, но мне хотелось, чтобы Натали почувствовала, что ее праздник для меня действительно важен.

— Твоя мама сказала, что ты мастерски играешь на виолончели. — Я искала тему, которая подняла бы ей настроение.

— Ей бы этого хотелось.

Пришлось придумывать легкомысленный и приятный ответ.

— Ты что! Она действительно считает, что ты потрясающая! Тебе самой нравится играть на виолончели?

— Я не знаю, что мне нравится делать. — Натали натянуто улыбнулась.

— Сыграй что-нибудь для меня.

Натали быстро вдохнула.

— Ладно…

Покончив с тортом, мы прошли в комнату, где

стоял инструмент, и Натали сыграла отрывок по памяти. Она действительно была очень неплоха.

Я захлопала в ладоши.

— Просто супер!

Девочка сдержала улыбку, но я была уверена, что она довольна моей реакцией.

— Это был концерт Элгара для виолончели, который я играла на сольном концерте на прошлой неделе. — Она спрятала инструмент в футляр.

— Жаль, я не была на выступлении.

— Родители не снимали, но у учителя есть видео. Так что можно будет посмотреть.

Чуть позже, поднявшись наверх, Натали надела пижаму с единорогом, почистила зубы и забралась в постель — на постельном белье, конечно, тоже были единороги. Я поцеловала ее в лоб, точно так же как родители перед отъездом.

Запустив посудомоечную машину, я протерла столешницы — от мятного запаха органического моющего средства меня подташнивало. Затем накормила Ицхака органическим кормом для собак. Когда мне было восемь, меня укусил ротвейлер, и я попала в больницу. С тех пор при общении с собаками я никогда не чувствовала себя полностью расслабленной. Ицхак был слишком стар, чтобы кого-то обидеть, но некоторые

страхи нерациональны.

Снаружи поднялся ветер, и стекла в окнах громко задрожали. Ицхак завыл в потолок.

Я же размышляла, какова моя жизнь по сравнению с жизнью этого пса. Его воспитывали в безоговорочной любви люди, которые заботились о его физическом и психическом благополучии.

Закончив дела на кухне, я провела остаток вечера в одиночестве, осматривая дом. У многих моих клиентов в комнатах были установлены камеры, но меня не удивило, что у Страубов их нет. Камеры нарушили бы изысканные линии созданного ими дизайна.

В библиотеке я осмотрела полки, особо останавливаясь на тех книгах, которые, очевидно, много раз читали: я вынимала книгу и проглядывала несколько страниц, затем пролистывала, чтобы посмотреть, не оставил ли кто-нибудь в ней пометки, после чего возвращала ее обратно на то же самое место.

Как я и думала, многие издания были посвящены архитектуре и искусству: изысканные, большие, тяжелые книги с плотными глянцевыми страницами и качественными фотографиями. Многие из них явно были дорогими — такие обычно кладут на журнальный столик, чтобы

впечатлить гостей, — но у Страубов их было слишком много.

В одном из дальних шкафов часть книг стояла корешками внутрь, я достала всю стопку. Все они были о беременности и родах. Я пролистала одну из книг. В главе «Выкидыш» несколько страниц подряд были с загнутыми уголками. Кто-то написал на полях: «нарушение свертываемости крови, спросить Мецгера». Основываясь на датах на полях, я предположила, что у Амелии было четыре выкидыша, и все они произошли после рождения Натали. Это была ценная информация. Мне казалось важным узнать как можно больше об этой семье — вдруг так случится, что им понадобится моя поддержка.

Я вернулась в кухню и заглянула в кладовку: пылесос, швабры, а также большое количество чистящих средств, стоявших ровными рядами. Вторая дверь вела в уютную комнату, где я еще не была, — похоже, это был кабинет, их домашний офис. Одну из стен заменяли большие стеклянные двери, которые вели на узкую веранду, огибавшую дом, спиральная лестница спускалась на задний двор.

В середине комнаты друг напротив друга стояли два письменных стола. Один из них явно был

стол Амелии — на спинке стула висел бордовый женский шарф. Я просмотрела папки и стопки бумаг, которые были разборчиво подписаны и стянуты резинками. Амелия, как и я, ценила порядок. Лишь несколько наклеек с рукописными пометками омрачали идеально организованное рабочее пространство. На одном листке были слова «учитель по виолончели» и номер телефона, на другом — «Дженни Дуглас», а затем номер телефона и слова «срок родов 10 июля». Странно, не могу припомнить случая, когда мне была бы так важна чья-то планируемая дата родов, чтобы даже записать ее. На третьем листе бумаги после слов «биологические матери» следовали три имени. Возможно, Страубы планировали усыновить ребенка. Мой пульс участился.

Вернув каждую из записок на прежнее место, я села за стол Фритца. Его система хранения была не такой последовательной, как у Амелии, зато почерк мог рассказать больше, чем у жены. За эти годы я прочитала несколько книг о графологии и даже проверяла свои знания, сравнивая почерк и поведение знакомых. Узкие петли, выведенные Фритцем, указывали на напряжение, вероятно, в семейной жизни. Возможно, он был разочарован неспособностью жены выносить еще одного

ребенка. Косо поставленные знаки препинания навели меня на идею, что у него невероятное воображение. От мыслей о Фритце по моему телу пробежала дрожь.

В десять тридцать, захватив с собой фотоаппарат, я поднялась на третий этаж, чтобы проверить Натали. Свет, падавший из ванной, освещал комнату, и я могла легко разглядеть лицо девочки. Она крепко спала, сжимая в руках плюшевого единорога. Я поправила тонкое хлопковое одеяло и села на край кровати. Поднеся руку к ее лицу, я почувствовала теплое дыхание.

Когда я смотрю на кого-то через видоискатель камеры, я словно вижу, что скрывается внутри. Я сделала несколько снимков спящей девочки — возможно, в какой-то момент подарю эти фотографии ее родителям. Грудь Натали почти незаметно двигалась вверх и вниз, лицо было худым и хрупким, как и тело. Она напомнила мне меня саму в этом возрасте, так же как и я, она нашла убежище в фантазиях. Дети с гиперактивным воображением обычно от чего-то убегают, пытаются от чего-то спрятаться. А у некоторых детей нет воображения, потому что оно им не нужно.

Я играла сама с собой в поисках идеальных

родителей. Уж в парке развлечений мне было из чего выбирать. Со временем я нашла великолепную мать и приветливого отца и назвала их Изабель и Питер. Изабель была похожа на балерину, безупречная кожа цвета слоновой кости, длинная шея, выворотные ступни. У Питера были волосы цвета соли с перцем и большие ясные глаза. У их детей наверняка были бы все игрушки, куклы, книжки и платья, о которых я мечтала. В следующие несколько лет, когда бы я ни чувствовала себя плохо или была в депрессии, я представляла себя их дочерью. Со временем я забыла, как выглядели Изабель и Питер и как они разговаривали. Но в отличие от настоящих родителей, я всегда помнила о самом их существовании. Долгие часы под солнцем Флориды сделали лицо матери грубым уже к тридцати. «Твоя кожа слишком гладкая, — говорила она мне. — Уходи, терпеть не могу смотреть на тебя».

Воспоминания о лишениях и горе иногда будто скрываются, и может показаться, что все в прошлом. Но на самом деле они совсем близко и готовы заявить о себе при малейшей провокации.

Встреча со Страубами напомнила о моей воображаемой семье — я всегда была уверена, что

Изабель и Питер архитекторы.

Внизу хлопнула дверь, и я услышала шаги. Минутой позже я встретила Страубов, спускаясь по лестнице, камеру я спрятала в футляр. Я знала, что они не поймут, если увидят меня с фотоаппаратом. А для меня камера — еще одна пара глаз, помогающая интерпретировать мир вокруг.

От Фритца пахло алкоголем, и лицо у него было красное. Амелия, споткнувшись, подбежала ко мне и чуть не упала в мои объятия. Макияж у нее почти стерся, а губы были подкрашены неровно — помада размазалась и отпечаталась на зубах.

— Дельта, красавица, что это за цветок у тебя? — Она пропела первые строчки песни Тани Такер[2]. — Может быть, это увядшая роза давно минувших дней?

В голове у меня зазвенели колокола. Неожиданно, что Амелия знает эту песню. Это было еще одним знаком нашей прочной связи. Мать назвала меня Дельтой, потому что это имя подходит к фамилии Дон. Матери нравилась Таня Такер. Я не гордилась своим именем, но не могла от него отделаться. И Амелия пела мне так, будто все это

---

[2] Примечания: 2

Американская кантри-певица. «Дельта Дон» — песня, ставшая популярной в исполнении Тани Такер. Ее главная героиня одержима до безумия давним воспоминанием о женихе, который ее бросил.

понимала. Она меня поняла. Она узнала меня.

— Амелия думает, что умеет петь, — сказал Фритц. — Жаль, что она выросла не в Нэшвилле или Питтсбурге.

Этот комментарий, вероятно, был шуткой, но прозвучал несколько враждебно, хотя Амелия, похоже, его не заметила. Она полезла в сумочку и вытащила четыре хрустящих двадцатидолларовых купюры.

Мне и в голову не приходило, что они решат мне заплатить.

— Нет, не надо…

Знакомая боль сжала грудь, но, посмотрев в глаза Амелии, я поняла, что это не было попыткой меня унизить. Напротив, я увидела в них искреннюю благодарность и настоящую привязанность.

— Дельта! — воскликнула она, сунув купюры мне в руку. — Ла дивина![3]

---

[3] Примечания: 3
Богиня (*итал.*).

Глава 3

Колокола медленно затихали, пока я ехала на поезде домой в Краун-Хайтс, и полностью исчезли к тому моменту, как я вошла в квартиру. Кошка Элиза, бирманка цвета шампанского, встретила меня у дверей. Десять лет назад, прямо перед переездом в Нью-Йорк, я забрала ее из приюта в Орландо. У нее был незаурядный ум, чувствительность и способность понимать характер людей. Я считала ее своим самым близким другом.

Элиза обошла комнату, вскочила на спинку дивана, прошла по ней, как гимнастка, и вновь спрыгнула на пол. Повесив пальто и положив фотоаппарат, я прошла в кухню и насыпала корм в миску Элизы. Пока та ела, я протерла пыль со шкафов, журнального столика, маленького обеденного стола и кухонной стойки.

Окна моей квартиры выходили на север, во внутренний двор. Из гостиной была видна полоска неба на горизонте, внизу, во внутреннем дворе, преобладал бетон и стояло несколько жалких клумб с растениями и цветами. В попытке привести двор в порядок был даже сформирован

комитет дома, но ни один из скупых жильцов не хотел тратить на это деньги.

Пять ламп в гостиной давали достаточно света в темное время, но днем отсутствие естественного освещения было очевидным. Когда я переехала в эту квартиру шесть лет назад, то покрасила стены в бледно-лиловый, но краска была дешевой, и тусклый свет придавал стенам мутный оттенок. Увы, тогда у меня не было денег на реализацию своего художественного видения.

Включив телевизор, я прошла на кухню за бокалом вина. Один из клиентов недавно подарил мне штопор из латуни и мрамора. Мне часто дарят дорогие подарки, не соответствующие моему образу жизни, — в маленькой квартире не было места для лишних вещей, не говоря уж о предметах роскоши. Я не пила почти год, но недавно, из-за появления эксклюзивного штопора, снова начала — время от времени, бокал или два.

Я открыла бутылку мальбека. Вес штопора приятно ощущался в руке. Я оглядела квартиру в поисках места, где мог бы быть домашний бар: нижняя полка книжного шкафа или часть кухонной стойки… Наконец я нашла идеальное место: стол из ротанга со стеклянной столешницей, на который я сваливала всякий хлам. Он стоял неда-

леко от входа, чтобы его можно было заметить и оценить, как только заходишь в квартиру.

Среди подарков еще были пресс для льда, создающий идеальные шарики, сделанное вручную черепаховое ведро для льда и позолоченные щипцы, латунная открывашка для бутылок в форме белки. Все это я выставила на ротанговом столике, достав также шесть бокалов для вина и шесть бокалов для крепкого алкоголя. Подарки я никогда не возвращала, потому что верила, что однажды буду устраивать вечеринки и развлекаться. Однажды я буду хозяйкой, а не гостем. Однажды друзья задержатся у меня до рассвета, увлекшись беседой. И каждый из подарков пригодится.

Переодевшись в удобную домашнюю одежду — шелковые брюки и атласную кофточку, — я налила бокал вина и принесла его к рабочему столу. На мониторе была открыта папка с фотографиями, были там и фото Джаспера и Роберта, которые я показывала Амелии и Фритцу.

Накануне вечером я работала до трех часов ночи, пытаясь спасти фотографии ужасной вечеринки по случаю дня рождения Джаспера. В нескольких кадрах он кричал, широко открыв рот. Но мне удалось превратить крик в улыбку,

приподняв уголки губ и глаз. Я хотела сделать хотя бы один снимок, на котором Джаспер и его отец обнимаются, но, к сожалению, так и не заметила между ними особой привязанности, так что и тут пришлось прибегнуть к фоторедактору: на одном фото Джаспер обеими руками обнимал отца за шею, на другом — положил голову на плечо отца. И наконец, фотография со мной и Джаспером, моя рука касается его щеки.

Чуть позже, просто ради развлечения, я сделала коллаж, где сижу рядом с Робертом, положив голову ему на плечо.

Фотография, на которой мы с Джаспером разворачиваем подарок, оказалась той еще задачей, но на самом деле получилась неплохо. Мне удалось создать выражение ожидания и надежды на его лице.

Прежде чем перейти к фотографиям с праздника Натали, я решила сделать еще фото Джаспера на пляже в Калифорнии — его жизни нужно больше измерений. И вот — Джаспер занимается серфингом. Я распечатала фото и повесила в углу гостиной. Это было восхитительно. Удивительно, как работает визуализация. Все, что нужно, это создать воспоминания — те образы, которые мы проигрываем в уме. И они могут стать сильнее и

ярче, чем настоящие воспоминания, если думать о них достаточно часто.

Вообще-то, я редактирую фотографии только в случае крайней необходимости. Но люди запоминают события выборочно — это вопрос самосохранения, и я не вижу в этом ничего плохого. Кто может сказать, что создаваемое мной воспоминание менее «правдиво», чем исходное?

Закончив с фото Джаспера, я загрузила материалы с вечеринки Натали. Прокручивая их, я чувствовала, как уходит напряжение. Фотографии меня порадовали: Натали с подругами, несколько отдельных фотографий девочки. Задержалась на одном фото Фритца: он стоял в библиотеке, смеялся, яркие зеленые глаза смотрели прямо в камеру. Доброта и ум делали его красивым. Я почувствовала укол тоски — некое сочетание пустоты и желания.

Я открыла несколько своих фотографий и поместила себя к Фритцу: теперь мы стояли рядом, будто разговаривая. А потом я сделала лица еще ближе. Его теплые губы прижались к моим. По телу прокатилась дрожь удивленного восторга.

Первая попытка была не идеальной. Наши губы выглядели неловко и искусственно. Тогда я немного изменила форму рта Фритца и под-

няла его руку, словно он ласкает мое лицо. Это была потрясающая фотография. Я не целовалась с красивым мужчиной несколько месяцев, но фотография была почти такой же хорошей, какой могла быть реальность. Это меня воодушевило. Раньше я не редактировала фотографии в таком личном ключе. Возможно, меня сдерживали какие-то сомнения, или же Фритц вызвал во мне чувство, которое я не могла игнорировать.

Я представила себе реакцию Амелии, если бы она увидела эту фотографию: она весело закатывала глаза, а я смеялась и говорила: «Какая нелепость, правда?»

Вернувшись к папке, я нашла фото Амелии, дружески обнимающей мать одной из подруг Натали. Я заменила ту женщину на себя, но у меня не было фото с такого же ракурса, так что пришлось оставить ее тело, подставив мое лицо. Но все равно получилось не очень хорошо.

Потом я дошла до фотографий с тортом. Амелия стояла на коленях рядом с дочерью и с гордостью смотрела на нее. Теперь это я смотрела на Натали, когда она задувала свечи.

Наконец я добралась до фотографии, о которой думала весь вечер. Амелия и Фритц делили кусок праздничного торта. Амелия протягивала вилку,

чтобы Фритц мог откусить, и он наклонился вперед, обхватив вилку ртом. И вот уже я ем торт с вилки Амелии, и мой рот испачкан шоколадной глазурью. Мы смеемся над какой-то шуткой. Мы близкие люди. Я смотрела на фотографию и чувствовала приступ оптимизма. Меня поразило, насколько получившиеся кадры сходились с тем, что я искала.

Я распечатала фотографию целующего меня Фритца и фотографию Амелии, которая кормит меня тортом. Поместив каждую в рамку, я повесила рядом с фотографией Джаспера.

Было уже два часа ночи, а на следующий день у меня было много работы. Я назвала одну папку «Страуб» и вторую — «Страуб замены», в ней были изображения для моего личного использования. Выключая компьютер, я радовалась, что смогу вернуться к этим кадрам, как только мне понадобится поднять настроение.

На следующее утро я получила сообщение от Амелии: «Натали от тебя в восторге. Ты произвела такое впечатление!»

Я почти дышать перестала. Не приди это сообщение, пришлось бы самой выходить на связь.

Ответила: «Натали — особенная девочка. Я с удовольствием еще посижу с ней в любое вре-

мя».

«Серьезно? Как насчет пятницы?»

Они хотели, чтобы я вернулась. Они хотели, чтобы я участвовала в жизни их семьи. Теперь у меня были доказательства этого. Как ни странно, приближения пятницы я боялась столь же сильно, сколь хотела ее скорейшего наступления. А боялась я того, что дальше у меня не будет момента, которого я жду с таким нетерпением, и ощущения подавленности, что вновь навалится.

В воскресенье я не ложилась допоздна, просматривая в сети работы Страубов, начав с их веб-сайта. Я уже заглядывала на него перед вечеринкой Натали, но теперь изучала с новым интересом. Потом нашла большое интервью, вышедшее десять лет назад в «Архитектурном дайджесте», в котором Страубы обсуждали успех своего партнерства: «“Фритц видит всю картину целиком, а я отвечаю за детали”, — сказала Амелия Страуб с самоироничным смешком. — “Он самый талантливый архитектор, которого я когда-либо встречала. Поэтому я и вышла за него замуж!” Фритц Страуб перебил: “Да, верно. Но мы-то все знаем, кто из нас главный”».

У недавнего интервью в «Метрополисе» был совершенно другой тон. «“У Фритца есть свои

проекты, а у меня — свои, — поясняет Амелия Страуб, — и на самом деле у нас не так много общих работ"». Фритца же вообще не цитировали.

Перед сном я заказала в интернет-магазине книгу «Определяющий свет: архитектура XXI века» от «Страуб Групп» стоимостью шестьдесят пять долларов.

Следующие несколько дней я была занята фотосессиями, а вечера посвящала редактированию и верстке альбомов. В среду, когда я пришла домой и увидела посылку, мне показалось, что наступило Рождество. Я долго не ложилась, изучая книгу Страубов от корки до корки. Сделана она была изысканно, текст сопровождался стильными иллюстрациями, и придраться я смогла к очень немногим фотографиям.

Я не торопилась, задерживаясь на каждой странице, анализируя каждую картинку и вчитываясь в каждое слово. Я все больше убеждалась, как много у меня общего со Страубами. Количество и качество света повлияли на большинство их архитектурных решений, тоже было и с моими фотографиями. Страубы словно бы больше использовали естественный свет для создания пространства в домах, чем несущие конструкции и стены.

Первые пять глав книги рассказывали о загородных коттеджах Лонг-Айленда, Нантакета, Мартас-Винъярда, Гудзон Вэлли и Коннектикута, следующие пять были посвящены городским домам, главным среди которых стала резиденция Страубов в Бруклине. В книге фотографий было больше, чем я до этого нашла в сети: лестница, библиотека, большая гостиная и двойные двери из стекла и стали, ведущие на просторную открытую террасу. Два разворота были посвящены спальне хозяев: ее сняли с разных ракурсов, в том числе захватив и ванную.

Я изучала фотографии и представляла себя в этом доме, но мне хотелось большего. Хотелось проникнуть в их пространство, сделать его своим.

Самая последняя фотография удивила меня больше всего. На снимках была двухкомнатная квартира, расположенная в цокольном этаже. Она была такой же эстетически безупречной, как и сам дом. Я и не подозревала о ее существовании.

Наступила пятница. От волнения я не смогла съесть ни завтрак, ни обед. В 16:00 начала готовиться к вечеру. Одежда для присмотра за Натали должна отличаться от той, что я выбираю для

роли фотографа. Сегодня я должна быть ответственной, зрелой, энергичной и очаровательной, ведь родители доверяют мне своего ребенка. Я должна быть взрослым, на которого можно положиться, но который в то же время находится на одной волне с детьми, — бодрым и веселым взрослым. Я выбрала темные джинсы, кожаные ботинки, тонкий свитер и блестящее ожерелье — уверена, оно понравится Натали.

Гардероб у меня был неплохой, ведь к тратам на одежду я относилась как к представительским расходам, понимая, что мой внешний вид имеет значение, особенно когда работаю у состоятельных семей. Я не хотела привлекать к себе слишком много внимания, однако выглядеть нужно так, будто я принадлежу к этому обществу и чувствую себя комфортно. Конечно, мне тоже платят, но уровень мой выше тех людей, кто готовит и подает еду, и уж тем более выше тех, кто убирается и моет посуду. Для нанимателя я должна быть почти что ровней. Никто особо не стремился со мной общаться, но в случае необходимости беседа должна быть комфортной.

Мои клиенты, вероятно, полагали, что мое образование и воспитание не соответствуют их статусу. Но правда ли это? Как посмотреть.

Нельзя сказать, что я не получила образования, пусть и окончила весьма посредственный колледж. Фотографии я училась самостоятельно и продолжала в этом направлении развиваться. И из одного изображения я могла извлечь больше информации, чем некоторые получили бы из целой книги. Одного взгляда на фотографию группы людей мне достаточно, чтобы с удивительной точностью определить, какие у них отношения.

Я всегда знала о своих недостатках и много работала, чтобы их восполнить. Честно говоря, я в чем-то напоминала типичного английского дворецкого, который изучил все нормы и буквально им следует, не обязательно вникая, что они на самом деле подразумевают. Я выучила правила с единственной целью — работать на элиту, делать их жизнь комфортнее и вписаться в общество.

Идея социального разделения общества меня никогда не беспокоила. Только признавая существующую иерархию, можно использовать обстоятельства в свою пользу.

Я обращала внимание на каждую интонацию, и как они завязывали шнурки на ботинках. Была так пристальна к мелочам, пока это не стало моей второй натурой. В то же время мне не хотелось, чтобы казалось, будто я стремлюсь к чему-то, что

не было мне дано при рождении. Да, я родилась в семье из социальных низов, но у меня был превосходный ум и тонкая душевная организация. Мои клиенты чувствовали себя достаточно расслабленными, чтобы обсуждать при мне финансовые вопросы, а уж при бедняках они бы не стали говорить о деньгах.

Мне было важно показать, что я понимаю их мир и мир их детей. И именно потому могла воплотить их желания в фотографиях.

Подойдя к дому Страубов, я сделала небольшой крюк, чтобы взглянуть на лестницу в саду, ведущую в квартирку. Шторы на окнах были опущены, свет не горел. Похоже, там никого не было.

Вернувшись к главному входу, я обратила внимание на фонари по обеим сторонам, которые выглядели как подлинники девятнадцатого века. Амелия встретила меня у дверей. Она стояла босиком, блестящие каштановые волосы небрежно собраны заколкой, золотые серьги и ожерелье в виде ацтекских монет можно было недооценить, если не разбираешься в дорогих украшениях, настолько они были нетрадиционными и непринужденными.

От улыбки Амелии по моему телу словно

прошла волна тепла и света, как и при первой встрече. Казалось, она видела во мне что-то необычное.

— Натали считает, что она уже взрослая, и няня ей не нужна, — Амелия говорила тихо. — Но она чувствует, что ты для нее, скорее, подруга.

Мы прошли в кухню. Амелия протянула мне кружку воды с лимоном и присела на табурет у стойки. Улыбка исчезла с ее лица.

— По вечерам мы часто не можем быть дома. Такая уж работа. Большинство наших клиентов — прекрасные люди, но время от времени находится кто-то недовольный. Но работать все равно надо. Хотя кому я рассказываю, да?

Мне было приятно, что она сравнивает свою работу с моей. Однако я колебалась, не желая критиковать заказчиков.

— У вас сейчас сложный клиент?

— Не совсем. Но год и правда был тяжелый.

— Да?

— Просто… Много разочарований. — Амелия нахмурилась. — Но я с благодарностью принимаю то, что имею.

И хотя лицо у нее было уставшим, я не могла не отметить, насколько она привлекательна. Даже на прошлой неделе, придя домой с размазанным

макияжем, она продолжала светиться изнутри, как маяк.

— Если тебе надо это с кем-то обсудить…

— Ой, да не хочу тебя грузить. — Амелия скользнула пальцами по своей шее.

И я почувствовала, что поговорить ей на самом деле очень хотелось.

— Я восхищаюсь тобой, Амелия. Семья, профессиональный успех. Если бы ты только знала, какое впечатление производишь на посторонних!

— Ты не посторонняя, Дельта!

— Для меня большая честь быть включенной в вашу жизнь.

— Когда ты снова увидишь своего сына? — спросила она.

— Я стараюсь созваниваться с ним каждый день.

— Это, должно быть, сложно… А где ты выросла? — Вопрос прозвучал так, словно только пришел ей в голову.

Мне было жаль, что она подняла эту тему. Разговор о моих корнях был не из тех, что мне нравились, и я всячески пыталась от него увильнуть.

— Во Флориде.

— Где конкретно? Мои родители живут во Флориде.

Амелия игнорировала социальные сигналы, которые других бы уже заставили оставить расспросы. Не то чтобы она их не замечала, она их игнорировала. Обычно у меня получалось избегать разговоров о семье, ограничившись парой фраз, но не в этом случае.

— В Орландо.

— У тебя большая семья?

— Только старшая сестра. — Я всегда хотела старшую сестру. — Родители умерли несколько лет назад, с разницей в несколько месяцев.

Мама погибла в автокатастрофе сразу после того, как я окончила среднюю школу, а отец, может, тоже уже умер. Я не видела его пятнадцать лет и не имела никакого желания общаться. В каком-то смысле для меня он был мертв.

Я продолжила говорить:

— Мне нравится в Бруклине. После развода моя семья — это друзья. Мы вместе отмечаем все семейные праздники: День благодарения, Рождество, Новый год.

Амелия сочувственно кивнула.

— Кое-кто из наших сотрудников тоже не имеет семьи, но есть Ян Уокер, он словно удерживает

нас всех вместе. Может, ты видела его на дне рождения Натали? — Глаза Амелии загорелись, когда она заговорила о Яне. — Он как член семьи, и это здорово. Тем более пока нас всего трое, ведь у Натали нет братьев и сестер. Пока.

Я подумала, что хотела бы быть на месте Яна.

— Пока? — переспросила я. — Ждете в гости кого-то из родни?

Амелия опустила взгляд в пол и покачала головой.

— Знала бы ты, как я хочу еще одного ребенка. — Ее глаза наполнились слезами.

Непроизвольно я потянулась к ее руке. На миг испугалась, что перешла черту, но Амелия так крепко сжала мою ладонь, будто искала в этом утешения. Ее кожа была очень мягкой, пальцы были длинными и тонкими, на безымянном сверкало бриллиантовое колечко. Интересно, играет ли она на пианино.

— У меня не получается выносить ребенка. Это ужасно. — Плечи Амелии опустились. — Полагаю, желание иметь еще одного ребенка — это что-то на уровне инстинкта. А может, мне просто вновь хочется стать молодой? — Она неловко засмеялась. — Но выкидыши меня измучили. — Она вытерла слезы, размазав тушь. — Но приходится

поддерживать образ. Ради Фритца. Думаю, ему нужно, чтобы я была сильной.

С лестницы донеслись шаги Натали. Амелия достала салфетку из коробки, стоящей на столике, промокнула глаза и вытерла щеки. Натали, в шортиках и растянутой футболке, вбежала в кухню. Знала ли она о выкидышах и о том, как ее мать мечтает о ребенке? Амелия не была похожа на тех, кто мог бы поделиться таким с дочерью.

— Привет, Дельта. — Натали повернулась к матери. — Мне нужна помощь с заданием по математике.

Она положила несколько скрепленных страниц на белый мрамор столешницы.

— Моя дочь учится в самом сильном математическом классе из всей параллели, — Амелия подвинула бумаги обратно к Натали, — и на самом деле ей не нужна помощь.

— Нет, нужна!

— Домашнее задание — не мое дело!

Амелия зажмурилась и даже прикрыла глаза ладонями, наиграно показывая, что и не собирается смотреть в примеры. В этот момент она напомнила мне ребенка, отказывающегося есть овощи.

Я хорошо разбиралась в математике и была

уверена, что пойму задания Натали, даже если они продвинутого уровня. Тем не менее в этом был некоторый риск.

— Может, я могу помочь?

— Хорошо, — согласилась Амелия. — Но, Натали, не особенно к этому привыкай.

Мы расположились за обеденным столом, по центру которого вместо цветов стояла кованая менора[4]. Ицхак устроился у Натали в ногах, ему явно нравилось быть с ней рядом. В домашнем задании было несколько страниц задач с десятичными дробями, я знала, как их решать, да и Натали тоже. Вероятно, ей больше было нужно внимание, чем помощь. Она хотела, чтобы кто-то позаботился о ее домашней работе, позаботился о ней самой.

Амелия проскользнула наверх и вернулась через полчаса в кремовом брючном костюме и на каблуках. Наклонившись над Натали, она погладила ее по волосам.

— Все наши вечерние отлучки — это встречи с клиентами. — В ее тоне я заметила нотки самодовольства. — Мы никогда не оставляем Натали ради светских мероприятий.

---

[4] Примечания: 4

Подсвечник для семи свечей, один из символов иудаизма.

Возможно, Амелия думала, что я ее осуждаю, и хотела убедить меня, что она хорошая мать.

— Конечно, я понимаю, — сказала я.

Амелия поцеловала дочь в лоб.

— Дельта, не стесняйся взять что-то из книг или посмотреть телевизор, как только Натали отправится спать. — Амелия направилась к двери. — Мы будем дома к полуночи.

Закончив с математикой, мы с Натали перешли к диораме, над которой она работала для школьного конкурса, — трехмерной модели идеального общественного парка. Я ходила в обычную государственную школу, а не в элитную частную, как Натали, и не помню, чтобы у меня были подобные задания, в которых можно проявить художественные способности. Девочка же принимала их как должное.

Натали хотела начать с карусели.

— Раньше я ходила с отцом в Проспект-парк, — сказала она, — а еще в тот, что у моста, обнесенный стеклянной стеной.

Я много знаю о каруселях. Больше, чем обычный человек. Я, наверное, провела сотни часов на скамейке перед аттракционом «Золотая карусель Золушки» и все еще могла подробно описать каждую лошадь. И я все еще слышала музыку.

Мы с Натали вырезали каждую деталь карусели и каждую лошадку, а затем установили их на картон. Затем вырезали и установили фигурки детей. Каждый картонный ребенок был уникальным: Натали, должно быть, думала об их характере, пока рисовала. Такой целостный подход показался мне крайне необычным для ребенка, даже многие взрослые, считавшие себя художниками, не уделяли столько внимания деталям.

— Помнишь, как в «Мэри Поппинс», — сказала Натали, — когда дети прыгают в рисунок английской деревни, нарисованный мелом на тротуаре. Они приземляются внутри рисунка, и весь мир оживает. А затем они катаются на карусели, а лошадки оживают и продолжают бежать, все дальше от своего обычного круга, по полям, куда им только ни захочется?

Я кивнула, хотя не уверена, что вообще когда-то смотрела «Мэри Поппинс».

— Лошадки прикреплены к карусели, едут по кругу и словно застряли. Но оказывается, на них можно уехать куда угодно. И всегда было можно, просто они об этом не знали. Каждый раз, катаясь на карусели, я прошу свою лошадь спрыгнуть и убежать, — она рассмеялась, — но ни одна меня не послушалась.

Наконец девочка приклеила последнюю фигурку на место. Мы перешли к деревьям, саду, камням и игровой площадке.

Натали осмотрела законченную диораму.

— Однажды я хочу построить этот парк по-настоящему, — заговорщицки сказала она мне.

— Ты собираешься стать архитектором, когда вырастешь? Как и твои родители?

Меня поразила резкая зависть в, казалось бы, мягком взгляде девочки.

— Если у меня получится.

И по тихому тону голоса было понятно, что она в это не верит. Как будто думала, что в одной семье не может быть столько таланта: большая часть досталась матери, и даже отцу — лишь небольшой остаток.

— У тебя получится.

— Надеюсь, я выиграю конкурс, — прошептала она, хотя в доме были только мы двое.

Я поняла, что беспокоюсь о Натали. Она была очень ранимой, и, как бы я ни восхищалась Амелией и Фритцем, я чувствовала, что они не справляются с потребностями дочери. Ей не хватало внимания. Я точно знала, что она ощущает.

После ужина Натали легла в постель и полчаса читала. Я поднялась в ее комнату, чтобы поже-

лать спокойной ночи. Она загнула край одной из страниц «Дающего» Лоис Лоури, чтобы отметить место, где остановилась, а затем положила книгу на тумбочку.

— Как тебе книга?

— Это история о сообществе, где каждому поручено дело всей его жизни, — сказала она. — И никто не может ничего решать или выбирать.

Я вгляделась в лицо мужчины на обложке.

— Мне бы хотелось решать хоть что-то самой.

— Ты будешь делать свой выбор, — я на секунду запнулась, — как и я.

Глава 4

В кабинете Страубов я включила верхний свет и села за ореховый стол Амелии, где обнаружила два новых стикера. На одном было написано «путешествие», а ниже несколько дат. На другом — «семейный психолог» и телефон. Неспособность Амелии выносить еще одного ребенка, очевидно, осложнила брак Страубов. Конечно, я искренне переживала за них, но при этом меня не покидало чувство, что мы встретились не просто так. Возможно, я могла им помочь.

Рядом с клавиатурой Амелии я заметила изысканную баночку с бальзамом для губ, открыв которую обнаружила, что это блеск цвета красной пожарной машины. Амелия была старовата для такого яркого оттенка — он бы придал ее чертам резкости, а вот для меня тон был идеальным. Я нанесла мазок на губы и вернула баночку на прежнее место. На полу рядом со столом стояла обувная коробка с наклейкой «возврат». Внутри оказалась пара явно дорогих кроссовок. Перед тем как выйти из комнаты, я осмотрелась, чтобы убедиться, что все осталось на прежних местах, и

только после этого выключила свет.

Два предыдущих дня я вновь и вновь возвращалась в мыслях к спальне Страубов и ощутила трепет, стоило мне только в нее войти. Это было такое интимное чувство, будто я оказалась в самой глубине их жизни. Словно плавала в бассейне их слитых воедино личностей, вплетенных в одну большую семейную идентичность. Окна комнаты выходили на задний двор. Под большими створками, отделанными латунной фурнитурой, вместо подоконника было устроено сиденье, что значительно увеличивало ширину комнаты. Белоснежная лепнина на потолке оттеняла стены цвета слоновой кости. Одеяло, как и шелковый ковер, походило на акварельную картину. Шкафы в гардеробной были явно сделаны на заказ, качество их не уступало мебели на кухне, а внутри — одежда на тысячи долларов.

Больше всего меня очаровала ванная. Фотографии, которые я до этого видела, не позволяли оценить, как каждый слой взаимодействует с другими. Это было потрясающее зрелище: зеркальные серебряные стены, полированный каменный туалетный столик, большие бра, просторная, облицованная мрамором душевая кабина с тропическим душем, мозаичный пол и

огромная ванна в форме яйца.

Я подошла к туалетному столику и встроенному над ним зеркалу, чтобы рассмотреть свое отражение: золотистые волосы обрамляли лицо, цвет лица юной девушки и блестящие красные губы. Лишь в прошлом году, когда мне исполнилось тридцать пять, я заметила несколько тонких морщинок на лбу, но видно их, только если внимательно вглядываться. В одном из верхних ящиков туалетного столика я нашла несколько красиво упакованных кремов для кожи, а также тушь за тридцать долларов, консилер за семьдесят долларов и пару пинцетов, которыми я удалила несколько волосков на бровях.

Закончив у зеркала, я повернулась, чтобы полюбоваться великолепием ванны. Я никогда не купалась в такой ванне, а потому прикинула, сколько у меня было времени. Сейчас десять вечера, Страубы определенно не появятся раньше одиннадцати, и Амелия дала понять, что, скорее, даже позже. То есть у меня как минимум час, прежде чем придет пора беспокоиться о возвращении хозяев.

Стянув через голову рубашку, я сняла бюстгальтер и еще раз глянула в зеркало: у меня по-прежнему был плоский живот и тонкая талия.

Я думала о зачатии и вынашивании ребенка, а роды могут изменить тело женщины, иногда навсегда. Затем я сняла носки, джинсы и трусики и просто стояла обнаженной в роскошной ванной и смотря на свое отражение, наслаждаясь ощущением связи и близости со Страубами.

Я осознала, что не могу воспользоваться полотенцем — высохнуть оно не успеет, а хозяева обратят внимание на влажное полотенце и влагу в комнате. Может, стоило дождаться следующего визита и принести полотенце с собой. Мысль о том, чтобы отложить принятие ванны, испортила мне настроение. Я заметила влажное полотенце, накинутое на крючок, и подумала, не использовать ли его. Наклонившись, я уловила запах Амелии.

Так и не приняв окончательного решения, я вернулась в спальню, чтобы изучить кровать Страубов. Дюжина подушек разного размера и из разной ткани, покрывало и обивка изголовья оттенков синего. Мне захотелось лечь прям так, обнаженной, на простыни из натурального хлопка. Интересно, Амелия и Фритц занимаются сексом или перестали после всех выкидышей. Может, теперь для них это момент слишком травмирующий.

В дверном проеме показалась Натали, но, заметив меня, она отпрянула.

— Привет, Натали. — Я старалась говорить спокойно, хотя меня захлестнула волна паники. Оглядевшись, я заметила на ближайшем стуле плед. — Такое дело… — Я завернулась в плед. — Вот только что… Ицхака вырвало. Ему так плохо. В самом деле. — Я старалась не смотреть девочке в глаза. — Так что вся моя одежда… Пришлось все убрать. Такой беспорядок, и я… Придется постирать одежду и походить в полотенце, пока она не высохнет.

— Бедный Ицхак. — Натали прошла мимо меня в сторону ванной.

Я боялась, что она решит посмотреть на мои вещи, чтобы узнать, говорю ли я правду. Но девочка замерла перед одной из прикроватных тумб, на которой стояли часы. Глянув на время, она вышла из спальни.

К счастью, после стакана молока Натали довольно быстро вернулась в постель. Меня слегка волновало, что и как она расскажет об увиденном родителям. Похоже, в историю про Ицхака она поверила, но точной уверенности у меня не было.

Все еще завернувшись в плед, я вернулась в ванную комнату, где оставила одежду, и отпра-

вила Амелии сообщение: «Могу ли я постирать одежду в стиральной машине? К сожалению, Ицхака стошнило».

«Не может быть! И он тебя испачкал?»

«Да все в порядке».

«Наша ванная в твоем полном распоряжении».

Ответ отогнал все мои страхи и наполнил тем же чувством эйфории, что было раньше.

Загрузив чистую одежду в стиральную машину, я вернулась в ванную хозяев, но уже не как нарушитель, а как приглашенный гость, и с удовольствием погрузилась в горячую воду. Струи воды массировали мое тело, и я представила, что это чьи-то руки. Мысли о Фритце захватили мое воображение. Затем последовали мысли об Амелии. Я завороженно смотрела на светильник на потолке: миллион капель хрусталя, удерживаемых какой-то невидимой силой. Чувство глубокого удовлетворения и оптимизма наполнило мою душу. Из ванны я вышла воодушевленная. Высохнув, я вернулась в прачечную, чтобы переложить вещи в сушилку.

Когда Амелия и Фритц вернулись, оба без конца извинялись. Они чувствовали себя ужасно виноватыми, что оставили Ицхака — собаку с хроническими желудочно-кишечными пробле-

мами — на моем попечении.

На следующий день я проснулась словно с похмелья: поздно и с головной болью, — хотя накануне вечером выпила совсем немного. Первым делом схватилась за телефон. В прошлый раз, когда я присматривала за Натали, Амелия написала мне рано утром, но на этот раз сообщения не было. Через двадцать минут я проверила телефон еще раз. И потом еще раз. Я надеялась, что наши отношения стали крепче, и боялась отката назад. Выпив чашку кофе, я приняла душ, оделась, снова проверила телефон, а затем собрала технику для запланированной на этот день работы.

Приехав на место, я вышла из лифта прямо в угловой двухуровневый пентхаус: шестиметровые потолки, белые дубовые полы, ухоженная терраса и потрясающий вид. Отсняв более восьмисот вечеринок, устроенных богатыми жителями Нью-Йорка, я больше не впечатлялась размером жилища, произведениями искусства, дорогой мебелью или отделкой — все же у большинства богатых людей дурной вкус и второсортные дома. Можно нанять людей, которые расскажут, какие покупать картины, посуду и простыни, в какой цвет красить стены, но тогда результат не отражает личность, вкус или внутренний мир

хозяев. Как и при любом общем представлении о хорошем, итог получался, скорее, плохим.

Дом Страубов был другим. Амелия и Фритц не проектировали свой дом в попытке воссоздать то, что они видели раньше. Они сами были художниками. У них было свое видение.

Я пришла раньше всех гостей. Семилетний Бо́рис сидел в гостиной один, играя во что-то на планшете. Я подошла к крепкому на вид мальчишке и вручила ему коробку, обернутую зеленой бумагой и серебряной лентой.

— С днем рождения! — сказала я.

Он взял сверток и положил его на пол у своих ног, а затем прыгнул на него всем весом. Подняв раздавленный сверток, он вернул его мне с ехидным выражением лица.

— Не хочу вечеринку, — сказал он. — Не люблю никого из приглашенных.

Я вертела в руках смятый подарок, впервые заметив, что моя зеленая блузка сочетается с оберточной бумагой.

— Даже меня? — Я улыбнулась мальчику.

Он внимательно осмотрел на камеру на моей шее и наморщил нос.

— Особенно тебя.

Отойдя от Бориса, я решила повторить попытку

через несколько минут.

На кухне встретила Симону, шеф-повара, которая готовила свиные отбивные и канапе с козьим сыром.

— Привет, Дельта, — сказала она мне, когда я подошла, а затем тихо добавила, кивнув в сторону Бориса: — Маленький засранец.

За эти годы я выработала невозмутимое выражение лица, в котором не было ни согласия, ни отрицания. И это было выражение, которое я продемонстрировала Симоне. Не хотела, чтобы во мне видели сплетницу. Откровенно говоря, она недооценивала хозяев: такое отношение точно чувствуется. Многие из моих клиентов были вульгарными, поверхностными, высокомерными или наглыми. Но они не были глупы. Они ожидали, что люди, работающие на них, будут проявлять уважение, независимо от того, искреннее оно или нет. Я рано усвоила этот урок от Эмили Миллер — светской львицы, которая работала организатором мероприятий, — когда помогала ей на свадьбах. Если у клиента было хотя бы смутное подозрение, что вы о нем невысокого мнения, то вас больше никогда не пригласят на работу.

Приехали друзья Бориса, а потом Мак-Волшеб-

ник. Я знаю Мака много лет. Он всегда хвалился, что вообще-то выступает на больших площадках, а вечеринки — это особая услуга из уважения к родителям. Но все мы знали, что это неправда. Каждый раз у него были одно и то же шоу и одни и те же несмешные шутки.

Обычно дети толпой окружали Мака во время номера с жонглированием ножами, из-за чего у меня не раз замирало сердце, хотя я видела его выступление раз двадцать, и никто еще не пострадал. Родители Бориса, потягивающие вино на кухне, ножей даже не заметили.

Борис был единственным ребенком, который не получал никакого удовольствия от шоу, да и вообще от всей вечеринки. Три часа я ждала, надеясь, что его настроение изменится, но ничто, даже кексы с супергероями, не могли его взбодрить. Пришлось смириться с мыслью, что финальные кадры будут полностью вымышленными.

Я взяла за правило не пить во время работы, делая исключение только для самых настойчивых хозяев. Но в этот раз выпила перед выходом полбокала шампанского. Мои нервы были на пределе.

Пока я ждала такси, пришло сообщение от

Амелии. Открывая его, я почувствовала прилив возбуждения. Она писала, что они уезжают из города на две недели зимних каникул. Раньше забыла об этом упомянуть.

Мои руки и ноги налились тяжестью.

Несколько минут я размышляла над ответом. Не хотелось выглядеть слишком нетерпеливой, но мне нужно было держаться рядом со Страубами.

В конце концов написала: «Я могу приглядывать за Ицхаком и поливать цветы. Мне будет ничуть не сложно. Дай знать, если нужна помощь!»

«Бог мой, Дельта! Ты лучше всех. Ицхак в отеле для собак, но, пожалуйста, полей цветы! Как же прекрасно, что ты предложила помощь».

Ее сообщение меня обрадовало: безумно хотелось находиться в их доме.

Еще одно сообщение от Амелии:

«Помнишь, я рассказывала тебе о Яне Уокере? Он просто душка. Я дала ему твой номер!»

Мысленно возмутилась, что Амелия спихивает меня на Яна. Это несколько неуважительно. Как она вообще узнала, что я свободна? Но, подумав, решила, что при случае все равно пойду с ним на свидание — такой шанс узнать побольше о

Страубах.

Вернувшись в квартиру, я уселась за компьютер. Работа оказалась долгой. По сути, мне пришлось создать вечеринку по случаю дня рождения, которой никогда не было, чтобы продемонстрировать восхитительного и ласкового ребенка, которого тоже не было. Когда мне требовалась пауза, я открывала папку со дня рождения Натали. В каждом кадре я видела возможности для нового коллажа, возможность провести время со Страубами. Мое общение с ними, даже если только на фотографиях, было бальзамом для души.

Два дня спустя мы с Яном ужинали в шумном и многолюдном итальянском ресторане. Приехав, я заметила его в другом конце зала, — именно с ним Фритц разговаривал в кухне в день рождения дочери. Лет сорока, темно-каштановые волосы, густые брови. Так сразу и нельзя было сказать красивый он или нет. В отличие от остальных мужчин в ресторане, он был при галстуке. Волосы были очень короткими, будто только после стрижки. И похоже, во время бритья он порезал подбородок.

Ян, казалось, удивился при виде меня. А может, растерялся. Стало ясно, что он не привык встре-

чаться с красивыми женщинами.

Начала я с вопросов о нем самом. Я всегда предпочитала спрашивать первой: спрашивающий обладает большей властью, отвечающий — более уязвим. Среди прочего я узнала, что он вырос в Нью-Джерси и учился в Университете Райса, получив степень магистра. Он рассказал об отце, умершем в прошлом году, и о последующем одиночестве матери. Как же мне наскучило слушать об одиночестве других людей! Но Ян этого знать не мог.

Недавно он помогал матери с уборкой квартиры перед продажей. У нее был острый артрит, и сама она передвигалась с трудом. По словам Яна, мать была настолько скупа, что сама сфотографировала квартиру, отказываясь тратить деньги на профессионального фотографа.

Некоторые считают себя фотографами, сделав несколько удачных снимков на телефон. Бесконечное количество обезьян с бесконечным количеством пишущих машинок и бесконечным количеством времени могло написать полное собрание сочинений Шекспира. Это называется теоремой о бесконечных обезьянах, и она также применима к фотоаппаратам и фотографиям. Я не стала рассказывать о ней Яну.

— Фотографии могут иметь большое значение, — только и заметила я.

— Я знаю. — Он с раздражением покачал головой. — Ее паршивые фотографии, вероятно, будут стоить процентов сорок от рыночной цены.

После пары мартини Ян немного расслабился.

— Дельта Дон. Разве это не песня?

Я улыбнулась.

— Угу.

— Красивое имя.

— Мне оно никогда не нравилось.

— О, сочувствую.

— Обычно об имени говорят люди, с которыми мне некомфортно.

— Некомфортно? В смысле?

— Да во всех, на самом деле. — Слова сами вылетели из моего рта.

Я заметила, что этот комментарий обеспокоил Яна, и пришлось рассмеяться:

— Да я шучу!

Он неловко улыбнулся и заказал еще мартини.

Как только разговор перешел на Страубов, вечер потек быстрее — оказалось, нам обоим нравилась о них говорить. Ян рассказывал мне о жилых и коммерческих проектах, над которыми они работали вместе на протяжении многих

лет. Он сам проработал в фирме десять лет, хотя раньше мечтал открыть свое дело, но решил, что это слишком сложно в нынешних условиях.

Ян рассказал о Страубах то, что я не могла узнать, лишь находясь в их доме. Например, я лучше разобралась в отношениях Амелии и Фритца — как личных, так и деловых. Фритц был вундеркиндом, основавшим собственную фирму в двадцать с небольшим лет. Сперва он пригласил Амелию как рядового сотрудника, но вскоре сделал своим партнером. Где-то по пути они и поженились. Между тем, хотя Ян не сказал этого прямо, я поняла, что спрос на услуги Амелии быстро вырос, и в итоге она стала привлекать большинство клиентов. Такая вот смена власти.

Ян был настоящим кладезем информации и в целом довольно очарователен.

— Я благодарна Амелии за дружбу, — заметила я, допив третий бокал вина и прикончив тарелку спагетти болоньезе. — Ее пример вдохновляет! — Мне приходилось повышать голос — за последний час людей в ресторане прибавилось.

Я рассказала Яну, что сидела с Натали, и упомянула конкурс диорам.

— Натали милая девочка, — согласился он. — Но я беспокоюсь о ней. Ей будто бы одиноко.

Комментарий прозвучал несколько нелояльно по отношению к Амелии и Фритцу. К счастью, в этот момент официант принес нам капучино, и мне не пришлось высказывать свое мнение. Ян отпил кофе.

— Может быть, скоро появится еще один маленький Страуб, — предположила я.

Ян откашлялся.

— Может быть.

— Мне кажется, Амелия действительно хочет второго ребенка. Ты так не думаешь?

Он поерзал в кресле.

— Ну, они не скрывают, что уже несколько лет пытаются завести ребенка.

— Несколько лет?! — Мне не хотелось, чтобы Ян решил, что я не просто друг семьи, но человек в отчаянном поиске информации.

Мы не заказывали десерт, но официант все равно принес тарелку с профитролями. Я сделала еще глоток кофе.

— Хотела бы я помочь Амелии. Как-то ее поддержать.

Ян изучил тарелку с маленькими пирожными и затем выбрал одно. Очевидно, отвлекшись от темы бесплодия Амелии, он подвинул тарелку в мою сторону.

— Действительно вкусные.

Пришлось попробовать десерт, хотя есть больше не хотелось.

— Амелия сказала, что у тебя есть сын. — Ян улыбнулся, будто хотел показать, что эта тема его не смущает.

— Да, Джаспер. — Я вытащила телефон и открыла фотографию, где Джаспер катался на серфе. Это был один из лучших моих коллажей, и я решила показать его Яну. — Он в Калифорнии, с отцом.

— Хорошее фото. Твой бывший муж тоже фотограф?

— Нет. — Я попыталась рассмеяться. — Во всяком случае, не профессионал. Джаспер начал заниматься серфингом — разве это не круто? Ему всего пять.

— Потрясающе!

Я убрала телефон.

За ужин платил Ян. И тогда я решила сохранить небольшую дистанцию при расставании: дать понять, что пока мы просто друзья, но намекнуть, что в будущем это может измениться.

Мы направились к гардеробу у входа ресторана, протискиваясь между столиками и пробегавшими мимо официантами.

— Послушай, Ян, — сказала я, пока мы стояли в

очереди, — если хочешь, могу сделать несколько снимков квартиры твоей матери до того, как она выставит ее на продажу. Бесплатно, само собой.

Он явно хотел сказать «да», но был слишком вежлив, чтобы сразу согласиться, и опустил глаза.

— Не хочу тратить твое время.

Я передала номерок гардеробщице.

— Эти фото пригодятся мне для портфолио.

— И все равно не хочу навязываться. — Ян покраснел, но явно был рад моему предложению.

— Ян, когда вам будет удобно?

Он задумался.

— Она собиралась выставить ее уже в понедельник, но…

— Так как насчет завтрашнего утра? — Вообще-то, у меня уже была запланирована съемка, но ее можно было перенести на пару часов. Возможно, у меня не будет другой возможности снискать расположение Яна.

— Спасибо за предложение. Правда.

Ян помог мне надеть тяжелый пуховик, сам накинул куртку, и мы вышли на улицу. Он наклонился ко мне, чтобы поцеловать на прощание, но я, будто не осознавая его намерений, сделала небольшой шаг в сторону.

— Значит, до завтра?

Ян улыбнулся, и я заметила ямочки на его щеках.

— Спасибо, Дельта.

Большие окна в квартире матери Яна давали отличный свет. В гостиной я безжалостно убрала все личные вещи: удалила из кадра 90 процентов ваз, подносов, коробок, тарелок, корзин и других безделушек. Беспорядок препятствует красивым линиям и свету. Много лет назад я научилась не спрашивать разрешения в подобных ситуациях. Я намеревалась сделать фотографии, которые точно бы продали эту квартиру.

Хорошие снимки создают иллюзию новой реальности, как и с фотографиями детей. Они важнее, чем то, что вы увидите, войдя внутрь: наш мозг может по-разному интерпретировать то, что видят глаза, а картинки — фиксированы, их не так легко изменить. Это одна точка зрения, один момент времени. Мы склонны доверять тому, что видим на снимках.

Ян и его мать Паула следовали за мной, наблюдая за работой. Иногда я позволяла им посмотреть в видоискатель. Паула засыпала меня вопросами, и я объясняла, как создать впечатление большего пространства, более высоких потолков и в целом

простора. Здесь важны ракурс и освещение. Я снимала с высоты колена и из угла в угол, и почти в каждом кадре было одно из зеркал, висящих на стенах.

— Если снять зеркало под правильным углом, — заметила я, — вы можете создать еще одно окно, или картину, или комнату, которая будет выглядеть вдвое больше.

Тем же вечером я отправила Яну и Пауле несколько лучших кадров: из неплохой, но унылой квартиры получился шедевр. Эти фотографии могли бы появиться в любом журнале по дизайну и архитектуре — я говорю это без всяких преувеличений. Благодаря моей работе с освещением квартира стала не просто больше, казалось, над ней работал профессиональный дизайнер. Я создала искусство. Я создала иллюзию.

В пятницу вечером я стояла у дома Страубов. Амелия дала мне код от небольшого сейфа, установленного за живой изгородью у входа в квартирку в цокольном этаже. Ключ от входной двери висел на одной связке с еще двумя ключами без опознавательных знаков. Вероятно, один из них был как раз от квартиры. Я бросила взгляд на ее окна: свет не горит, шторы опущены. Надо будет узнать у Страубов, живет ли там кто-нибудь.

Я поднялась по главной лестнице и открыла парадную дверь.

— Здравствуйте! — крикнула я, сама не зная зачем.

С собой у меня были два пакета с продуктами — я планировала приготовить курицу с пармезаном. На такой кухне самые приземленные дела становились магией.

Поскольку Страубы уехали на две недели, я запланировала четыре визита, решив, что каждый раз смогу спокойно провести в их доме несколько часов. Уверена, Амелия и Фритц будут не против, но в любом случае надо вести себя осторожно.

В холодильнике стояла почти полная бутылка пино-гри. К возвращению хозяев вино выдохнется, так что я без смущения налила себе бокал и выпила. Со вторым бокалом вина я ходила из одной комнаты в другую, вверх по лестнице и обратно вниз, впитывая каждую деталь. Я отмечала, как все без исключения точки пространства сочетались одна с другой, давая потрясающий совокупный эффект. Переходы между комнатами, как и лестница, были изолированными, но полными воздуха, а сами комнаты были такими обжитыми, семейными — казалось, сам дом олицетворял собой связь между изоляцией и

сообществом.

Я поставила бокал вина на латунный столик в гостиной. До этого не обращала внимания на четыре шелковых коврика, но, судя по подписям к фотографиям в журнале, стоимость каждого из них была тридцать тысяч долларов. Акварельные эскизы к ним сделал бруклинский художник, а выткали их в Непале. Я села на пол рядом с самым красивым и провела рукой по гладкой серой поверхности, оказавшейся мягче, чем большинство простыней и наволочек. Я коснулась коврика щекой, просто чтобы почувствовать шелк на лице. На нем было бы легко и приятно заснуть.

Сняв всю одежду, включая нижнее белье, я легла на коврик лицом вниз и почувствовала себя частью дома Амелии и Фритца, словно в глубине их жизни. Несмотря на то что я проводила по многу часов в домах клиентов, всегда натыкалась на стены, которые не давали мне проникнуть внутрь. Этих стен не было видно, но они ощущались, если подойти слишком близко, попытаться пересечь границу.

В начале своей карьеры я совершила несколько таких ошибок: прилегла на диван, достала еду из холодильника. Реакция хозяев всегда была одинаковой и очевидной: я вторглась в их

пространство, пересекла черту, позволила себе вольности.

Теперь, лежа обнаженной на ковре, я чувствовала свою власть. Я проникла сквозь стены, преодолела барьер, заявила права на территорию. Это было полной противоположностью почтению и нерешительности, которые так часто меня ограничивали. Теперь никто не мог меня остановить.

Все еще обнаженная, я вернулась в кухню и нашла лейку, чтобы полить фикус в гостиной и каучуковое дерево в библиотеке. Проходя мимо большого зеркала, я остановилась и некоторое время изучала свое отражение. Нагая и с лейкой в руке я словно была статуей кого-то из античных богинь.

Одевшись, я налила еще один бокал вина и приступила к приготовлению ужина: отбила куриные грудки, обваляла их в муке, яйцах и панировочных сухарях, а затем добавила томатный соус и сыр. Хозяйка этой кухни была замечательным человеком. Но даже не будь она столь выдающейся с самого начала, время, проведенное в этом доме, изменило бы ее внутренне. Мы, люди, меняемся, чтобы соответствовать окружению.

Поставив медную форму для запекания в духовку, я наполнила свой бокал, и тут с заднего двора послышался какой-то шум. Если кто-то и жил в цокольной квартире, то сейчас там никого не было. Тогда кто это? Хозяева точно оценят, если я выясню, что происходит.

Выйдя через двойные двери и спустившись в сад, я крикнула:

— Эй, кто там?! Здравствуйте!

Тут я почувствовала странный запах. Утечка газа? Страубы будут благодарны за мою бдительность. Я дошла до двери квартиры и постучалась.

— Эй!

Света в окнах все так же не было, и мне никто не ответил. Тогда я достала связку ключей, и второй из них подошел.

Включив свет, я отметила, что внутри все было именно так, как в моем представлении, — будто это место проектировали специально для меня, под мой вкус. Каждый элемент дизайна был продуман и безупречно реализован.

Амелия — полагаю, автором проекта была именно она, — выбрала для этой квартиры более яркие цвета, чем в большом доме: дымчато-зеленый в гостиной и серовато-фиолетовый в

коридоре.

— Есть тут кто? — громко позвала я. Если бы оказалось, что внутри кто-то есть, я бы объяснила, что почувствовала запах газа и проверяю, все ли в порядке.

Я вошла в просторную спальню. Белоснежный пододеяльник на кровати был из того же набора, что и постельное белье в спальне хозяев. На прикроватной тумбочке стояли две фотографии в рамках: группа женщин лет двадцати в отпуске на Багамах и молодая невзрачная женщина рядом с пожилой парой, возможно, родителями. Эта женщина тут и жила? Интересно, сколько она платила или какую работу выполняла. Мне было интересно, была ли она любовницей Фрица. Я открыла шкаф, в котором весело несколько костюмов. Может быть, она юрист? Финансист? Перебрав небогатую коллекцию украшений, я сразу отметила ее аккуратность.

В гостиной я села на выцветший диван, который, вероятно, принадлежал не хозяевам, а арендатору, и осмотрела встроенные светильники, цвет стен, красивую мебель. Удивительно, что Страубы решили сдавать эту квартирку. Возможно, считали, что это один из способов продемонстрировать свою работу?

Перед тем как уйти, я достала из кухонного шкафа стакан, наполнила его водой и вылила на деревянный пол посреди спальни. Пусть думает, что где-то протечка. Я же сфотографировала лужу, чтобы при необходимости у меня были свидетельства, вытерла насухо стакан и вернула его в шкаф.

После ужина я прибралась на кухне, чтобы она выглядела точно так же, как до моего приезда, вымыла посуду, насухо протерла и убрала по местам. Потом сложила весь мусор в мешок, чтобы выбросить по дороге на поезд.

Перед самым выходом я заглянула в кабинет, ведь раньше именно здесь оказывалась самая полезная информация. Сев за стол Амелии, я положила руки на гладкую поверхность. Среди стопки архитектурных чертежей оказались два новых стикера: «агентство суррогатного материнства» и номер телефона, «агентство по усыновлению» и тоже номер. По спине пробежали мурашки.

Амелия и Фритц вполне могли двигать вперед в решении стать родителями во второй раз. Точно я об этом не знала, и мне нужно было понять, как они мыслят, чтобы помочь им.

Через несколько дней Ян прислал мне экстрава-

гантную цветочную композицию с открыткой, на которой было написано: «Я восхищаюсь тобой». Его мать прислала коробку шоколадных конфет и открытку с надписью: «Ты молодец».

Я написала Яну, что планирую поработать в районе недалеко от его дома, и мы встретились за ужином в небольшом японском ресторанчике, украшенном старинными панно.

Оказалось, на квартиру нашлось уже два покупателя, и их предложения по цене были выше ожиданий.

Первые полчаса Ян казался мне каким-то косноязычным и слегка взволнованным.

— Я действительно… Ну, то есть… Уверен, это благодаря твоим фотографиям, — сказал он наконец. — Мама теперь твой друг до конца жизни. А я даже не могу… Еще я отправил пару фотографий Амелии, и она тоже в восторге.

Он был в таком восторге еще и потому, что быстрая продажа позволила бы его маме переехать как можно скорее.

— В этой квартире ей все напоминает о моем отце. Но теперь она собирается во Флориду. — Он сделал паузу. — Ты же сама из Флориды?

— Из Орландо. Мои родители работали в «Диснейуорлде».

— Ух ты. — Ян удивленно заморгал. — Это же сказочное детство!

— Они были «хранителями» — так в парке называют уборщиков.

Вообще-то, родители ненавидели свою работу и друг друга. Наверное, это был личный ад для каждого из них.

— Но все равно здорово!

Большинство людей не осознают, что любая работа в парке развлечений, обслуживающим персоналом или кем-то еще, несет в себе больше мрака, чем света, больше боли, чем удовольствия.

— Я прожила в парке десять лет.

— Ты невероятна.

— Это не так, — скромно улыбнулась я.

Я взяла с тарелки ролл «Калифорния». Ян сделал заказ за нас обоих и, очевидно, несклонный к риску, выбрал самые банальные блюда.

— Кстати, вчера я звонила Амелии. Мне показалось, она чем-то обеспокоена.

Ян молча разгладил складки на скатерти, и мне пришлось продолжить:

— Но она не сказала, что случилось. Ты, случайно, не знаешь?

У меня были кое-какие подозрения, но мне

хотелось услышать версию Яна.

Он вздохнул.

— Вероятно, дело снова в ребенке, о котором она мечтает.

Я почувствовала, как расслабляются мышцы.

— Думаешь?

— Фритц говорит, все действительно непросто.

— Он про их брак?

— Может быть.

— Скорее всего, именно об этом.

— Может, они винят себя или что-то в этом роде… — пробормотал Ян.

— Но наверняка все можно решить!

Официант убрал наши тарелки, а Ян смахнул со скатерти воображаемые крошки.

— Фритц говорит, что усыновление — сложный процесс. И тянется уже пару лет.

— А суррогатное материнство?

— Тоже вариант. — Ян крутил в пальцах палочки для еды. — Один мой знакомый решился на такой шаг.

— Тут может помочь родственница или подруга семьи, — я продолжала настаивать на своем, но тут официант принес счет, и пришлось сменить тему: — Ян, я так рада, что мы провели этот вечер вместе! С тобой так легко общаться, словно мы

сто лет знакомы.

Осторожно положив руку ему на локоть, я задержала ее там чуть дольше уместного для дружеского жеста, потом обняла его на прощанье. Это была намеренная двусмысленность.

Глава 5

Фотографии с дня рождения Натали были готовы к Новому году, как раз в тот день, когда Страубы вернулись из отпуска. Обычно я не вставляю фотографии клиентов в рамку, но в этом случае не удержалась. Я хотела, чтобы мои работы сразу стали частью их дома, и решила не полагаться на Амелию и Фритца.

Выбрав пять фотографий, я распечатала их и вставила в рамки, а лучший кадр — смеющуюся Натали с воздушным шариком в форме единорога в руках — поместила в рамку из серебра. Каждую из них я дополнительно обернула в плотную бумагу бронзового цвета, которая, как мне казалось, понравится Амелии.

Второго января на подходе к дому Страубов меня охватило волнение. Скучала ли Амелия по мне так же сильно, как я по ней?

Но как только Амелия открыла двери, меня словно окутал исходящий от нее свет.

— Дельта Дон! — воскликнула она.

В моей голове снова зазвучали колокола и тут же превратились в полноценный оркестр,

исполняющий оперу, вероятно, «Аиду» Верди, поскольку это была единственная известная мне опера.

Я вручила Амелии завернутые в бумагу фотографии. Не покажется ли серебряная рамка экстравагантным подарком, не оправданным нашей дружбой? А еще я боялась, что реакция будет не такой яркой, как мне хотелось бы. Хотелось, чтобы она поняла мое творчество так же, как я понимала ее работы.

Амелия развернула фото Натали. Слезы наполнили ее глаза.

— Милая Дельта. Нет слов. — Она обняла меня.

Моя душа ликовала. Впервые мне пришла на ум эта фраза, и она была как нельзя более подходящей.

Три фотографии Амелия поставила на столик в библиотеке и две — в гостиной. Придумать более заметного места для них я не могла.

После новогодних праздников я сидела с Натали почти каждую пятницу, а иногда и еще пару раз в неделю. В итоге в среднем я проводила два вечера у Страубов, один вечер с Яном, и оказалось, что график у меня очень плотный.

Я забирала вещи Страубов из химчистки и помогала по всяким мелким делам — это все давало

мне повод бывать у них как можно чаще. И я знала, что Амелия ценит мою помощь.

«Дельта, ты настоящее чудо», — говорила она, переплетая пальцы в молитвенном жесте.

Однажды вечером я заметила, что в окнах квартиры в цокольном этаже горит свет. Будто невзначай я упомянула об этом, когда Фритц открыл мне двери.

— Хочешь, я схожу и выключу?

— Это всего лишь малышка Гвен, которая снимает у нас жилье. — Фритц улыбнулся. — От нее ни звука не слышно. Лучший квартиросъемщик — никогда не навязывается.

С Фритцем мы общались не очень много, но, уверена, я ему нравилась. Часто я ловила на себе его взгляд. Мне и самой хотелось быть с ним как можно ближе, возможно, потому что он был центральной фигурой в мире Амелии.

По пятницам я старалась приехать пораньше: пока Фритц не привез Натали из школы, мы с Амелией могли провести время вдвоем. Иногда входная дверь оставалась открытой, так что я неслышно входила в дом и, стоя на пороге кабинет, наблюдала, как Амелия сосредоточенно хмурится, погрузившись в работу. Ее красоту и потрясающий ум невозможно было восприни-

мать порознь.

Однажды я увидела открытый на экране проект городского дома.

— Амелия, это великолепно! — Я говорила абсолютно искренне.

— О, Дельта, ты так думаешь? — Она тут же стала похожа на ребенка — полного надежд и жаждущего похвалы.

— Да, просто потрясающе.

Амелия и не могла создать что-то банальное. Ее дизайн всегда был функциональным, но при этом очень креативным.

Моя поддержка ее, очевидно, воодушевила, даже сидеть она стала прямее, вздернув подбородок.

— Я иногда настолько погружаюсь в работу, что в итоге не могу решить, какое решение удачное, а какое нет. — Амелия коснулась моей руки. — Не могу передать, что для меня значат твои слова.

Думаю, Фритц перестал говорить Амелии то, что ей хотелось слышать, а она увядала, когда ей не хватало похвалы. Ей нужен был рядом человек, поддерживающий самооценку.

Обсудив ее работы, мы устраивались на кухне, и Амелия разливала чай. Это были одни из самых счастливых моментов в моей жизни.

А еще я все ждала, когда выдастся удачный момент поговорить с ней о ребенке. Но пока такого шанса не было.

Иногда она спрашивала обо мне.

— Итак, от Яна я получаю отчеты о ваших встречах, а от тебя — тишина, — сказала она однажды, и глаза ее горели любопытством.

Я сделала глоток малинового чая.

— Безумно рада, что вы нас познакомили! Как ты догадалась, что мы друг другу понравимся?

С Яном мы встречались регулярно, но я старалась как можно дольше оттягивать с физической близостью, пока удавалось сохранять его интерес ко мне.

Амелия сияла, явно наслаждаясь ролью свахи.

— Это была интуиция!

— Он потрясающий человек. Мне кажется, что мы знакомы много лет.

— Это ты замечательная! — Амелия сжала мою руку. — Между прочим, он показал мне фотографии, которые ты сделала для его матери. И похоже, Паула уже планирует вашу свадьбу. И я могу ее понять. — Ее звонкий смех разлетелся по комнате.

«Пообедаем в четверг? Ты свободна?»

Это сообщения я получила от Амелии в по-

недельник. От неожиданности у меня даже закружилась голова. Конечно, я надеялась, что наши отношения выйдут за рамки фотографии и присмотра за Натали, но думала, что это займет несколько месяцев. Не ожидала, что так скоро мне не понадобится предлог, чтобы провести с ней время.

Амелия предложила мне осмотреть дом, работу над которым они как раз закончили. До этого она показывала мне проекты, но такое приглашение было признаком укрепления нашей близости. Это был значительный шаг вперед в наших отношениях.

В среду вечером я потратила больше часа на выбор наряда для встречи с Амелией. Я хотела, чтобы она гордилась мной, если вдруг ей придется представлять меня коллегам или клиентам. И надо было выглядеть так, будто я принадлежу к тому же социально-экономическому классу, что и она. Возможно, мы пойдем в хороший ресторан, так что мой образ должен быть на высоте, но при этом непринужденным. Перемерив большую часть одежды в шкафу, я остановила свой выбор на сером кашемировом свитере и черных брюках. Ничего выдающегося, но Амелия наверняка оценит, что брюки и свитер очень дорогие.

В полдень следующего дня я приехала по адресу, который дала мне Амелия. Трое рабочих заканчивали последние штрихи в доме: устанавливали кухонную мебель, бытовую технику и осветительные приборы. Я заметила Амелию — на ней было стильное коричневое пальто, на шее — шелковый шарф.

— Моя прекрасная Дельта! — воскликнула она. — Я так рада, что ты здесь!

Было очень холодно, но слова Амелии за секунды согрели меня изнутри.

Я отметила, с каким уважением относятся к ней рабочие. Да что там, они ей поклонялись. Сама же Амелия внимательно осматривала каждый уголок новой кухни, прикидывая, что нужно поправить.

— Выровняйте крепления. Отцентрируйте бра. Поднимите люстру на пять сантиметров. — Она так уверенно давала указания, что никто бы не усомнился в ее опыте.

Закончив говорить с рабочими, она показала мне дом, рассказывая о концепции его пространства. Уже был не только закончен ремонт, но и завезена практически вся мебель. Перепланировка была не такой глобальной, как на первом этаже дома Страубов, где осталось минимум

стен.

Мы вошли в библиотеку.

— Клиенты хотели сохранить все темное дерево и панельную обшивку стен, — рассказывала Амелия. — Они думают, что таким образом проявляют уважение к истории дома. Я пыталась объяснить им, что все это добавили в шестидесятые годы. Да даже если что-то и сделали изначально, все равно ведь некрасиво! И тогда мне пришлось сказать прямо: «Слушайте, вы говорите, вам понравились работы на нашем сайте. Что ж, ваш дом не будет выглядеть подобным образом, если вы оставите всю эту тяжелую древесину».

Амелия говорила о своей работе на удивление практично. Да, она была настоящим художником — именно это в ней меня привлекало, — но при этом она без смущения признавала коммерческую сторону своей работы. У нас так много общего.

Дом мне показался красивым, хотя, конечно, с домом Страубов не сравнить. Мы поднялись по лестнице, и Амелия обратила мое внимание на особо любые ею детали: черные чугунные решетки, стальные балясины и изящно изогнутые поручни из красного дерева. Дом был не совсем во вкусе Амелии, но я могла сказать, что она им

гордилась.

Она показала мне спальню хозяев на втором этаже и детские спальни на третьем.

— Мы планировали отправить фотографии этого дома на архитектурный конкурс, но фотограф, с которым мы обычно работаем, в этот раз нас подвел. — Внезапно она остановилась у края лестницы и повернулась ко мне. — Знаешь, а мне ведь только что пришло это в голову! Ты могла бы сделать для нас несколько снимков?

Мне потребовалась почти минута, чтобы осознать ее слова. И на меня накатило опустошение. Вот почему она пригласила меня на обед. А я-то думала, что ей нравится проводить со мной время.

— Нам нужен гениальный фотограф, способный справится с темными тонами, — продолжала Амелия. — Конечно, я заплачу, сколько скажешь.

Я пыталась себя убедить, что такая просьба должна мне польстить. Ей понравились фотографии, которые я сделала для матери Яна. И настоящие друзья всегда готовы помочь друг другу. То, что Амелия попросила меня об одолжении, необязательно говорит плохо о нашей дружбе.

Но я чувствовала себя глупо. И в тот момент, попытавшись взглянуть на себя со стороны, я

увидела няню Натали и фотографа с вечеринки. Не художника. Не ровню.

Когда на следующей неделе подошло время для съемок, я уже преодолела свое уныние и даже смогла получить удовольствие от процесса. Во многом благодаря безраздельному вниманию и восхищению Амелии. Она ходила за мной, как щенок, точно так же как до этого Ян и Паула. Иногда я позволяла Амелии смотреть в видоискатель.

— Как ты это делаешь? — спрашивала она. — Ты не искажаешь пространство, а интерпретируешь его наилучшим образом. Ты гений.

Я замешкалась, когда она спросила, сколько стоит моя работа. Возьми я плату, это бы укрепило наши отношения как клиента и исполнителя. Но и без денег я не могла быть уверена, что она дружит со мной не только потому, что ей нужна моя помощь.

Она платила мне за те вечера, что я сидела с Натали, и это казалось ей нормой, но работу фотографа я считала отдельной категорией. Во-первых, мои услуги стоили дорого, но что-то подсказывало мне, что Амелии не очень понравится, скажи я, что мой гонорар — полторы тысячи долларов в день. Но я не должна занижать

цену за свою работу. Значит, все или ничего. И я выбрала «ничего».

В начале февраля Амелия и Фритц уехали на четыре дня в Рим, чтобы встретиться с одним из самых крупных заказчиков, а меня попросили остаться с Натали. Я, конечно, согласилась.

Все эти четыре дня каждое утро я готовила Натали завтрак и провожала ее до школы. Пока шли уроки, я возвращалась к себе и занималась обработкой фотографий. Казалось, что время в моей квартире еле тянется. Мой мозг и даже тело привыкли к пространству и свету в доме Страубов, когда, бросив взгляд за большое окно или стеклянные двери, можно легко было перенестись за пределы стен. В этом доме я чувствовала себя свободной, меня не сдерживали ограничения, а в собственной квартире мне было тесно, и я словно сжималась и уменьшалась.

Амелия говорила, что Натали достаточно взрослая, чтобы оставаться одной на пару часов, но я все равно возвращалась к половине пятого — Натали как раз возвращалась из школы, — а часто и раньше.

Гвен, жившая в цокольном этаже, днем была на работе, так что я могла незаметно проникнуть в ее квартиру. Ведь кто-то должен был за ней

приглядывать, потому что были в ее поведении тревожные звоночки. Например, в изножье ее кровати лежало одеяло, свернутое тугим рулоном, — признак того, что Гвен была сильно напряжена и при этом могла сорваться в любой момент.

Иногда я приходила часа в два дня и спала пару часов. Как же мне хорошо спалось в этой квартирке! Она была словно создана для меня. Не реже раза в неделю я повторяла трюк с лужей на полу, а еще время от времени перевешивала одежду Гвен — мне хотелось вывести ее из равновесия.

Эта квартира и будущий ребенок Страубов оказались для меня связанными. Мне казалось, что суррогатная или биологическая мать должна жить именно здесь во время беременности. Почти уверена, что сами Страубы именно так и планировали. Но ведь это не случай Гвен.

Каждый вечер мы с Натали делали уроки, вместе ужинали и выходили на прогулку с Ицхаком. Если уроков было немного, то мы играли в настолки. Перед тем как Натали засыпала, мы болтали о школе и ее друзьях.

— Хейли такая: «Пайпер, помнишь пончики, которыми нас угощали у Мадлен?» И тут же: «Ой, Натали, я забыла, что тебя с нами в тот раз

не было». Но ничего она не забыла. Просто хотела, чтобы я узнала, что они проводят время без меня.

Советов я не давала, но, думаю, Натали чувствовала себя лучше уже оттого, что я готова была ее выслушать. Иногда за разговорами мы проводили больше часа. Я и представить себе не могла, насколько значимыми окажутся для меня эти моменты. И как бы я хотела, чтобы так было и дальше.

В третью пятницу февраля я снова должна была сидеть с Натали, только в этот раз на ночевку оставалась Пайпер. Я запомнила ее как девчонку с вечеринки, не умевшую плести косы. Хотя после рассказов Натали о своих подругах я немного беспокоилась, как все пройдет.

Войдя на кухню, я оставила на стойке ноутбук и пакет из магазина — в нем была детская водонепроницаемая камера, подарок Джасперу. И я надеялась, что его кто-нибудь заметит.

Постучав в комнату Натали, я приоткрыла дверь и заглянула.

— Привет, девчонки!

Натали и Пайпер сидели на полу, увлеченные окрашиванием ногтей, и едва отреагировали на мое появление, если не считать легкого взмаха

рукой.

— Я буду внизу, — сказала я.

На кухне я нашла газету — Амелия и Фритц все еще получали бумажные газеты! — и с интересом прочитала статью о банде фальшивомонетчиков из Перу. Оказывается, фальшивомонетчики — настоящие художники, но они так жаждут признания своего мастерства, что часто непреднамеренно выдают себя.

Услышав шаги на лестнице, я сложила газету и вернула ее на стойку. Вошел Фритц. Он был в смокинге и, кажется, уже запарился.

— Привет, Дельта Дон! — Фритц налил в два стакана воды и кинул в них лед. Один протянул мне, второй выпил сам. — Боже, я ненавижу этот гребаный костюм обезьяны.

Он сел на табурет напротив меня и взглянул на первую полосу газеты, затем на детскую камеру в пакете.

— Подарок для Джаспера.

Отлично, моя покупка оправдала себя.

— О! Думаю, ему мог передаться твой талант. — Он повертел в руках стакан, а затем громко вздохнул и откинулся на стуле, глядя в потолок. — Наши клиенты покупают недвижимость в этой чертовой долине, а там везде деревья и

темно как в аду. А ведь могут позволить себе, чего только пожелают! Мы твердим им об этом раз за разом, но они не слушают. В итоге выбирают просто наихудший вариант. — Он сделал паузу. — Боже, мне стоит заткнуться, да?

— Мне интересно. Ваша работа, как и моя, вся состоит из тени и света. Куда бы я ни пришла, первое, что замечаю, это тень и свет. У тебя так же?

Его брови взлетели вверх.

— Да!

В этот момент я поняла, что он все больше проникается мною и моими способностями.

В лучах позднего полуденного солнца, пробивающегося сквозь стеклянные двери, он почти сиял. Зеленые глаза ярко блестели за стеклами очков в черепаховой оправе. Я с трудом подавила желание достать камеру.

— К сожалению, даже такие звезды архитектуры, как мы, должны считаться с чужим мнением. Ведь клиент платит и принимает финальное решение. Конечно, мы можем отказаться от работы, но никогда этого не делали… пока не делали. — Фритц усмехнулся. — Обычно я стараюсь возвращаться домой не слишком поздно, чтобы быстро поужинать с Натали, а затем я работаю еще часов пять. Амелия работает куда

больше. Когда Натали была младше, я редко бывал с семьей, а теперь наоборот. Амелия самый целеустремленный человек, какого я встречал за всю жизнь. — Фритц смутился, словно забыл, что я тоже была здесь, и вновь покрутил в руках стакан. — Как здорово, что ты помогаешь с Натали. У нас самих как-то слишком много дел. И каждый год в этот бизнес приходят молодые и горячие. И все-таки мне пора перестать говорить и спросить, как дела у тебя.

— Я люблю наблюдать за детьми, пытаясь понять их характер. Некоторые из клиентов, которые нанимают меня, не до конца уверены, что они хорошие родители. А мои фотографии убеждают их, что все решения были правильными, ведь в итоге дети растут счастливыми благодаря их любви и заботе. Я продаю самооценку.

— Интересно. — Фритц смотрел на меня с удивлением.

— То же могу сказать про вас с Амелией. Полагаю, что и ваши клиенты хотят именно этого — повысить самооценку. Жизнь в доме от Страубов — это подтверждение, что они принадлежат к культурной и творческой элите.

Кажется, Фритцу моя мысль понравилась, но признаваться в этом он не хотел.

Тогда я спросила:

— Может, они даже хотят стать вами. Не думаешь?

— Боже, нет.

Фритц покачал головой, будто его позабавила моя диковинная идея, но я знала, что на самом деле он со мной согласен.

— Это интимный акт — создавать чей-то дом, — продолжила я. — Ваше воображение, ваш интеллект, ваше творчество — все подчиняется одной цели. Вы художники, но творение принадлежит вашим клиентам. Вы вынашиваете и даете жизнь ребенку, но потом должны отказаться от него. Дом становится их ребенком.

Фритц посмотрел мне прямо в глаза, и я осознала, что мы оба понимаем глубину этого разговора.

Я с трудом сдержала порыв коснуться его лица. Но мне было интересно, как бы он отреагировал, если я бы взяла его руку и положила себе на грудь. Даже себе я не могла объяснить, почему меня так тянет к Фритцу. Но мне не хотелось, чтобы у Фритца или Амелии была личная жизнь, в которой не было бы меня. Чем глубже я погружалась в их отношения, в них обоих, тем меньше вероятность, что мне когда-либо придется вернуться к

своему одинокому существованию. И тем меньше вероятность, что они отдалятся от меня.

На лестнице послышались шаги. Фритц встал навстречу жене. Амелия, одетая в соблазнительное черное платье с длинной нитью бус, вошла на кухню. Она повернулась ко мне спиной — молния на платье была застегнута не до конца, обнажая кожу цвета слоновой кости.

— Дельта, не поможешь мне, дорогая? — Я застегнула молнию, и Амелия с улыбкой обернулась ко мне. — Богиня.

В семь вечера раздался звонок в дверь — это привезли заказанную мной пиццу. Я окликнула девочек, и они слетели вниз по лестнице мимо меня, направляясь в сторону домашнего кинотеатра. Натали схватила пульт.

— Мы будем смотреть «Дрянных девчонок» и есть пиццу! — объявила Натали, схватив пульт.

— Именно так!

Пайпер растянулась в шпагате на полу. Ей явно хотелось продемонстрировать мне свои умения.

— Натали, а твои родители точно не против?

Девочка закатила глаза.

— Конечно.

Подозреваю, Натали хотела произвести впечат-

ление на Пайпер, а потому делала вид, будто уже видела этот фильм. Запустив видео, они устроились на диване с кусками пиццы на бумажных тарелках. Ицхак пристроился у них в ногах.

Я осталась на кухне, заканчивая кое-какие дела на ноутбуке, но время от времени бросала взгляд в сторону телевизора, который мне было видно в дверном проеме.

Пайпер цитировала диалоги из фильма, и Натали вела себя так, будто тоже знает его почти наизусть, но ее обман был очевиден.

Я вытащила из рюкзака фотоаппарат. Пока девочки поглощены фильмом, у меня была прекрасная возможность сделать несколько фотографий дома. Эти фотографии я сохраню в архиве — вдруг однажды они мне пригодятся.

Натали и Пайпер поставили фильм на паузу и приготовили попкорн в микроволновке, а затем снова вернулись к телевизору. Когда в районе девяти часов на экране побежали титры, я собиралась отправить девочек чистить зубы и переодеться в пижаму, но тут Пайпер предложила посмотреть вторую часть фильма. Натали ухватилась за идею.

— Посмотрите утром, — решила я. — А сейчас уже поздно.

— Да что за фигня! — возмутилась Пайпер, взъерошивая волосы.

— Мама и папа разрешают мне ложиться спать в любое время, если подружки остаются с ночевкой. — Натали схватилась за пульт.

Конечно, я в это не поверила, но мне не хотелось подвести Натали, обращаясь с ней как с малышкой. Пайпер вела себя явно не как одиннадцатилетняя девочка.

— Ну, даже не знаю… — Я встретилась взглядом с Натали, пытаясь понять ситуацию.

— Пожалуйста, Дельта, — тихо сказала она, хлопая широко раскрытыми невинными глазами.

Я смирилась с дурным примером Пайпер.

— Ладно, Натали. Включай вторую часть.

Пока девочки смотрели фильм, я изучала их. У Пайпер были длинные блестящие черные волосы и золотистая кожа. Резкие черты лица, силуэт, фигура и сопровождающие ее тени и блики были необычны для ребенка. Я зарабатываю на жизнь, глядя на детские лица, поэтому знаю, о чем говорю. Финальный облик человека формируется далеко не сразу, у многих подростков еще долго видны детские черты, но постепенно жизненный опыт меняет лицо взрослого. Маленькие дети часто милые, но они редко бывают красивыми,

потому что настоящая красота должна иметь характер.

Облик Натали еще до конца не сформировался, в отличие от Пайпер. Даже в одиннадцать на лице Пайпер были морщинки. Как это происходит с ребенком? И почему не со всеми? Интересно, когда я окончательно стану собой?

Через полчаса Пайпер поставила фильм на паузу и встала, покачивая бедрами.

— Та-а-ак хочется шоколадку! — Она выжидающе посмотрела на меня.

— Сладкого нет. — В этом я была уверена, поскольку время от времени проверяла кухонные шкафы, и если заканчивалось что-то важное, то по дороге к Страубам заходила в магазин. Амелия была за это мне крайне благодарна.

— «Скиттлс»! — Пайпер крутила бедрами, будто вращая обруч.

— «Скиттлс»! — подхватила Натали, хотя ведь знала, что конфет нет.

— Я же сказала, что сладостей нет. — Меня раздражала Пайпер и ее требования.

— Мороженое! — Пайпер схватила Натали за руки.

— Девочки, — сказала я, — выключайте фильм. Уже почти десять часов.

— Мороженое — это жизненная необходимость, — настаивала Пайпер, и подруги продолжили танцевать, подняв руки и толкаясь бедрами.

Я уступила и принесла им кокосовое мороженое, которое до этого видела в морозилке.

Когда фильм, наконец, закончился, я решила проводить их наверх, но Натали отмахнулась от меня.

— У нас все в порядке.

— Точно?

Натали захлопнула дверь.

Чуть позже я снова поднялась наверх — свет в комнате Натали был выключен, значит, уснули.

Я убрала беспорядок, оставленный после кинопросмотра: подняла разбросанные девочками подушки и разложила их на диване. Среди подушек нашлось ожерелье с подвесками, похоже, самодельными. Наверное, Натали потеряла. Одна из подвесок напоминала Ицхака, а другая была похожа на маленькое сердечко с зигзагообразной линией посередине, что означало, что сердце разбито.

Только я устроилась на кухне с чашкой чая, как сверху раздался громкий крик. Взлетев бегом по лестнице, прыгая через ступеньку, я ворвалась в

спальню девочек: Натали спала в своей постели, а Пайпер кричала, стоя у окна.

— Здесь был человек! У него был нож! Помогите!

— Что случилось? — Натали села, просыпаясь.

— Тихо, — прошептала я, подходя к Пайпер. — Тебе приснился плохой сон.

— Так что случилось? — снова пробормотала Натали.

— Все хорошо. — Я похлопала Натали по руке. — Спи дальше. Все нормально.

Я хотела увести Пайпер из комнаты, но она отскочила от меня и снова начала кричать.

— Нет! Нет!

Даже в темной комнате я видела ужас на ее лице. Она не притворялась.

— Я хочу к маме! Отвезите меня домой!

Пайпер села на пол, сжавшись в комок.

— Пойдем со мной и позвоним твоей маме. — Я подняла ее на ноги и убедила следовать за мной вниз по лестнице.

Мы с Пайпер устроились на кухне. На ней была короткая красная ночная рубашка, которую можно было назвать сексуальной. Я читала, что маленькие дети с повышенным сексуальным поведением часто подвергались насилию. В пятом

классе я сама сидела на турнике в спортивном зале так, что мальчики время от времени касались моей промежности, выполняя упражнения.

— Хочешь молока? — предложила я Пайпер, и та согласно кивнула. — Ты все еще хочешь, чтобы я позвонила твоей маме? — Девочка опустила глаза. — Хорошо, начнем с молока, а там решим, что делать дальше.

— И можно немного хлопьев?

Залив хлопья молоком, я поставила миску перед Пайпер и сама присела рядом. Состояние ее менялось, и, казалось, ужас постепенно отступал.

— Я помню тебя со дня рождения Натали, — заметила девочка. — Ты же фотограф?

— Да.

— И фотограф, и няня? Как так?

Подвоха в ее вопросе я не заметила.

— Мне нравится Натали. Мне нравятся ее родители.

— Тебе нравится присматривать за детьми?

— Да.

Пайпер потянулась ртом к ложке, и я с удивлением отметила, насколько яркие у нее губы, как у куклы.

— Это странно, — пробормотала она.

— Почему?

— А еще я видела, как ты фотографировала внутри дома. Зачем?

Я и не предполагала, что Пайпер заметила, чем я занималась, пока они смотрели фильм, а потому ощутила знакомый резкий рывок в животе. Ничего плохого я не делала, но другие могли понять меня неправильно.

— Здесь очень красиво, ты так не считаешь?

— Что ты собираешься делать с этими фотографиями?

Намек на ухмылку на ее лице вызвал в моей груди жжение.

— Когда-нибудь, когда я куплю свой дом, — объяснила я, — эти фотографии помогут мне с его ремонтом.

— А ты покупаешь дом?

— Пока нет.

— Ты замужем?

— Нет.

— Почему нет?

— Не все вступают в брак.

— Ты не хочешь замуж? — Пайпер ложкой помешала молоко в миске.

— Я этого не говорила.

— Ты с кем-нибудь встречаешься?

Я сделала паузу. Ян бы сказал, что мы встречаемся, но я не собиралась делиться этой информацией с Пайпер.

— Я разведена. — Роберт и Джаспер отличный способ остановить ее расспросы.

— Значит, ты была замужем.

— У меня есть сын.

— Сын?

— Он живет с отцом.

— О! — Пайпер облизала тыльную сторону ложки, будто облизывала рожок мороженого. — И все-таки это странно, что ты подрабатываешь няней. Тебе нужны деньги?

— Это не твое дело. — Я встала и убрала хлопья в шкаф, а молоко — в холодильник. — Тебе пора возвращаться в постель.

— Ты много гуляешь? — Пайпер продолжала задавать вопросы.

— Да.

— И куда ходишь?

— Куда угодно.

— Значит, у тебя много друзей?

Что такое друзья? Я бываю на трех вечеринках по случаю дня рождения в неделю. Это больше общения, чем кому-либо нужно. Когда я жила во Флориде, моя лучшая подруга планировала

свадьбу и попросила меня стать ее подружкой невесты, но потом передумала. Мы с ней были по-настоящему близки: когда она упала и сломала несколько костей, я ухаживала за ней. Но ее жених, вероятно, видел угрозу в нашей дружбе и не смог выдержать глубины ее привязанности ко мне.

Я услышала, как открылась входная дверь, а затем шаги Амелии и Фритца. Заглянув в кухню, они обнаружили нас с Пайпер. В зимней одежде, с раскрасневшимися на морозе лицами и блестящими глазами они оба были невероятно привлекательны.

— Привет, девочки. — Амелия в замешательстве нахмурилась, стягивая куртку.

— Пайпер приснился кошмар, — объяснила я.

— Я уже в порядке. — Пайпер отнесла миску с хлопьями в раковину. — Меня разбудил звук обогревателя в комнате Натали. Не представляю, как она сама спит в таком шуме. С этим надо что-то делать.

— Конечно. — Фритц кивнул, поджав губы. То ли хотел показать, что осознал серьезность проблемы, то ли пытался не рассмеяться.

Как только Пайпер благополучно поднялась наверх, Амелия повернулась ко мне.

— Этот ребенок — та еще штучка.

Я кивнула и начала собирать свои вещи.

— Слушайте, мне как-то неловко вам это говорить. Но я…

— В чем дело? — спросил Фритц.

— Я сделала несколько снимков кухни. Она такая изысканная! Однажды, когда я куплю дом, то хочу, чтобы кухня в нем была похожа на вашу. Я сделала несколько фотографий, чтобы не забыть. Ничего страшного?

Амелия засмеялась.

— Боже мой, о какой ерунде ты спрашиваешь!

Ее смех казался мне музыкой. В этот момент я окончательно осознала свою любовь к Амелии. Я не знала, как это описать. Мое чувство было больше, чем любое слово, которым я могла его назвать.

Меня разбудил телефонный звонок. Это была моя бывшая коллега Лана. Она не звонила мне три месяца, хотя раньше мы разговаривали каждый день. А потом Лана узнала, что я переспала с мужчиной, с которым она встречалась, но я-то понятия не имела, что они в отношениях! Видела их пару раз вместе, но и только. А однажды, примерно шесть месяцев назад, я столкнулась с Кристофером в баре, и мы разговорились о фото-

графии. Он решил проводить меня до дома и в конце концов остался на ночь. С тех пор я с ним не разговаривала.

Когда Лана узнала о произошедшем, то наговорила мне кучу мерзостей. Она назвала меня шлюхой и паразитом. Ссоры с таким человеком, как Лана, не стоили моего времени — она проецировала на других свою нечестность и нелояльность. Несколькими годами ранее она уже предала мое доверие, так что дружба и так шла на спад. А последние пару лет я вообще с ней почти не виделась, так что едва ли могла назвать ее подругой.

Звонок Ланы переключился на голосовую почту. Она позвонила снова, и снова вызов переключился на голосовую почту.

Я устроилась за кухонной стойкой с чашкой черного кофе и тостом и оглядела свою квартиру. У меня было три дорогих предмета мебели: журнальный столик из массива розового дерева и два кожаных кресла. Кухонные шкафы были достаточно хорошими, с высококачественной хромированной фурнитурой, хотя я бы предпочла полированный никель. Разделочная доска из орехового дерева, лежавшая на кухонном столе, красиво контрастировала с белыми столешни-

цами. Но в последнее время эти детали, раньше радовавшие, перестали доставлять удовольствие. Я не могла не сравнить себя и свою квартиру со Страубами и их домом. И разница доводила меня до совершенно неадекватного состояния, и никак не получалось заглушить голоса в голове, которые кричали о моей неполноценности.

В последнее время все приятные моменты были связаны с созданием коллажей с участием Страубов. Им я посвящала по паре часов день, закончив с основной работой.

После завтрака я отправилась в душ, с наслаждением ощущая силу воды, обрушившейся на мои плечи и спину. Моя ванная была совсем небольшой, хотя стеклянные стены с двух сторон создавали иллюзию большего пространства. На полу лежала зеркальная шестиугольная плитка, а на стенах — розовая плитка «под кирпич», источавшая теплое сияние. Стены в квартире надо было красить не в лавандовый, а в розовый. Лиловые стены казались серыми и плоскими в холодном свете северного полушария. Почему я не подумала, что так и будет? Ведь если я в чем-то и разбиралась, так это в свете. Я прекрасно знала, какой свет заставляет сиять людей и места.

Глава 6

Субботним днем в начале марта я получила сообщение от Амелии.

«Что ты делаешь завтра днем?»

Рано или поздно я ждала этого вопроса, и ответ у меня был готов.

«Собираюсь на пробежку по Бруклинскому мосту».

Я слышала, как Натали и Пайпер обсуждали, что Амелия бегает по этому маршруту — через Бруклинский мост и через соседний парк. Подозреваю, Амелии нравилось ощущать себя обычной горожанкой, наслаждаться вещами, доступными каждому, кто жил в Бруклине.

Для меня самой это был не очень удобный маршрут. Более того, я не любила бегать. Но надеялась, что, если я упомяну о пробежке, Амелия захочет присоединиться.

Она ответила: «Я бы тоже побегала».

Несколько минут я размышляла над ответом: хотелось показаться довольной, но не взволнованной. В итоге написала: «Отлично».

Мы встретились в десять часов воскресным

утром и побежали на север по набережной. Зима закончилась, но все еще было холодно, поэтому людей встречалось мало, зато соседнее шоссе шумело, забитое машинами. Первые двадцать минут пробежки Амелия говорила без перерыва.

— …они тут же уйдут к другому архитектору, — рассказывала она. — А у Фритца такая ленивая уверенность! Он считает, что клиенты лояльны, и всегда удивляется, если мы их теряем.

Мы достигли конца набережной и продолжили спуск по длинному холму мимо детской площадки. Несмотря на то что Амелия на десять лет старше меня, она явно была в лучшей форме. Я же пыталась скрыть сбитое дыхание.

— Он полагается на меня в основном потому, что знает, что это я их нашла и они больше всего заинтересованы в моих идеях. Но так быть не должно!

Амелия нисколько не запыхалась. Если бы я только слышала ее голос, вообще бы не догадалась, что она бежит.

— Фритц все больше и больше времени посвящает работе на общественных началах. Библиотека для неблагополучного района. Отлично. Приют для бездомных. Ладно. И он говорит, что считает эту работу более полезной! Но у нас

чертовски много расходов. Фритц же лишь вскидывает руки и намекает, что пора сокращать штат. Сокращать! Ну-ну. Двадцать лет назад он был на коне, но теперь потерял конкурентное преимущество.

Амелия закончила речь и выдохнула, будто монолог отнял у нее много сил. И похоже, она чувствовала себя виноватой, что критикует Фритца. Меня же очаровывало, насколько она контролирует свою жизнь.

Когда мы подбежали к мосту, я посмотрела вниз и увидела огни карусели. Пару раз я проводила на ней съемку. Ей было почти сто лет, и среди резных деревянных лошадок нет двух одинаковых. Это была самая красивая карусель, которую я когда-либо видела. Каждая лошадка была украшена по-разному, и морды у них были разные. Дети постарше выбирали тех лошадок, что ездили вверх-вниз, помладше — стоячих, а малышей сажали в колесницы.

Эту карусель я считала произведением искусства. Не то что аттракционы в парках развлечений, которые были созданы только для зарабатывания денег.

Эта же была божественна по своему замыслу и исполнению, сколько же таланта в нее вложено!

И как же парадоксально, что дети, основные потребители, никогда не оценят этого в полной мере. И взрослые тоже. Они превратили ее в обычный аттракцион.

Амелия, должно быть, заметила, куда я смотрю.

— Красивая, да? — Она остановилась. — Ты когда-нибудь водила Джаспера на карусель, когда он был в городе?

Мое горло сжалось.

— Да, он ее обожает.

— Натали тоже.

— Как дела у Натали? — Я не видела девочку уже неделю — в прошлую пятницу она ночевала у подруги.

— Да в целом хорошо… Пару дней назад она услышала, как мы говорили о втором ребенке. Ты же знаешь, я очень открыта и не считаю, что стоит что-то скрывать.

— Правильно.

— Я беспокоюсь о ней. Она такая ранимая.

Я подумала, что Натали была сильнее самой Амелии, но решила не делиться своим мнением.

Мы перебежали мост, потом в обратном направлении и свернули в парк. К этому моменту я сильно вспотела, и хлопковая футболка стала

мокрой, холодной и прилипала к коже.

— Так, мне нужна последняя информация о тебе и Яне, — весело сказала Амелия.

— Мы действительно стали близки за такой короткий период времени! И мне так нравятся его рассказы о детстве. — Ничего особенного Ян мне не рассказывал, но это не могло помешать Амелии поверить, что у нас с ним все серьезно. — Наверное, я влюбилась, — я прошептала последние слова, как будто стесняясь.

Амелия ахнула от восторга. Она явно была заинтересована в моих отношениях с Яном.

— Если вы двое объявите о помолвке, я устрою вам блестящую вечеринку!

Я попыталась рассмеяться, но мне не хватало дыхания, так что пришлось ограничиться улыбкой.

— Он работает над проектом квартиры в Риме, и клиент от него в восторге! Благодаря Яну у нас пять новых проектов, и все от одного заказчика.

— О, как здорово!

Мы бежали по набережной, на которой горожанам предлагали бесконечный выбор развлечений: катание на роликах, гандбол, бочче, баскетбол, каякинг. Я никогда не понимала таких понятий, как «отдых» и «развлечение», — не

знаю, что означают эти слова.

Ветер усиливался, и мое горло и легкие горели на холодном воздухе, ныли колени, и болели голени. К сожалению, в разговоре с Амелией я делала вид, будто бегаю регулярно, так что приходилось следовать с ней рядом, чтобы не показаться лгуньей.

Мы добежали до пляжа и направились к огромному жилому комплексу впереди.

— У тебя есть планы на день? — спросила Амелия.

— Нужно съездить по делам, и еще стирка.

Амелия коснулась моей руки, не прекращая бежать.

— Пойдем к нам. Утром я купила на рынке куриный бульон.

От такого приглашения я почувствовала мощный прилив энергии и сил. В считаные секунды боль в теле исчезла. Мои ноги были сильными, и я могла бежать и бежать. Даже мое дыхание стало свободным.

Дома Амелия приняла душ и переоделась. Она предложила переодеться и мне, но я ответила, что все в порядке, хотя одежда была мокрой и в душ тоже хотелось. Но я чувствовала, что это предложение не было искренним, и Амелия не

хотела давать мне свою одежду.

В кухню спустилась Натали, и мы устроились за кухонной стойкой, Ицхак тут же устроился у ног девочки. Амелия разлила бульон. На этих выходных Фритц был в Бостоне на пятидесятилетнем юбилее брата.

Натали рассказала нам о предстоящем концерте. Амелия сперва слушала, но потом отвлеклась на переписку в телефоне.

— Дельта, — вдруг сказала она, — я совершенно забыла, что мне нужно проверить один из наших объектов. Ты могла бы посидеть с Натали, пока меня не будет? Если, конечно, тебе удобно.

В груди разлилась тупая боль. Как и в тот раз, когда она попросила меня сделать фотографии дома. Вот почему Амелия позвала меня. Может, поэтому и на пробежку согласилась. Она могла бы оставить Натали одну или взять ее с собой, но проще было пригласить меня — друга семьи, которому нечем заняться.

Пока Амелии не было дома, а Натали играла на виолончели, я отправилась на цокольный этаж. Гвен дома не было. Я переложила стопку книг из спальни в гостиную, открыла дверцы шкафа и оставила небольшую лужу в спальне. Перед тем как уйти, я еще раз изучила фотографии на

прикроватной тумбочке. Фотографии с Багам было года два, судя по одежде женщин и качеству снимка. Каким-то образом у этой женщины было десять друзей, которые решили провести с ней отпуск. Что она сделала, чтобы понравиться им?

Я быстро вернулась в главный дом, чтобы Натали не заметила моего отсутствия. Когда ближе к вечеру пришла Амелия, я начала собирать вещи.

— Не уходи так сразу, — попросила она. — Я надеялась, что мы еще посидим вместе.

В этот раз по телу разлилось тепло удовольствия. У Амелии была способность мгновенно изменять химический состав воздуха вокруг себя, как если бы в комнату закачивали лекарство, стоило ей войти, и я непроизвольно вдыхала его. Сделать что-то против ее воли было практически невозможно.

Амелия налила нам по чашке кофе, и мы сели за обеденный стол. Она заговорила мягко, но сосредоточенно:

— Знаешь, я думала, мы с Фритцем находимся на одной волне по поводу второго ребенка.

Сверху доносился звук виолончели — Натали репетировала сонату.

Я впилась ногтями правой руки в левую ладонь.

— Догадываюсь, насколько это трудно, — сказала я, — и хотела бы помочь чем могу.

— Знаешь, когда биологическая мать выбирает нас, мы не можем раздумывать.

Я сделала глоток кофе, тщательно подбирая слова.

— Понимаю.

— Усыновление — хороший вариант, но это такой долгий процесс. Если в ближайшее время все не сложится, то придется выехать в другой штат, где разрешено суррогатное материнство. — Амелия нервно поправила волосы.

Я снова прихлебнула кофе, главным образом, чтобы скрыть тревогу на лице или в голосе.

— Значит, суррогатное материнство вы тоже рассматриваете?

— Я все рассматриваю.

— А как насчет помощи подруги или родственника?

— Мне некого о таком попросить. — Амелия продолжала теребить волосы.

Я колебалась, подыскивая подходящие слова.

— Я готова на все, чтобы помочь вам. Амелия, ты же понимаешь?

— Знаю. — Она улыбнулась мне.

— Ты такая замечательная мама для Натали. И

если ты хочешь еще одного ребенка, он должен появиться. Не может быть, чтобы это было так трудно.

— Спасибо, Дельта.

Солнце проникало в комнату сквозь стеклянные двери. Я сделала еще глоток.

— Это кажется несправедливым. Мне беременность и роды дались легко. Очень легко.

— Тебе повезло. — Амелия покачала головой и замерла, услышав быстрые шаги, спускающиеся по лестнице.

Появилась Натали с листом бумаги в руке.

— Мам, нужно, чтобы ты подписала заявление для школьной экскурсии.

Натали осталась в кухне, а Амелия отвлеклась на разбор почты, лежавшей на столе. Шанс продолжить такой важный для меня разговор был упущен.

На субботу у меня была запланирована съемка по поводу пятилетия Хейзел. После единственного разговора с клиенткой — Брук, матерью Хейзел — я представляла себе чересчур загорелую брюнетку спортивного телосложения и чрезмерно развитыми икроножными мышцами. Я часто играла в эту игру сама с собой. Поговорив по телефону, воображала, как выглядит заказчик

и члены его семьи. В большинстве случаев мои представления оказывались точными.

Накануне вечером я намеренно оставила кардиган в доме Страубов, чтобы у меня была причина зайти к ним после съемки — дом Брук находился в том же районе. Даже пять минут в доме Страубов имели значение — только там давящая изнутри боль начинала отпускать.

На улице шел то ли ледяной дождь, то ли мокрый снег, так что я вызвала такси. Расходы на проезд я также включала в гонорар, ведь мне приходилось таскать с собой столько оборудования: штатив, внешние вспышки, осветительные стойки, отражатели и рассеиватели, экспонометр, а также саму камеру со сменными объективами и фильтрами.

У дверей меня встречала вся семья, включая бабушек и дедушек: Кармен и Серхио Фернандес, Сара и Говард Коэны. Я повесила в холле мокрую одежду и прошла в квартиру — классические шестикомнатные апартаменты в довоенном доме со швейцаром. Я узнала мать Хейзел — загар и чрезмерно развитые икроножные мышцы. Но с цветом волос не угадала. Она была рыжей.

Вокруг меня собрались бабушки.

— Мне нужна фотография с Хейзел, — начала

Сара, — для праздничной открытки.

Праздничные открытки. Хлеб с маслом для семейного фотографа. Традиция, которая раньше было продуманным жестом, актом внимания, приправленным поздравлениями к зимним праздникам, превратилась в возможность саморекламы — с меньшим охватом, чем в социальных сетях, но зато бьющим прямо в цель. Мои клиенты рассылали праздничные открытки, чтобы продемонстрировать друзьям и семье красивых детей и богатство. И мои снимки подходили идеально — ведь я продавала успех в его различных формах.

— Но у нас же пятеро внуков, — возмутился Говард. — Мы не можем отправить открытку только с Хейзел!

— Она на меня похожа!

Лично я не видела особого сходства между Сарой и ее внучкой.

— С пятым днем рождения, Хейзел. — Я встала на колени, чтобы быть с девочкой на одном уровне. У нее было круглое лицо и рыжие кудри.

— Мне еще четыре, — сказала она извиняющимся тоном. — Мой день рождения на следующей неделе.

— Понятно.

Бабушка потащила внучку в гостиную и усадила себе на колени.

— Как ее зовут, девушку, которая фотографирует? — Сара громко обращалась к Говарду, дергая его за рукав.

— Дельта. — Говард прижал палец к губам, намекая жене, что стоит говорить тише.

— Дельта! Иди сюда! — позвала Сара.

Говард встал за Сарой и Хейзел. Я сделала несколько кадров. В комнату вошли Кармен и Серхио.

— Feliz cumpleaños[5], Хейзел! — Кармен поцеловала внучку в макушку.

Выражение лица Сары из радостного превратилось в озлобленное. Она повернулась к Говарду.

— Я хочу одну фотографию с моей маленькой внучкой. И чтобы никто не дышал мне в затылок.

Квартиру заполняли нарядные гости: тети, дяди, двоюродные братья, бабушки и дедушки. Родители Хейзел казались счастливыми и изумленными своей удачей — тем, что в их жизни появился такой ребенок, как Хейзел. Казалось, они верят в нее так же, как люди верят в Бога.

---

[5] Примечания: 5
С днем рождения (*исп.*).

— Не знаю, упоминала ли я, — сказала мне Брук, — что Хейзел одаренная балерина. Она сегодня станцует для гостей. — Она подошла ко мне ближе, чтобы шепнуть ухо: — У меня есть идея подарка на день рождения мужа: хочу удивить его, развесив на стене галерею из фотографий танцующей Хейзел.

— Прекрасная идея! — ответила я.

В отличие от Амелии, которая установила высокие стандарты для себя самой и распространяла их на Натали, не решаясь ее лишний раз похвалить, Брук относилась к дочери без малейшего намека на критику.

В этой семье Хейзел любили все, и каждый старался быть частью жизни малышки — она была для них важна, хотя сама этого пока не понимала. И хотя семья Натали была богаче, у нее никогда не будет самооценки, как у Хейзел. Натали никогда не была в центре внимания, оставаясь где-то на периферии семьи Страуб.

Вскоре появился Мак-Волшебник. За последние два месяца мы сталкивались в пятый раз. Когда мы встретились впервые, уходя из дома, где была вечеринка, он указал на мою коричневую кожаную байкерскую куртку и с усмешкой заметил: «Не заметил на тебе этой шмотки, когда ты при-

ехала». Я улыбнулась и пошла дальше, но с тех пор ненавижу его.

В половине третьего, когда вечеринка Хейзел подходила к концу, я проскользнула в холл, чтобы позвонить Страубам.

— Дельта? — Фритц снял трубку.

— Привет, вчера вечером я забыла у вас кардиган. Я…

— Амелия не появилась на встрече в Далласе, — Фритц говорил быстро, голос его был хриплым. — Она вышла из дома в пять утра и должна была сразу с самолета ехать на встречу, но не приехала. Мне звонил наш клиент. Ей дозвониться он не смог, и я не могу. Я оставил сообщение Яну, но он тоже не отвечает.

— Скоро приеду, — я старалась, чтобы в моем голосе не было слышно страха или тревоги.

Сбор фотоаппаратуры занял больше времени, чем обычно, — руки ужасно дрожали, и мне было трудно справиться с молниями.

Дождь на улице прекратился, но холодный пронизывающий воздух проникал под пуховик. Я ждала такси. Казалось, вся кровь прилила к голове. Возможно, я потеряю Амелию. Моя любовь к ней была такой же сильной, как и любое из романтических чувств, что я испытывала ранее.

Она была мне нужна, я хотела раствориться в ней.

Фритц открыл дверь. Светлые волосы растрепаны, на подбородке щетина, глаза блестят.

— Натали у себя делает домашнее задание. Я ей ничего не говорил.

Я бросила вещи на пол, повесила пальто и последовала за ним в библиотеку.

— Думаю, нам лучше присесть. — Я указала на диван.

Фритц тер руки, будто пытаясь согреться. Я искренне беспокоилась за него. Мне надо было вести себя спокойно и уверенно, любое другое поведение лишь усилит тревогу Фритца. Я бы предпочла другую роль, будь у меня выбор.

— Давай все обсудим. Амелия поехала в аэропорт на такси?

— Я еще спал. — Фритц поднес руки ко рту и подул на них теплым воздухом.

— Ты не знаешь, она успела на самолет?

— Боже мой. Господи, черт возьми, боже, — только и бормотал он, закрыв лицо руками.

— Заселилась в отель?

Фритц смотрел на меня, но будто не понимал слов.

— Какой авиакомпанией она летела? Какой

номер рейса?

Я вспомнила разговор с Амелией. Когда она говорила, что муж слабый и ранимый и ждет проявления силы от нее. И вот, в критической ситуации, он сломался.

Фритц уткнулся лбом в колени.

— Я должен был поехать сам. Черт. Черт.

— Она скоро нам позвонит, и окажется, что все в порядке, — я старалась говорить спокойно. — Может, она подвернула ногу. Или потеряла телефон.

Кровь пульсировала у меня в голове, словно ее было слишком много, и не хватало места. Я скрывала страх, не желая усугублять беспокойство Фритца.

Он посмотрел на меня.

— Как думаешь, следует подать заявление в полицию?

— Еще рано, — сказала я уверенно, хотя на самом деле не знала ответа. Я взяла Фритца за руку, и это немного успокоило мои нервы. — Я понимаю твое волнение.

Он выглядел так, словно у него вот-вот случится инсульт или сердечный приступ. Я нежно погладила его по щеке, и он не убрал мою руку. Мне нужно было разобраться в происходящем ради

Амелии, и нужно утешить Фритца и заставить его действовать спокойно.

— Сейчас ты в шоке, но это пройдет. Мы ее найдем.

Из его глаз потекли слезы, и футболка тут же стала насквозь мокрой. Никогда не видела столько слез. Фритцу нужна была моя помощь. Я наклонилась и слегка коснулась его губ своими. Он не оттолкнул меня, а когда я отстранилась, чтобы посмотреть ему в глаза и оценить реакцию, то с облегчением увидела на лице оживление. Я пыталась понять, что же значит это выражение: шок или все же приятное волнение? Поцелуй был единственным способом вывести его из оцепенения. Я снова потянулась к нему.

— Папа! — Натали звала с верхнего этажа.

Фритц вздрогнул, его лицо залил яркий румянец. Я была уверена, что он безумно меня хотел.

— Мама Мадлен отведет меня на занятие по камерной музыке, — крикнула Натали. — Она заберет меня через пять минут.

— Хорошо, дорогая.

Фритц жестом велел мне оставаться на месте, а сам отправился к Натали.

Я мысленно произнесла имя Амелии и представила ее образ, будто мое подсознание могло

дать мне информацию о ее местонахождении. Но даже визуализировать ее лицо оказалось делом болезненным и трудным.

На столике в библиотеке стояли фотографии, которые я принесла: Натали с шариком-единорогом в серебряной рамке и Амелия, целующая дочь в лоб. У них были одинаковые глаза. На фотографии волосы Натали были светлее, чем в жизни. Мне пришлось отредактировать этот кадр: в нем не хватало легкости и жизнерадостности.

Я снова вгляделась в лицо Амелии, пытаясь понять, где же она может быть. Наша связь была такой, словно мы были одним человеком, — я должна была знать, где она. Но в голову ничего не пришло.

Открыв глаза, я еще раз глянула на фотографии Амелии и Натали. Амелия явно играла на публику, но сомневаюсь, что она сама может провести грань между игрой и настоящей жизнью.

На третьей фотографии Амелия и Фриц стояли рядом, провожая гостей. Амелия положила голову на плечо мужу, а он сжимал ее запястье. Она хотела, чтобы он ее защищал, а он хотел, чтобы она защищала его. Они оба хотели спастись. Амелия описывала себя как организованную женщину, которой всегда приходилось брать на

себя ответственность. Фритц чувствовал, что она ждет от него слишком многого и что всегда в нем немного разочарована, и, вероятно, он был прав.

В кабинете я видела неоплаченный счет за школу Натали. Денежные вопросы могут стать причиной напряженности в отношениях, они даже могут разрушить брак. Это я знала не по личному опыту, но профессиональному. Некоторые родители не обращали внимания, беру ли я пятьсот или пять тысяч за работу на дне рождения. Но были и другие — банкиры, трейдеры, юристы, — на чью долю выпало несколько успешных лет и в чью жизнь проникла роскошь. Вероятно, они думали, что теперь можно все, — ведь они богаты и навсегда останутся такими. Если меня звали однажды, то часто приглашение поступало и на следующий год, независимо от того, действительно ли семья могла себе это позволить. И вечеринка по случаю детского дня рождения на следующий год была не менее масштабной, чем в предыдущем. Может, дело было в гордости. Или в позитивном мышлении, если мы считаем, что у нас есть деньги, мы их получим. Но я-то видела, как напряжение начинало разъедать семью. Это происходило и между Амелией с Фритцем. Мама шипела и злилась на папу. У них был фотограф,

аниматор и шикарный торт, но от детских криков раскалывалась голова. Напряжение. И в глубине души мама, вероятно, понимала, что деньги потрачены зря, особенно с оглядкой на то, как это повлияет на их отношения. И она наверняка злилась и на себя. Но срывалась на муже: ведь она не должна беспокоиться о деньгах — это негласная договоренность. Она не должна проснуться однажды утром и почувствовать, что привычный уровень жизни ускользает от нее, а почва уходит из-под ног. И он злится на нее. Почему все легло на его плечи? И почему все деньги тратит именно она? Почему, почему, почему…

Потому что им солгали. Кто-то сказал, что каждый следующий год будет немного лучше предыдущего. Эти люди, которые много работали, услышали тихое обещание, парящее в воздухе, и, наверное, поверили ему. А счета скапливались. А еще обучение в частной школе стало слишком дорогим. И возможно, нужно забрать из нее детей и вообще переехать, потому что в Нью-Йорке все дорого. И к этому примешивалось чувство стыда, ведь друзья догадаются, в чем дело. А детям нравилась школа, и они знали, что до этого их забирать не планировали. Все рушится. Обрушивается на вас. Это может случиться, когда вы обладаете

слишком многим. Как некоторые люди.

Но Фритц и Амелия были другими. Они были действительно достойными и щедрыми. По-настоящему. Они воспитывали принципиальную дочь и прививали ей правильные ценности. Фритц и Амелия были талантливыми, начитанными, культурными, интеллектуальными людьми с тонкой душой и утонченным вкусом. Я чувствовала, что мне безумно повезло, что именно Фритц, Амелия и Натали вошли в мою жизнь. Находясь рядом с ними, я становилась лучшей версией себя. Да, именно в их доме, в их компании я стала той, кем всегда хотела быть. Для меня открылись новые возможности, и я знала, что могу им помочь. Прежде всего помочь Фритцу найти Амелию.

А потом, когда вернется Амелия, я могла бы помочь им родить ребенка, о котором они так мечтали. Теперь для меня это было яснее, чем когда-либо. В жизни иногда появляется возможность выбрать семью. Я не могла представить себе, что есть другие люди в мире, с которыми у меня была бы такая сильная связь. Это был своего рода экстаз — знать, где на самом деле мое место.

Фритц спустился по лестнице, держа Натали

за руку. Я не хотела, чтобы девочка меня видела, поэтому вернулась в библиотеку. Перед домом просигналил автомобиль. Натали поцеловала отца и, забрав футляр с виолончелью, направилась к двери, не зная об исчезновении матери. Дверь за ней закрылась.

Мы с Фритцем остались вдвоем. В голове тут же возник образ большой кровати, горы подушек и хлопковых простыней — я буквально почувствовала их кожей. Мое тело рядом с Фритцем, его тело на моем. Я помогу ему пережить случившееся. Я нужна ему прямо сейчас. И он нужен мне. Если Фритц будет рядом, то и моя боль стихнет. Мучительная боль от отсутствия Амелии. Я вышла в холл. Он сделал шаг назад.

— Сейчас главное — отыскать Амелию.

— Конечно.

Фритц тонул, погружался в зыбучие пески.

— И больше ничего, — добавил он.

— Да. — Я знала, что он прав.

Я хотела, чтобы руки Фритца обняли меня. Но еще больше — чтобы Амелия вернулась в этот дом.

Мы с Фритцем смотрели в окно, расположенное у входной двери. Натали забралась на заднее сиденье, захлопнула дверцу. Мать ее подруги по-

махала нам рукой, и машина отъехала. Наконец Фритц повернулся ко мне.

— У тебя есть доступ к календарю Амелии? — спросила я.

Днем кабинет Страубов выглядел так, будто внешней стены вообще не существовало: идеально чистые стекла раздвижных дверей абсолютно незаметны. Я заметила, что снег в саду наконец-то начал исчезать. Дождь смыл сугробы, и показались растения, до того полностью засыпанные.

Фритц устроился перед компьютером Амелии, и я рядом, заглядывая через плечо. Его запах заполнял комнату.

В течение часа мы просматривали записи о каждой встрече и созвоне с января по апрель.

— Лет пять назад, — вдруг сказал Фритц, — я заподозрил, что у Амелии роман. Меня долгое время не было дома, и, думаю, ей было одиноко. Я не винил ее… — Голос его стал мрачным. — Но нервы мне это попортило.

— В последние дни она казалась встревоженной.

Фритц продолжал листать календарь.

— Все из-за ребенка.

— Я так и подумала.

В животе сжался тугой комок. Он сам поднял

эту тему.

— Мы думали и об усыновлении, и о суррогатном материнстве.

Вот так исчезновение Амелии стало поводом для разговора о ребенке. Я не могла упустить эту возможность.

— Она нашла подходящую женщину?

— Мы… спорили. Амелия считает, что суррогатная мать запутает Натали. И она не хочет, чтобы ее ребенок находился в чужом теле.

— Ее можно понять.

— Это задача без нормальных вводных! Все эти доноры, суррогатные матери, биологические матери! И ты ни черта ни о ком из них не знаешь.

Терпение. Мне требовалось терпение и уравновешенность.

— Вы могли попросить кого-то из знакомых стать суррогатной матерью. Может, так было бы спокойнее.

Я погладила Ицхака, который пришел в кабинет вслед за нами. Кажется, собаку тоже беспокоило отсутствие Амелии.

— О каком спокойствии ты сейчас говоришь, Дельта. Я, черт возьми, не знаю, где моя жена.

Фритц нервничал. Но в любом случае мне требовалось довести разговор до логического

завершения. Конечно, момент не лучший, но маловероятно, что тема суррогатного материнства снова возникнет в ближайшее время.

— Послушай, может быть, найдется женщина, которая захочет забеременеть. Может, у нее был хороший опыт, и она не прочь его повторить. Или женщина, которая нуждается в деньгах. К тому же от беременности есть и польза для здоровья: снижается риск рака и сердечных заболеваний.

Фритц смотрел на монитор и только кивнул.

— Но все эти поводы ничего не значат, если это будет подруга вашей семьи. Подруга, которая заботится о вас и хочет видеть счастливыми. Я знаю, о чем говорю. Я сама бы так поступила.

— Да? — Фритц от удивления приоткрыл рот. Наконец он меня слушал.

— Я бы пошла на такой шаг ради друзей.

Он прищурился.

— Ради нас?

Мое тело вибрировало от безудержной энергии. Я пыталась сохранять самообладание — Фритц не должен знать, насколько высоки для меня ставки в этой игре и на что я готова пойти.

— Фритц, ты и Амелия, — я взяла его за руку нарочито дружеским жестом, — я люблю вас обоих. И Натали тоже люблю. Но сейчас, наверное, не

время… Об этом надо говорить с Амелией.

— Но ее здесь нет. Ты заметила? — Тон был одновременно саркастичным и подавленным. — И это в равной степени будет и мое решение.

— Да? — Я положила вторую руку поверх его. — Я подумала… Не хотела тебя обидеть.

Фритц опустил глаза в пол, явно сдерживая гнев.

— Ладно. Обсудишь с Амелией. Если она не умерла.

Тут со стороны дверей послышался какой-то шум, и, подняв голову, я пораженно застыла, увидев Амелию.

Глава 7

Амелия застыла с выражением божественного блаженства, и она выглядела поразительно красивой, несмотря на помятое платье и поблекший макияж. Свет из окон падал ее на лицо, но казалось, что это она сама светится изнутри.

Фритц быстро встал.

Задрав подбородок и расправив плечи, Амелия наслаждалась драмой своего внезапного появления.

— Я нашла нам биологическую мать! — объявила она. — Я нашла нам ребенка.

Ее слова поразили меня. Фритц же прищурился и сжал зубы. Он стукнул кулаком по столу.

— Амелия, ты не можешь просто взять и пропасть на восемь часов!

— Я нашла нам ребенка, — повторила она. — Не успела утром тебя предупредить, надо было немедленно ехать в Нью-Джерси. А потом я потеряла телефон, наверное, забыла в такси.

Я с трудом дышала, словно была высоко в горах. Теперь, когда Амелия нашла биологическую мать, мне будет трудно изменить ее намерения.

— Амелия, расскажи же подробнее! — Я улыбалась изо всех сил.

Амелия сразу заметила мое присутствие, но, похоже, ей было все равно. С таким же успехом я могла бы быть их собакой. Но моя любовь к ней не уменьшилась.

— Фритц, эта девушка, Лючия, — Амелия смотрела прямо на мужа, голос ее был более высоким, чем обычно, — ей девятнадцать, но она вовсе не маленькая дурочка. Она католичка, латиноамериканка. Лючия понимает, что не в состоянии вырастить ребенка: нет ни денег, ни помощи, ни мужа. Так что ему нужны другие родители.

Казалось, что Амелия и Фритц остались в комнате одни. Мое присутствие их не беспокоило.

— У разных культур разные приоритеты, и не нам судить. Они могут оставить детей с бабушкой и дедушкой в своей стране, а работать здесь и отправлять деньги. Это действительно практично и разумно. Лючия очень умная. И очень красивая: белые зубы, чистая кожа, блестящие волосы. И она стройная. Сейчас, конечно, живот, но бедра у нее узкие. — Она провела по воздуху руками, очерчивая фигуру девушки. — Это плохо, если беременная толстая, потому что таким будет и ребенок. Я решила, что хочу ребенка Лючии.

Мне показалось, что из комнаты откачали кислород. Это неправильно. Все неправильно. Нужно убедить Амелию, что она совершает ошибку.

Губы Фритца были белыми, а лицо приобрело сероватый оттенок. В нем закипал гнев. Он прислонился к раздвижной двери и устремил взгляд на пейзаж за окном.

— Была еще одна пара! — Амелия говорила быстро, и ее голос становился все выше. — Я видела, как они выходили из дома Лючии, видела их фото. Они живут на Манхэттене и тоже хотят ребенка. По словам Лючии, они адвокаты, но женщина планирует оставить работу и сидеть дома — по крайней мере, так она сказала. — Амелия присела на край стола. — Тем не менее я почти уверена, что Лючия выберет нас. Я рассказала ей все о тебе, Фритц. Какой ты потрясающий отец. Я рассказал ей о Натали — как она будет рада маленькой сестричке. Да, кстати, это девочка. У Лючии будет девочка.

— Я думал, ты умерла! — Фритц взорвался и ударил кулаком по стене, потом взял со стола книгу и швырнул ее через всю комнату. — Тебя не волнует никто, кроме самой себя!

Я делала медленные вдохи и выдохи, стараясь успокоиться.

— Телефон потерялся! — ответила Амелия. — Думаю, выскользнул из сумочки. — Она осмотрела свою кожаную сумку, проверила внутренние карманы, будто пытаясь понять, куда мог деться телефон. — И когда я приехала… Это был деликатный момент. Мать Лючии тоже была там, и мне нужно было проявить огромное уважение. Они относятся к этому очень серьезно. Они религиозные люди. Мне было не до телефона. Надо было выстроить правильную коммуникацию.

— Не бывает второго шанса на первое впечатление, — вмешалась я.

— Именно так, — согласилась Амелия.

Фритц поправил очки на переносице.

— Фритц, — сказала Амелия, — ты должен познакомиться с Лючией и ее семьей. Завтра нам надо съездить к ним вместе.

— Я так не думаю.

— Что?!

— Может, пригласить ее сюда? — предложила я, впившись ногтями левой руки в правую ладонь. — Она увидит Натали и тепло и любовь, царящие в вашей семье.

— Отличная идея! — Амелия просияла.

— Когда ее ребенок должен родиться? — спросил Фритц.

— Мы должны говорить просто «ребенок», а не «ее ребенок». Мы должны послать во Вселенную правильную энергию. — Амелия подняла обе руки. — Язык — мощное средство.

— Когда должен родиться ребенок? — повторил Фритц.

— Десятого мая.

Таймер на бомбе был запущен. У меня два месяца, чтобы изменить исход. Долгие, медленные и глубокие вдохи.

— Не думаю, что ей следует сюда приезжать, — решил Фритц. — Пока у нас нет никаких обязательств друг перед другом.

— Что ж, дорогой… — Амелия недоговорила. Я буквально видела, как проносятся ее мысли. Должна ли она продолжать делать вид, что ее волнует мнение мужа? — В этом вопросе не было никакой ясности уже больше года. И мне нравится Лючия. И тебе понравится. А если нет, то скажем, что передумали.

Фритц посмотрел на меня. Вспомнил наш разговор? Он потянулся к телефону.

— Фритц, пожалуйста. — Амелия изо всех сил старалась говорить нежно.

— Я не буду делать вид, что согласен, — отрезал он. — Я ни хрена не знаю ни о ней самой, ни об

отце ребенка.

— Отнесись к этому без предубеждений. — Амелия подошла к мужу и обняла его, но он не пошевелился. — Я позову ее к нам. Объясню, что вам тоже надо познакомиться, чтобы принять окончательное решение.

Амелия вышла в кухню. Мы с Фритцем следовали за ней. Вообще, теперь, когда Амелия благополучно вернулась домой, у меня не было причин оставаться. Меня трясло, и раскалывалась голова.

Амелия подошла к единственному в доме стационарному телефону. Казалось, она не обращала внимания на гнев в глазах Фритца.

Открылась и хлопнула входная дверь.

— Натали не знает, что ты пропадала, — прошептал Фритц.

— Я не пропадала.

В коридоре послышались шаги Натали, она заглянула в кухню.

— Привет, мам.

Амелия встала, крепко обняла дочь и прижала к себе.

— Как же сильно я тебя люблю!

— Ты уже вернулась из Техаса?

— Милая, мы нашли ребенка. Девочку, которая

станет твоей младшей сестрой.

Натали побледнела, сжала губы, начала возиться с защелкой на футляре виолончели, пытаясь его закрыть.

— И где она?

— Я сегодня встречалась с беременной женщиной. У нее будет девочка. И у меня такое чувство, что для нас это прекрасный шанс.

Натали, не поднимая глаз, продолжала теребить защелку.

— Почему она не хочет оставить своего ребенка?

— Дело не в том, что она не хочет, — сказала Амелия. — Дело в том, что она не сможет ее вырастить. И она не замужем.

— Чтобы родить ребенка, необязательно быть замужем, — заметила Натали.

— Это сложно.

Натали наконец удалось закрыть футляр, она прислонила его к стене и села на пол, чтобы погладить Ицхака.

— Мне жаль ребенка.

— Я собираюсь стать для нее мамой.

— Это еще не решено, — Фритц говорил нарочито громко.

Амелия и Фритц встретились взглядами, между

ними произошел безмолвный разговор. У каждого из них был свой взгляд на то, как их родная дочь должна относиться к этой ситуации. И они ошибались, когда думали, что Натали этого не замечает.

Я решила вмешаться.

— Натали, как насчет раунда в «Эрудита», пока я не уехала?

— Ура!

Натали оживилась от моего предложения. Ее родители вздохнули с облегчением. Я же нашла повод задержаться в доме.

Мы с Натали устроились за обеденным столом.

Амелия несколько раз звонила Лючии, но трубку не брали. Она оставила несколько сообщений на автоответчике. Но в конце концов я услышала, что Амелия с кем-то разговаривает, хотя пропустила первые фразы.

— Завтра работаешь? — спросила Амелия, не сумев скрыть разочарование в голосе. — Ей завтра на работу, — сказала она Фритцу. — А сегодня вечером? Да. Да. В восемь просто прекрасно. — Амелия повесила трубку. — Она приедет вечером!

Меня порадовал такой поворот событий. И как ловко мне удалось направить всех в нужное

русло.

Натали обернулась на мать.

— Кто приедет?

— Лючия. Чтобы познакомиться с нами. — Амелия подошла и обняла дочь.

Я встала.

— Мне пора. Кажется, сейчас время только для вашей семьи.

Это был рассчитанный риск, ведь на самом деле я хотела остаться.

— Но мы же только начали играть! — возмутилась Натали.

— Сыграем в другой раз, — ответила я твердо, чтобы никто не усомнился в моей решимости.

Вмешался Фритц.

— Будет здорово, если ты останешься. Пожалуйста. — Он многозначительно посмотрел на меня. Снова вспоминал наш разговор?

— Натали станет легче, если рядом будет еще кто-то знакомый, — весело подхватила Амелия.

Я изо всех сил старалась сохранять нейтральное выражение лица, делая медленные, глубокие вдохи через нос. Амелия недооценивала важность личности биологической матери, уделяя внимание только ее внешности и фигуре. Моим моральным долгом было помочь ей осознать

ошибку.

Лючия должна была приехать примерно через час. Мы с Натали продолжили игру, а Фритц достал из морозилки пиццу и поставил ее в микроволновую печь.

— Лючии не стоит этого видеть. — Амелия указала на коробку из-под пиццы, будто это была дохлая мышь. — Не забудь выбросить.

Фритц не обратил на ее слова никакого внимания.

Мы с Натали съели по куску пиццы, запив лимонадом, не отрываясь от игры. Амелия тем временем приготовила красивую нарезку из свежих овощей и домашнего соуса с укропом, а также выставила блюдо с фруктами.

— А где тыквенный хлеб? — крикнула Амелия мужу.

— Ты о чем? — переспросил Фритц.

— Все ясно.

Дом был настолько аккуратным, что Амелии и Фритцу не приходилось думать об уборке. На самом деле, была противоположная проблема: казалось, все в нем говорило о том, что детей в нем не живет. Будто ребенок — это стыдно, и надо прятать его следы. Все детские вещи находились в комнате Натали, а на первом этаже почти не

было следов ее существования. Амелия и сама это заметила: она принесла несколько игрушек, книг и альбомов с рисунками дочери.

Натали с удивлением смотрела на мать.

— Что ты делаешь?

Вопрос Амелию не смутил.

— Я хочу, чтобы Лючия знала, что у тебя прекрасные игрушки и что у твоей младшей сестры они тоже будут.

— Ну ладно… — Такой ответ, похоже, Натали удовлетворил.

Амелия положила детские книги на журнальный столик рядом с большими глянцевыми книгами по искусству. И там и тут разбросала игрушки по первому этажу: несколько изрядно замызганных кукол Барби, набор для изготовления украшений, цветные карандаши. Создавалось впечатление, что это Натали играла и не убрала за собой. Я была впечатлена таким подходом.

Амелия разожгла камин в библиотеке, а затем они с Фритцем поднялись наверх, чтобы переодеться, пока мы с Натали завершали нашу игру.

Я подумала, что Натали испытала смешанные чувства, когда заметила, насколько отчаянно ее мать переживает из-за второго ребенка. И я не могла ее винить, потому что чувствовала то

же самое. Было ясно, что она жаждет внимания родителей, ведь ей так редко уделяют достаточно времени или сил. Другой ребенок, вероятно, означает, что этого будет еще меньше.

— Сегодня особенный день, — заметила я.

Несмотря на то что у меня были хорошие буквы, я обменяла их — хотела, чтобы Натали выиграла.

— Но пока же ничего не решено. С сестрой. — Она хмурилась, глядя на выпавшие ей буквы.

— Конечно, нет. — Долгие, медленные, глубокие вдохи.

Ицхак положил голову Натали на колени.

— Родители хотят, чтобы ты тоже участвовала в принятии этого решения, — сказала я.

Натали была чрезвычайно проницательным ребенком и умела распознавать обман, но мои слова вполне могли быть правдивы. В каком-то смысле это и было правдой.

Натали склонила голову.

— Ну не знаю.

— Думаю, это так. И они хотят, чтобы ты тоже была вовлечена в семейные дела. — Я убрала волосы, упавшие ей на глаза. — Лючия должна познакомиться с вашей семьей, узнать о вас как можно больше. Наихудший из всех возможных

исходов, если твоя мама будет полна надежд, а Лючия откажется в последний момент. — Я сделала глубокий вдох. Натали продолжала передвигать буквы. — Чтобы не оказалось, что она вдруг что-то узнает о вас и внезапно решит, что лучше выбрать другую семью. Я знаю несколько таких случаев, когда в последнюю минуту биологическая мать — в нашем случае это как раз Лючия — меняла свое решение. И она может это сделать в любой момент, даже после рождения ребенка.

Натали подняла глаза от букв.

— Правда?

— Да.

Натали наконец выложила слово. Контроль.

— Контроль — восемь букв, — подсчитала я. — И это двенадцать очков!

Натали явно была довольна собой.

— Почему Лючия может передумать? — спросила она, наматывая прядь волос на палец.

— Да почему угодно. Такие решения порой могут быть нерациональными. Иногда на это может повлиять ее вера или культура. Или просто ощущения. Порой люди ищут семьи со схожими им ценностями.

— Мы евреи.

— Верно. — Я задержала дыхание.

— Но мы не религиозны.

— Ага. — Я сделала паузу и мысленно сосчитала до пяти. — Уверена, для Лючии это не будет проблемой. Но она должна знать обо всем. Никаких секретов, никаких сюрпризов.

Глава 8

Звонок в дверь раздался точно в восемь. Амелия бросилась к двери, Фритц последовал за ней.

В ожидании приезда Лючии Амелия переоделась в темно-синее платье ниже колен с высоким воротом, добавив к образу жемчужное ожерелье и серьги. Темные блестящие волосы идеально обрамляли лицо — сразу была видна работа дорогого парикмахера. Возможно, она думала, что Лючии понравится чопорный и правильный вид.

Фритц же даже после душа выглядел растрепанным. Его рубашка была мятой, волосы взъерошены, и бриться он тоже не стал. Обычно он выглядел очень стильно, но события этого дня его сломили.

Мы с Натали выглянули в холл, чтобы тоже видеть дверь. Я достала камеру.

Амелия впустила Лючию. Черные как смоль волосы собраны в хвост, оливковая кожа. На вид ей было шестнадцать, а не девятнадцать, отчасти потому, что она была невысокого роста, ненамного выше Натали.

Моя вспышка гнева при виде Лючии, возможно, была необоснованной. Но я не понимала, почему Амелия и Фритц не признают мою любовь и обращаются за помощью не ко мне, а к совершенно незнакомому человеку?

На девушке был тонкий красный шарф и красное шерстяное пальто, которое она явно позаимствовала у кого-то намного выше ростом — низ его почти касался пола, несмотря на ботинки на высоком каблуке.

— Лючия! — Амелия обняла девушку, как будто они были родственниками. — Спасибо, что пришла, дорогая.

Лючия робко вошла в дом. Ее нос и щеки порозовели от холода. Она сняла сапоги и оставила их у двери, Амелия забрала у нее пальто. Теперь было видно, какой большой у нее живот. Амелия проводила девушку в библиотеку и принесла всем по стакану воды. Фритц вышел на кухню и вернулся с бутылкой индийского светлого эля.

Я села на диван рядом с Лючией, чувствуя, как внутри растет возмущение. Фритц и Амелия сели напротив нас, а Натали устроилась на подлокотнике рядом с отцом. Я дышала тяжело и отрывисто, словно случился приступ гипервентиляции. Мне нужно было успокоиться и сохранять

ясность мыслей.

— У вас прекрасный дом, — сказала Лючия. Она пыталась устроиться поудобнее, чтобы поясницу поддерживали декоративные подушки.

— Спасибо, — хором сказали Амелия и Фритц.

Натали рассматривала Лючию без стеснения: внимательно вгляделась в лицо, — вероятно, отметив фиолетовые тени, затем ее взгляд опустился на ее руки — на ногтях были нарисованы цветы.

— Я понимаю, насколько важно для тебя знать и понимать семью, которая усыновит ребенка, — начала Амелия. — Ты должна быть уверена в своем решении на сто процентов. Это важно для каждого из нас.

Я сосредоточилась на медленном и глубоком дыхании.

— Так чего ты от нас ждешь? — вмешался Фритц.

Я уловила в его голосе нотку враждебности, и, кажется, Лючия тоже это заметила.

— Ну… — Она колебалась.

Во взгляде Амелии промелькнуло напряжение.

— Фритц имеет в виду, — сказала она, — и мы прекрасно понимаем, что ты хотела бы…

— Пусть ответит Лючия, — перебил жену

Фритц.

— Я не смогу содержать ребенка, — сказала Лючия. — Я едва могу содержать саму себя.

Она смущенно посмотрела на свои ногти. Возможно, заметила внимание Натали.

На самом деле именно Лючия была сейчас главной, но, похоже, не осознавала своей власти над ситуацией.

— А где отец? — спросил Фритц.

Я была рада, что он поднял этот вопрос. Это как раз напрямую касалось личности и характера.

Амелия наклонилась к журнальному столику и подвинула к Лючии клубнику и виноград. Девушка поставила блюдо к себе на колени, хотя это был сервировочный поднос, а не тарелка лично для нее.

— Я с ним не общаюсь. — Она слегка покраснела.

Фритц поправил очки на носу.

— Но у вас же были отношения?

— Это зависит от того, что вы называете отношениями. — Лючия попыталась рассмеяться.

— Вы жили вместе? — Фритц сделал глоток прямо из горлышка бутылки.

— Некоторое время.

— А если он вернется?

Лючия опустила глаза и только тогда заметила, что все еще держит блюдо с фруктами. Положив в рот одну виноградинку, она вернула поднос на журнальный столик.

— Не вернется.

— Но если вдруг ты бы передумала отдавать ребенка?

Девушка закусила губу и покачала головой.

Можно с уверенностью сказать, что врать Лючия не привыкла. И этот разговор давался ей нелегко. Хорошие лжецы подчиняют мозг и тело выдуманной истории и безупречно ведут игру от начала до конца. Малейшее колебание может все разрушить.

Фритц прищурился. Он не верил Лючии. Конечно, его предположение вряд ли станет реальностью. Но для него, как и для меня, было очевидно, что она передумает, если ее парень вернется.

— Это замечательно, что ты так близка с матерью. — Амелия заправила волосы за уши. — Просто потрясающе. — Она отчаянно пыталась спасти ситуацию. — А я ведь не упомянула, что у вас с Натали есть кое-что общее. Вы обе любите рисовать!

— О! Это здорово! Что ты любишь рисовать? — В разговоре с Натали Лючия сразу стала более

расслабленной.

Она положила руку на низ живота. Интересно, ребенок пинается?

— В основном единорогов, — Натали ответила едва слышным шепотом.

— Я люблю единорогов, — призналась Лючия с очевидной искренностью.

Натали улыбнулась краешком губ.

— У вас столько общего! — воскликнула Амелия. Она пыталась наполнить комнату весельем, чтобы сгладить не особо дружелюбный тон дочери.

Натали посмотрела Лючии в глаза.

— Каковы твои религиозные убеждения?

У меня по телу пробежали мурашки. Эта тема — лучший шанс для меня.

Амелии потянулась в сторону Натали, подняв руку, — будто хотела остановить слова, вылетевшие из ее рта.

Лючия положила обе руки на живот.

— Я католичка.

— А мы — евреи. — Натали говорила четко, словно актер в театре.

— Понятно.

— Ты ходишь в церковь? — Натали не останавливалась с расспросами.

— Иногда. — Лючия почесала руку, а затем плечо, как будто ее укусил комар.

— Мы в синагогу не ходим. Папа утратил веру, — Натали говорила непринужденно, словно о погоде. — А мама — агностик.

Заметив, что лицо Амелии заливает краска, я почувствовала себя виноватой, но это быстро прошло. В основном я чувствовала облегчение, а еще гордость за роль, которую сыграла, помогая Натали обрести голос. Разве она не говорила правду?

— Хорошо. — Лючия положила ногу на ногу. Возможно, из скромности, но для беременной женщины это были значительные усилия.

Фритц, казалось, был доволен, как идет диалог. Интересно, он думал обо мне? О нашем разговоре?

— Что-то становится жарко.

Амелия нарочито обмахнула лицо руками и подошла к термостату, чтобы выключить отопление. На самом деле жарко не было. Вернувшись на диван, она вновь предложила Лючии фрукты. Но та отказалась, как и от овощей, и от тыквенного хлеба. Натали опустилась на колени рядом с журнальным столиком и взяла острый нож.

— Тыквенный хлеб испекла тетя Марджо-

ри, — сказала девочка, указывая ножом. — Тетя Марджори — домохозяйка, поэтому у нее есть время на такие вещи. А мама очень много работает. Она использует свой мозг по-разному, но не для тыквенного хлеба.

Я чувствовала тревогу Амелии, но сомневалась, что Лючия что-то заметила.

— Лючия, ты любишь готовить? — спросила Амелия.

— Ну…

— Я люблю готовить. Это дается нелегко, но я стараюсь. Наиболее важное для меня — сама идея дома. Поэтому я и решила изучать архитектуру. Меня привлекала идея, что дизайн дома может сплотить семью. Мы с Фритцем работаем как раз над дизайном жилых домов. — Она повернулась к мужу и взяла его за руку. Он позволил ей это сделать. — Мы работаем с семьями, чтобы создавать для них единое пространство. Мне кажется, приготовление еды — еще один способ сплотить семью. Все это часть единого: как вы используете дом, как вы живете в доме, как вы собираете семью в доме.

Это была отличная речь. Находчивость Амелии впечатляла.

Лючия поерзала на диване. Так и хотелось ска-

зать: «Сдавайся, подруга».

— У вас много близких родственников? — Лючия обратилась к Амелии и Фритцу.

— Мы видимся с моей сестрой Марджори почти каждые выходные, — ответила Амелия. — Мои родители вышли на пенсию и переехали во Флориду, но несколько раз в год приезжают в гости. И родители Фритца тоже.

Я вглядывалась в лица Фритца и Натали, пытаясь понять, насколько это утверждение было правдой. Но ответа не нашла. Имя Марджори я раньше не слышала, и вроде бы никто из родственников Страубов не навещал. Амелия была хорошей лгуньей.

— А кто присматривает за Натали, когда вы оба на работе? — спросила Лючия.

— Дельта — замечательный друг нашей семьи. — Амелия встала и протянула руки в мою сторону, будто представляя меня на суд. — И она часто остается с Натали.

— О, я и не поняла, что ты их няня. — Кажется, в этой роли я была Лючии симпатичнее.

— Ну, нет, — вмешалась Амелия. — Вообще-то, Дельта потрясающий фотограф. У нее тоже есть сын. Джаспер. Но она любит Натали, поэтому нам помогает. А не то что она на нас работает…

— Раньше я часто подрабатывала няней, — сказала Лючия. — Да и сейчас тоже.

Амелия просияла.

— Присмотр за детьми — прекрасное занятие.

— Сколько лет было детям, с которыми ты сидела? — спросила Натали.

— В основном младенцы. Груднички.

— Может, ты будешь присматривать и за своей малышкой после того, как ее кто-то удочерит, — предложила Натали.

В комнате воцарилась тишина. Амелия засунула в рот несколько виноградинок разом.

— Я так люблю проводить время с Натали! — Я решила прервать тишину.

Мне представлялось несколько способов замедлить процесс удочерения, если не предотвратить его вообще. Но, может, мне и не придется рисковать и вмешиваться, и сейчас все разрешится само собой.

— Могу я воспользоваться вашим туалетом? — заговорила Лючия одновременно со мной.

Я вскочила.

— Пойдем, я тебя провожу.

Мы с Лючией вышли в коридор, и, как только оказались вне зоны слышимости Страубов, я улыбнулась и снова заговорила с девушкой:

— Я действительно надеюсь, что все получится.

На вязаном свитере Лючии двусторонними бледно-голубыми и серебряными пайетками было написано слово «ЧУДО», буква «О» была заменена сердечком.

— Натали ужасно одинока. Здорово, если у нее появится сестра. Девочки бы другу друга поддерживали, и это не важно, что их родители… — Я сделала паузу и сосчитала до трех. — Сестринские узы так важны.

Лючия изучала меня, будто я была странным животным, которого она никогда раньше не видела.

— Можно я тебя сфотографирую? — Я похлопала по фотоаппарату, висящему на шее. — Свет на твоем лице лежит просто восхитительно.

Лючия пожала плечами и улыбнулась.

Я сделала примерно тридцать кадров, что заняло от силы секунд десять, и была уверена, что парочка из них получились просто превосходными.

— Могу я разместить твое фото в разделе «Материнство» у себя на сайте? Взамен я пришлю тебе обработанные фотографии.

Лючия кивнула и сказала мне адрес электрон-

ной почты.

— Беременность так меняет некоторых женщин, что в их глазах и теле начинает отражаться вся красота мира. Все позитивное, вдохновляющее и приближающее нас к Богу и ангелам. Вот в тебе я вижу эту красоту. Это начало жизни с полным и абсолютным потенциалом. И женщина, которая вынашивает ребенка, — она творец этой жизни. В ней есть немного Бога.

Я изо всех сил старалась намекнуть на образ Мадонны с младенцем, намекнуть на то, что материнство может быть призванием Лючии. И похоже, мне это удалось: девушка положила руку на живот, и выражение ее лица стало задумчивым.

— Он знает?

— Что? — На самом деле Лючия точно знала, о чем я спрашивала.

— Отец ребенка. Он знает, что у него есть ребенок? — Я старалась вложить в голос максимум теплоты. — Ты должна отправить ему одну из фотографий. Это будет правильно.

Лючия смотрела только в сад, будто что-то там привлекло ее внимание.

Показав Лючии, где туалет, я вернулась в библиотеку. Амелия и Натали стояли в дальнем углу,

возле камина и книжных полок. Они разговаривали приглушенными голосами.

— Ты должна понять.

— Разве ты не хочешь, чтобы она знала, кто мы? — Натали грызла ногти.

— Давай мы с отцом будем вести этот разговор, это не твоя задача. — Амелия округляла плечи и спину, точно так же как иногда делала моя кошка Элиза. Я представила, как с помощью фоторедактора совместить изображения Амелии и кошки. Женщина-кошка.

— Я не согласен, — вмешался Фритц через комнату.

— Фритц, — перебила его Амелия.

Интересно, слышали ли Фритц и Натали сталь в голосе Амелии?

Через несколько секунд появилась Лючия. Амелия взяла фотоальбом с журнального столика и села рядом с ней.

— Это фотографии Натали в детстве.

— А я, кажется, не видела этот альбом.

Я обошла диван и смотрела через плечо Лючии. Долгие, медленные и глубокие вдохи. Не особо удачные снимки Амелии и Натали на пляже. Полагаю, фотографировал Фритц — его самого не было ни на одном кадре. Натали на них был

примерно год, она, похоже, только-только начала ходить. На ее купальнике и панамке были нарисованы арбузы. Малышка, смеясь, играла на берегу, пересыпала песок в пластиковое ведерко, плескалась в волнах. Ее ручки и ножки и даже волосы были все в мокром песке. Амелия, которая была видна на заднем плане, сидела в шезлонге и читала журнал. Ее укладка была идеальной — будто только из салона, и, конечно, никакого песка.

По какой-то причине Амелия решила включить в альбом фотографию плачущей Натали. Я сама никогда не оставляю такие кадры. Это ошибка новичка. Ребенок выглядит плохо, а родители — еще хуже. Вот и тут: Натали плакала, а Амелия казалась растерянной, лишенной материнского инстинкта. Как только дочка начинала плакать, ей становилось не по себе и хотелось, чтобы ей занялся кто-то другой.

— Натали, ты была прекрасным ребенком. — Амелия повернулась к дочери, устроившейся на подлокотнике дивана.

— А сейчас Натали прекрасная девочка, — добавила я.

Амелия так часто упускала шанс поднять самооценку дочери.

— В том году мы ездили во Флориду на празднование семидесятилетия моего отца, — пояснила Амелия. — И каждый день проводили на берегу океана. Когда мы вернулись в Бруклин, Натали все просилась к воде. Ей всегда нравилась вода.

— Мне тоже нравится вода, — сказала Лючия.

— И мне, — я не удержалась и напомнила о себе.

— Лючия, хочешь, я покажу тебе дом? — внезапно предложил Фритц.

Не ожидала, что он окажется настолько вовлеченным. Хотя, может, он хотел поговорить с Лючией один на один, а не когда рядом нависает жена. Может, он хотел ее. Конечно, у меня фигура лучше, чем у Лючии, но мне не девятнадцать лет. В моей голове промелькнул образ Фритца и Лючии в спальне.

Лючия и Фритц отправились осматривать верхние этажи.

Амелия казалась раздраженной. Я не понимала, почему она не пошла за ними. Она повернулась к Натали, возвращаясь к незаконченному разговору:

— Для меня это важно, — прошептала она. — И мне нужна твоя помощь.

Натали не ответила, чем, вероятно, еще больше

взбесила мать.

Стоя позади Амелии, я положила руку ей на плечо.

— Лючия очень красивая.

Она повернулась ко мне и благодарно улыбнулась.

— Да. Я знаю.

— И светлая.

— Да. — Амелия встала и обошла диван, чтобы подойти ко мне. — Но она, кажется, чем-то обеспокоена.

— Это непросто, — сказала я. — В сложившейся ситуации.

— Ты думаешь…

— Может быть… — Я недоговорила.

— Что? — спросила Амелия.

Я обняла Амелию за плечи и почувствовала, что она дрожит.

— Я так рада, что ты ее нашла.

— Что может быть?

— Она явно внимательная и заботливая.

— Думаешь?

— Полагаю, она позаботится о ребенке.

Амелия нахмурила лоб и прижалась ко мне, так что я смогла расслышать ее шепот.

— Она передумает?

— Говоря, что она позаботится о ребенке, я имела в виду, что она захочет для него самого лучшего.

— Мне кажется, что все-таки ты говорила о другом…

Амелия снова заправила волосы за уши — ее привычный нервный жест.

— Нет. Я действительно не считаю, что она может передумать. Если она возьмет на себя какое-то обязательство, то будет его придерживаться. Она кажется мне честной.

— Согласна.

Натали молчала. Я была почти уверена, что она хочет того же, что и я.

Амелия ходила по комнате из конца в конец.

— Отец тоже латиноамериканец? — спросила я.

— Что? — Амелия остановилась.

— Просто интересно, латиноамериканец ли отец ребенка?

Похоже, вопрос расы и этнического происхождения ребенка в глубине души изрядно волновал Амелию. Так что я решила вытащить его на поверхность, хотя и знала, что ступаю на опасную почву.

— Раса отца не имеет значения. — Губы Амелии

сжались в твердую прямую линию.

— Я просто не знала, насколько важно вам с Фритцем, чтобы малышка была похожа на вас, — объяснила я, — или на сестру Натали.

— Отец белый, — сказала Амелия. — Однако это не имеет значения. Семья Лючии из Доминиканской Республики. И сама она красавица. И у нее относительно светлая кожа.

Амелия улыбнулась.

Не ожидала, что отец окажется белым. Возможно, моя стратегия возымела обратный эффект. Амелия не хотела признавать, что расовая принадлежность ребенка имеет значение, поэтому могла стать только упорнее в этом вопросе.

— Хочешь, я сфотографирую тебя вместе с Лючией?

— Что?

— Сделаем несколько фотографий? — Я указала на камеру, которая все еще висела у меня на шее.

— Зачем? — Амелия прикрыла глаза руками, словно пряча их от яркого солнечного света.

— Для домашнего архива.

Я надеялась, что на фотографии различия Лючии и Амелии будут заметнее. А я их еще подчеркну, немного отредактировав исходные

снимки.

— Нет! — Ответ Амелии был довольно резким. — Не могу представить более неуместного предложения. Ты с ума сошла?

Легкие сдавило, к лицу прилила кровь.

— Возможно, появятся еще кандидатуры на роль матери, и тебе захочется вспомнить, как выглядит Лючия.

Я сосредоточилась на медленном и устойчивом дыхании.

— Очень ценю твое желание помочь, Дельта. Но нет.

— Поняла. Просто скажи, чем тебе помочь.

— Вообще, вы обе можете мне помочь. — Амелия посмотрела на меня, а потом на Натали. — Просто держите рот на замке. — С этими словами она отвернулась и собрала с журнального столика грязные тарелки и пустые стаканы.

— Просто держите рот на замке… — тихо усмехнулась Натали над фразой матери.

Амелия, уже направлявшаяся не кухню, похоже, не слышала ее комментария. Я тоже не стала акцентировать на нем внимания, все еще приходя в себя от пренебрежительных и обидных слов. Более того, я не хотела встревать в спор матери и дочери и нагнетать напряженность в их отноше-

ниях. Я искренне хотела поддержать их семью. Именно так, моя цель была в том, чтобы укрепить связь между Амелией и Натали, но все же предоставить Натали возможность думать самой и видеть другие точки зрения. Я хотела, чтобы у Натали был теплый, любящий дом. Поэтому, когда Амелия отсутствовала и не могла быть рядом с Натали, я предлагала свою помощь. Я хотела, чтобы у Амелии родился ребенок, о котором она мечтала, и твердо верила, что смогу ей помочь. Вместе мы могли бы осуществить ее мечту.

Я знала, что ребенок Лючии не подходит Страубам. Я любила их и хотела для них лучшего.

Глава 9

— Какой красивый у вас дом, — сказала Лючия, когда они с Фритцем вернулись в библиотеку. — Натали, классная коллекция единорогов!

Натали натянула улыбку.

— Спасибо.

Я все чаще замечала, что девочка становится похожа на мать. Ее лицо становилось изящнее, а сама она будто утонченнее. Это проявлялось не в одежде, словах или мыслях, но в том, что в ней было все меньше от ребенка. За последние пару месяцев ее беззаботный настрой сменился спокойным пониманием эмоционального пространства, в котором она жила. Мне казалось, что она впервые действительно видела свой дом и заметила конфликт между родителями. Раньше она этого не замечала, но больше игнорировать не могла. Возможно, Натали стала лучше понимать и действия своей матери, которые вовсе не были направлены на сохранение семьи.

Я-то понимала, почему Амелия так хотела ребенка. Так она пыталась вырваться из бездны, избавиться от страданий, покинуть собственное

тело и стать кем-то другим.

— Присаживайся, — сказала Амелия Лючии, показывая на диван, и сама села напротив нее.

Натали напряженно сидела, скрестив ноги, на подлокотнике дивана. Я села между ней и ее матерью.

— Лючия, твои расходы на здоровье, должно быть, сейчас немаленькие. И ты упомянула, что из-за самочувствия меньше работаешь. Беременность сказывается на теле женщины — это расплата, и я хорошо помню себя в этом положении. Я думаю… Важно, чтобы была поддержка. Если все сложится, мы бы хотели тебе помочь, чтобы ты могла позволить себе отдыхать, учиться, заниматься спортом и правильное питаться, — Амелия говорила с такой материнской заботой, будто разница между ней и Лючией была только в возрасте. — Мы готовы покрыть твои расходы: те, что уже были, и предстоящие. Это меньшее, что мы с Фритцем можем сделать.

Она посмотрела на Фритца, видимо, надеялась на одобрительный кивок, но он не отреагировал. Саму Лючию, казалось, смутило такое предложение. Но Амелия этого не заметила и продолжала:

— Кроме того, я понимаю, что беременность помешала твоей учебе, поэтому я хотела бы

оплатить оставшуюся часть твоего обучения в колледже. Где бы ты ни захотела учиться.

Лючия теребила в руках конец красного шарфа. Она не улыбалась и не благодарила. Может быть, поняла, что это была своего рода взятка, и оскорбилась. Или, наоборот, увидела в Амелии легкую добычу и планировала выжать из нее максимум.

Прислонившись спиной к дверному косяку, Фритц снял очки и протер линзы подолом футболки. Полагаю, они с Амелией не обсуждали эту тему до приезда Лючии. И он злился.

Натали, похоже, осознавала, как уменьшается ее значимость. Она понимала, что предложение, которое сделала ее мать Лючии, скажется на финансовом состоянии их семьи. А еще я вспомнила о неоплаченном счете за школу.

Амелия пересела к Лючии и взяла ее за руку.

— Спасибо, что пришла в наш дом этим вечером. Для меня это много значит. И я знаю, что Фритц и Натали чувствуют то же самое.

Фритц смотрел на часы, а Натали, уставившись в пол, грызла ногти.

Встреча подходила к концу, и мне было важно, чтобы Амелия и Фритц точно оценили душевное состояние Лючии. Оставалось всего несколько минут, за которые они могли увидеть недостатки

в своем восприятии ситуации.

— Как зовут ребенка? — спросила я.

— Нина, — ответила Лючия.

Возможно, мой вопрос был неуместным, но я знала, что второго шанса не будет.

— А кто обычно называет ребенка? — встрепенулась Натали.

— Родители, — резко отозвалась Амелия.

— А кто считается родителями ребенка? — Натали не отставала.

В комнате воцарилась тишина. Я чувствовала разгорающийся в Амелии гнев.

— Странный вопрос, Натали. — Амелия из всех сил старалась говорить беззаботно. — Лючия — биологическая мать ребенка. Но те, кто его усыновят, станут приемными родителями.

— Так кто же дает имя ребенку? — снова спросила Натали с явным интересом.

Повисло короткое молчание, прежде чем вмешался Фритц:

— Милая, обычно это делают приемные родители: у ребенка будет их фамилия, и они же выбирают имя.

Натали расправила плечи и откашлялась, словно возвращая себе контроль над телом и голосом, и обратилась напрямую к Лючии:

— Так почему ты уже выбрала имя?

Лючия некоторое время молчала.

— Ребенок внутри меня, — наконец заговорила она, положив руку на живот. — Сейчас я ее мать. И мне нужно с ней говорить. Поэтому я зову ее Нина.

— Ну, разве это ее не запутает? — обратилась Натали ко всем. — Сейчас она слышит, как Лючия называет ее Нина, но позже она будет носить другое имя. Не думаю, что это правильно. Если ее сейчас зовут Нина, она должна остаться Ниной. В любом случае это хорошее имя.

— Ого! — воскликнула Амелия. — Я и не заметила, который час. Почти десять. Лючия, тебе нужно немного отдохнуть.

— Согласен. — Фритц снова посмотрел на часы.

— Вызову тебе такси. — Амелия взяла с журнального столика планшет.

Они одновременно встали с дивана, и Амелия поцеловала Лючию в лоб. Это был почти религиозный жест, очень ей несвойственный.

— Я хочу, чтобы ты позаботилась о себе. Обещай мне, что так и сделаешь, — сказала она.

Лючия смущенно кивнула.

— Пока, Лючия. — Фритц неловко взмахнул рукой и исчез в кухне.

Амелия помогла Лючии надеть пальто, сама натянула кроссовки и проводила девушку к машине. Я стояла в дверном проеме, положив руку на плечо Натали, и наблюдала за стоящими на тротуаре женщинами. Амелия приложила руку к щеке Лючии, и та казалась сейчас маленькой девочкой. Как только Лючия села в машину, Амелия послала ей воздушный поцелуй, а затем прижала руки к сердцу. А потом долго махала вслед отъехавшему такси, будто прощалась с дочерью. Полагаю, в ее понимании так оно и было.

Я достала из шкафа свое пальто. Оно висело рядом с пурпурной курткой Амелии, которую я приметила в свой самый первый визит. Недавно примеряла такую же в магазине и даже собиралась спросить Амелию, могу ли я одолжить ее на один вечер, но, вероятно, сегодня для этого был не лучший день.

Я не хотела уходить, но не хотела и доводить до момента, когда Страубы подумают, что лучше бы меня не было.

Амелия возвращалась к дому, дрожа от холода. Я поцеловала Натали в щеку.

— Дельта. — Амелия застыла в дверях. — Почему ты спросила об имени ребенка? — Враждебность в ее голосе меня расстроила. — У ребенка

нет имени. По традициям иудаизма ребенка не называют до его рождения, не покупают одежду или кроватку, чтобы его не сглазить.

— Прости… Мне просто было любопытно, — пробормотала я. — Когда провожала Лючию в ванную, услышала, как она с ней разговаривает. Это же хорошо, что биологическая мать заботится о будущем ребенке, разве нет?

— Нет. Да. Нет. — Амелия скинула кроссовки у гардеробной.

Я последовала за ней в кухню, где Фритц пил пиво с чипсами. После минуты молчания Амелия посмотрела на меня.

— Лючия решила, что она не мать ребенка. Это ее решение. Выберет ли она нас или другую семью, она не имеет права давать имя ребенку. У нее нет никаких прав в отношении этого ребенка.

Амелии явно было некомфортно. Словно ее тело стало чужим.

Натали открыла холодильник, чтобы достать молоко, и я заметила, что на одной из полок лежит с десяток бутылок шампанского. Похоже, они планировали вечеринку. Но меня не пригласили.

— Конечно, — согласилась я, — у нее, как у

биологической матери, прав не будет. После рождения ребенка.

Руки Амелии непроизвольно вздрогнули, будто она стряхивала с них воду.

— Амелия, — продолжила я, — просто я чувствую, что Лючия сомневается по поводу своего решения. Боюсь, тебе может быть больно.

— Еще никто не принял никакого решения. — Фритц выбросил пустой пакет из-под чипсов в корзину под раковиной. — Ни Лючия, ни мы. И этот разговор — чушь собачья.

Судя по всему, Фритца и Амелию мало заботило присутствие в комнате Натали и то, как она могла понять их слова. Напротив, они гордились, что откровенны со своим ребенком.

Девочка же казалась измученной. Достав высокий синий стакан, она вылила в него остатки молока.

— Я должна вкладываться в этого ребенка, — сказала Амелия, и голос ее был лишен интонаций. — У меня нет выбора. Я должна.

— Нет, Амелия, — одернул жену Фритц. — Меня ты этого сделать не заставишь.

— Амелия, — сказала я, — у тебя есть варианты.

Я пыталась представить Амелию, лишившуюся

своей обычной уверенности.

Слезы наполнили ее глаза, но мне показалось, что она специально выдавливала их из себя. Не зная, что ответить мужу, она решила, что плач будет лучшей стратегией. Не сказать, что Амелия в принципе не была импульсивной и драматичной. Конечно, была. Но я знала, что ради достижения цели она может контролировать свое поведение. В этом отношении мы с ней были похожи.

Я сама никогда особо детей не хотела. Но я хотела стать суррогатной матерью для ребенка Амелии и Фритца. Стать частью такого личного и такого важного события. А вскоре после его появления Амелия бы вернулась к работе, и тогда я бы смогла сблизиться с ребенком. У нас с ним была бы более крепкая связь, чем у Амелии. И, что более важно, я бы навсегда стала частью жизни Страубов. Но сейчас не время обсуждать это с Амелией. Мне не хотелось, чтобы она решила, что я заинтересована в каком-либо конкретном результате.

Амелия плакала, закрыв лицо руками. И по ее позе я поняла, что сегодня мне не заделать появившуюся в наших отношениях трещину. Нужно подойти к ситуации с другой стороны.

— Вам надо немного отдохнуть. — Я обняла и поцеловала Натали.

Мне требовалось приложить усилия, чтобы покинуть этот дом. Ноги не хотели идти. Неизвестная сила притяжения удерживала меня на месте. Фритц направился к выходу, ожидая, что я последую за ним. И я наконец-то смогла заставить свое тело двигаться в том же направлении.

— Позвони мне, если что-нибудь понадобится, — сказала я Фритцу.

Я хотела прикоснуться к нему. Хотела, чтобы он знал, как сильно я забочусь о нем и его благополучии.

— Спасибо, Дельта. — Он наклонился вперед, как будто хотел меня обнять, но потом передумал и отступил.

Той ночью мне приснился сон. Я бежала к младенцу, а затем стала младенцем, к которому бежала. Чьи-то руки обвились вокруг моего тела. Я чувствовала себя охваченной теплотой и любовью. Я кому-то принадлежала.

Глава 10

Я проснулась рано и с мыслями о Лючии. Загрузив и просмотрев сделанные мной кадры, я остановилась на одном из них. Она была Мадонной. Она была ангелом. Младенцем.

Но для желаемого результата снимку надо было добавить сексуальности. Заставить беременную женщину выглядеть притягательно — тонкое искусство. А еще изменения должны быть практически неразличимы, чтобы Лючия ничего не заподозрила. План был такой: углубить тени вокруг груди, немного уменьшить талию, переместить руку с живота ближе к промежности, добавить на лицо капельки влаги и немного приоткрыть губы.

Посмотрев на фотографию, парень Лючии увидел бы женщину, которая была возбуждена, несмотря на ангельскую невинность. Тогда бы он снова захотел ее и в то же время увидел мать своего ребенка. Перед таким устоять трудно. Может, даже невозможно.

Когда моя работа была закончена, я отправила письмо Лючии: «Лючия, обещанная фотография.

Не забывай, о чем мы говорили».

Остаток дня я постоянно проверяла свою электронную почту. Когда она ответила, было уже около полуночи. «Вау. Спасибо, Дельта». Я была уверена, что она перешлет фото своему парню. И подозревала, какая будет реакция: он захочет ее вернуть и потребует оставить ребенка. И он должен сделать это сразу же, до того, как появится кто-то еще.

И хотя мы со Страубами договаривались, что я буду сидеть с Натали каждую пятницу, я не была уверена, ждут ли они меня в этот раз, учитывая все произошедшее и наш с Амелией последний разговор. Я написала ей в пятницу утром. Она не ответила.

Весь день я занималась делами и работой, а вернувшись вечером домой, устроилась на диване с Элизой. Я гладила ее и рассказывала о прошедшем дне. Если бы кошка могла говорить, то попросила бы меня не оставлять ее так надолго, а в следующий раз взять с собой. Она бы сказала мне, что одиночество вызвало у нее желание покончить с собой. Что стены квартиры незаметно приближались друг к другу, так что она боялась, что однажды ее раздавит.

Потом, устроившись за компьютером с бокалом

вина, я два часа изучала вопросы, связанные с усыновлением в штате Нью-Йорк. Я узнала, что биологическая мать может решить, является ли усыновление «открытым», и если она потребует, то сможет видеться с ребенком так часто, как пожелает. Постоянная связь с Лючией была бы тягостным бременем для Амелии, особенно если у девушки были финансовые трудности. Страубам, возможно, придется поддерживать всю семью Лючии.

Я также подробно изучила законы о суррогатном материнстве. Из разговора с Амелией я уже знала, что платное суррогатное материнство было незаконным в Нью-Йорке. Если бы Страубы пошли этим путем, у меня было бы значительное преимущество как у «альтруистической суррогатной матери», хотя тогда у них не было бы контракта, требующего обязательного исполнения. В Нью-Йорке женщина считается законной матерью по факту родов, и именно она считается официальным родителем. Если бы я стала суррогатной матерью, им бы пришлось мне довериться.

Закончив с чтением, я открыла папку с фотографиями кухни Страубов, которые сделала, когда сидела с Натали и Пайпер. Там были снимки

высоких потолков, изысканной отделки, разнообразных деталей из латуни, меди и никеля, словно звучащих в унисон с окружающим их стеклом, создавая мерцающий образ. Я помню, как впервые увидела эту кухню. Казалось, она сделана из хрусталя, так сильно искрилось пространство.

Потом я перешла к снимкам, которые пять лет назад сделала для меня Лана. Это были, безусловно, лучшие мои портреты. Эти снимки я использовала на своем сайте, чтобы клиенты знали, как я выгляжу. Крупные планы подчеркивали ярко-голубые глаза, кремовую кожу и шелковистые волосы. А на фотографиях в полный рост была видна фигура в виде песочных часов.

Но мне было жаль, что эти снимки нужны только для сайта, и тогда я стала делать коллажи из рекламных плакатов. На них я каталась на лыжах, ходила в походы или ныряла с аквалангом. Это было забавно. Но поскольку я не знала людей, которые также были на этих снимках, и не была в изображенных местах, мне было трудно поверить в реалистичность происходящего. Зато представить себя частью происходящего на сделанных мною снимках было намного легче. И я получала большое удовольствие, когда использовала фото с вечеринок моих заказчиков.

Когда я накладывала свой образ на фото кухни Страубов, это был способ провести с ними время — я ужасно скучала. Это был способ стать частью их дома и жизни. Еще я добавила изображения кухонных принадлежностей, овощей и фруктов. Так появилось фото, на котором я готовлю.

Я пролистывала фотографии одну за другой, и получалась история. Натали и Пайпер смотрят фильм. Я на кухне — можно предположить, что я их мать или старшая сестра. Натали и Пайпер крепко спят в комнате Натали. И наконец кадр, где я с Фритцем: мы занимаемся любовью в спальне Страубов. Над тем, чтобы получить изображение обнаженного Фритца, пришлось немного потрудиться: я объединила несколько сделанных мною снимков и фотографии из соцсетей Амелии, где Фритц был на море в плавках. Дальше пришлось воспользоваться программой, которая при помощи искусственного интеллекта «раздевала» присутствующих в кадре. Получилось довольно правдоподобно, но я представляла себе его немного иначе, так что слегка изменила тон кожи и сделала мышцы рельефнее. Получилось отлично.

Потом я вернулась к моменту на кухне и добавила фотографию себя и Амелии: она читала

мне рецепт, а я смешивала ингредиенты в миске. Похоже, это был мой дом, и я готовила с моей дорогой подругой Амелией.

Мне так понравился результат, что я просмотрела получившееся слайд-шоу несколько раз подряд. Лучший момент, конечно, где мы Фритцем, наши тела тесно прижаты друг к другу. Глядя на это, я чувствовала свою связь с миром и жизнью.

Я уже собиралась ложиться спать, когда поняла, что не добавила Джаспера. Где Джаспер был все это время? В конце концов я решила, что он проспал весь вечер. Это было правдоподобно, ведь ему всего пять. Я добавила в комнату Натали еще одну кровать. Теперь на снимке были Натали и Джаспер, а не Натали и Пайпер. Как будто Пайпер ушла домой после фильма, а Джаспер и Натали спали в своих кроватях.

В субботу утром я снова написала Амелии, но ответа так и не получила. Я чувствовала себя все более потерянной и не знала, что делать. Мне нужен был контакт со Страубами. Я не видела их и не разговаривала с ними неделю.

Ян оставался единственным источником информации, и я встретилась с ним за ужином в гастропабе. После еды мы бесцельно гуляли по

городу. Пока мы ждали зеленого света на одном из переходов, Ян взглянул на часы и предложил:

— Может, чего-нибудь выпьем?

Его дыхание вырывалось изо рта туманным облаком.

Я надеялась на такое предложение, потому взяла его за руку, посмотрела в глаза и кивнула.

За нами остановилась группа шумных подростков. Одна из явно подвыпивших девушек зацепилось рукой и ногой за столб фонаря и стала изображать, будто танцует стриптиз.

— В смысле, у меня дома, — добавил Ян.

— Я поняла.

Подростки смеялись над воображаемым стриптизом и скандировали:

— Донна! Донна!

— В последнее время я нечасто ходил на свидания, — робко сказал Ян, — и забыл, что надо делать.

Я сжала его руку.

Мы перешли улицу и миновали группу шумных туристов с картами в руках — несмотря на холодный март, девушки были с голыми руками и в кофтах с глубоким декольте. До переезда в Нью-Йорк, приезжая на выходные, я презирала туристов, хотя сама была одной из них. Я видела,

как мы отличаемся от настоящих жителей этого города: менее изысканные, менее образованные, менее… всё. Уже тогда я хотела, чтобы люди поверили, что я здесь живу. Я понимала, насколько важно вписаться. В этом отношении мне помогла Эмили Миллер. Она выросла в состоятельной семье и хорошо разбиралась в происходящем в городе. Работая с ней на свадьбах, я наблюдала за ней и внимательно слушала. Она казалась очень раскованной, но все это была лишь игра — в этом она мало чем отличалась от Амелии Страуб. Превосходный профессионал, Эмили никогда ничего не говорила и не делала случайно.

Квартира Яна в довоенном доме без лифта, похоже, была недавно отремонтирована. Черные рамы огромных окон контрастировали с белоснежными стенами и полированным темным деревом на задней стенке белых книжных полок. Поверхности были пустыми, за исключением нескольких тщательно отобранных предметов, вероятно, купленных во время путешествий, — я приметила деревянную фигурку с Бали.

Ян скрылся на кухне и вернулся с двумя бокалами красного вина, которые он поставил на журнальный столик перед диваном. Сделав несколько глотков, я повернулась к мужчине. Не

было смысла тратить время, а потому я наклонилась к нему, и мы поцеловались. От него пахло лосьоном после бритья и чесноком. Моя рука легла на его промежность, затем ноги обвились вокруг его талии. Мы дошли до кровати, и я позволила ему проявлять инициативу.

Я позволила ему раздеть меня и взять. Мне понравилось заниматься сексом с Яном, и мне нравилось, что он влюблен в меня. Но если бы я измерила притяжение, которое чувствовала по отношению к Страубам и Яну, то последнее бы не выдержало никакого сравнения.

После я попросила его принести еще вина — секс и алкоголь могли помочь получить нужную информацию. Ян надел трусы-боксеры, вышел из комнаты и вернулся с полупустой бутылкой красного вина и двумя бокалами. Я натянула одеяла на грудь и села, положив под спину две подушки.

Ян провел рукой по моим волосам.

— Боже, какая ты красивая, Дельта.

Я опустила взгляд, как бы смущенная комплиментом.

— Каждый раз, когда я вижу тебя, ты становишься красивее. — Он рассмеялся. — Даже не знаю, как это работает.

Я посмотрела Яну в глаза и увидела его великодушие и доброту. А еще посредственность — он не был человеком, желавшим добиться успеха во всем. Я видела человека, который довольствуется обычной жизнью.

— Может, это я пытаюсь произвести на тебя впечатление, — сказала я.

Ян залез в кровать и положил теплую руку мне на бедро. Я поцеловала его в шею. Допив вино, я опустилась на подушку рядом с ним.

— Ты не против, если я останусь на ночь?

Ян казался более расслабленным, чем несколько часов назад. В лице было гораздо меньше напряжения.

— Я бы не отпустил тебя сейчас — два часа ночи.

— Я хочу быть рядом с тобой, — прошептала я ему на ухо.

Он крепко обнял меня.

Я теснее прижалась к нему бедрами, чтобы сбить его самоконтроль и занять сознание мыслями обо мне.

— Я не могу перестать думать об Амелии и Фритце. Волнуюсь за них.

Он поцеловал меня в щеку.

— Думаю, у них все хорошо.

— Да?

— Вчера я разговаривал с Фритцем.

— И?

— Похоже, что с ребенком, которого они хотят усыновить… — Он провел пальцем по моим губам.

— Что с ним?

— Кажется, все получается. Он так сказал.

Я сосредоточилась на глубоких вдохах. Поверхностное дыхание лишь усиливает тревогу.

— Ого! Фритц счастлив?

— Может быть, — сказал он.

— Но он согласен на усыновление?

— Он считает, что уже слишком поздно отступать, потому что Амелия просто обезумела. И если он ее остановит, она по-настоящему сойдет с ума.

Я лежала, устроившись на плече Яна, и смотрела на табло электронных часов на тумбочке. Я считала минуты, ожидая момента, когда смогу уйти домой. Ян крепко спал.

Утром у меня был повод сразу же уйти — ранняя съемка новорожденных близнецов. Ян настоял, чтобы я дождалась, пока он сварит мне капучино. Мы договорились, что увидимся на следующей неделе. Нельзя было упустить момент.

Глава 11

Март подходил к концу. Каждое утро, когда я просыпалась и смотрела на экран телефона, у меня возникало чувство, будто я тону. Я надеялась получить сообщение от Амелии, но этого так и не произошло. Прошло почти две недели с последней встречи со Страубами, и я боялась, что потеряла свое место в их жизни. Раньше мне казалось, что Амелия была привязана ко мне, но после ошеломительного эпизода с Лючией появился страх, что она заменит меня.

Возможно, Амелия чувствовала, что я была против усыновления. Мы были близки, пока у нас была общая цель: сделать жизнь Амелии лучше. Именно на этом мы были сосредоточены. И я не возражала против такого аспекта наших отношений. Даже поддерживала, ведь я не могла допустить пристального внимания к моей жизни.

В пятницу утром я отправила Амелии еще одно сообщение с вопросом, не хочет ли она, чтобы я посидела с Натали. Снова без ответа. Вечером я включила компьютер и просмотрела фотографии

с того дня, когда впервые познакомилась со Страубами на дне рождения Натали. Я вспомнила, как ощущала внимание Амелии, точно солнечный свет. Ее взгляд мог согреть, осветить и исцелить меня. Я очень этого хотела, чувствуя физическую потребность в ее присутствии. Без нее мне было физически плохо, словно во время ломки. Всю неделю у меня возникали головные боли и иногда тряслись руки, что было серьезным недостатком при моей профессии. Я отменила две съемки, что точно скажется на материальном благополучии.

Я решила заполнить пустоту, открыв папку с измененными фотографиями Страубов. К настоящему времени в ней было больше изображений, чем во всех других моих личных папках вместе взятых. Я начала с очаровательной фотографии Амелии в профиль, в темных очках и кожаной куртке. Она подняла руку вверх и кому-то махала. Я перенесла ее на одну из улиц города и добавила себя на противоположную сторону дороги. Мы собирались пройтись по магазинам.

Я сосредоточилась на образе машущей мне Амелии и глубоко дышала. Через несколько минут мне стало лучше.

Я сделала еще один коллаж, на котором мы пили коктейли в баре на набережной. Амелия

касалась моей руки. Она смотрела на меня так дружелюбно, как при первой нашей встрече. Никогда не забуду тот день. Никто, кроме нее, не мог полностью понять и принять меня.

Наконец, я сделала фотографию, на которой мы бежим по Бруклинскому мосту. Жаль, что у меня не осталось настоящих снимков. Наших лиц видно не было, но по позам можно было понять, что идет оживленная беседа.

Я вернулась к фотографии с улицы и заменила свое фото на себя же, но на седьмом месяце беременности. Амелия была вне себя от радости.

Этот кадр подтверждал привязанность Амелии ко мне. И мое тело постепенно расслаблялось, пространство переставало давить на меня, уходила внутренняя пустота. Острая боль в животе сменилась чувством тепла и легкости.

Когда в субботу вечером я пришла в квартиру Яна, на плите стояла говядина по-бургундски, в холодильнике — салат, горели свечи и играла «Богемская рапсодия». Ян был в выцветших джинсах и футболке, непохожий на себя обычного. Волосы его немного длиннее. Ему шел более расслабленный вид.

— Твоя мама прислала мне еще один подарок, — сказала я. — Шелковый шарф.

Это был третий подарок, который Паула прислала мне с момента нашего знакомства. На этот раз открытка гласила: «Моей будущей невестке (тсс!)». И пририсован смайлик. Об этом послании я не стала рассказывать Яну.

— Шутишь? Она самый экономный человек из всех, кого я знаю!

— У нее хороший вкус. — Я улыбнулась.

С улицы доносились смех и разговоры.

Когда в середине ужина Ян принес вино, чтобы долить в бокалы, я была приятно удивлена, отметив, что вино явно дорогое.

— Расскажи мне побольше о Джаспере, — попросил Ян.

Во рту пересохло. Я удивилась, почему он решил завести этот разговор.

— Он очень умный, — ответила я. — И просто восхитительный.

Ян подложил мне говядины.

— Ты говорила, что его не будет несколько месяцев?

— Он обязательно вернется к сентябрю, чтобы пойти в детский сад.

Я вытерла рот темно-зеленой льняной салфеткой. Удивительно, обычно таких вещей не встретишь в квартире гетеросексуального хо-

лостяка.

— Я не хочу выпытывать, но…

— У меня нет секретов. — Я снова улыбнулась.

— Что случилось с твоим браком?

— У Роберта был роман. — Я сделала глоток вина. — Он влюбился в другую женщину.

— Мне жаль.

— Уже все в порядке. Мы друзья. Вроде того.

— А где именно живет Роберт?

Голоса снаружи стали громче. Ян подошел к окну и закрыл его, а затем вернулся к столу.

— В городке Санта-Моника, там у него офис.

— Кто остается с Джаспером, когда Роберт на работе?

Я все еще слышала мужской смех, доносившийся снаружи.

— Он ходит в детский сад.

— А что насчет женщины?

Алкоголь замедлил мой мозг.

— Какая женщина?

— Та, другая.

— Ой.

Собираясь с мыслями, я разглядывала свои руки, лежащие на коленях. Обычно я не была так небрежна в деталях.

— Где она? — снова спросил Ян.

— Она живет в Нью-Йорке.

Ян казался смущенным.

— Он сейчас один?

— Да.

— Какая у Роберта фамилия?

Да чтоб тебя!

— Почему ты спрашиваешь? — вежливо отозвалась я.

— Ты упомянула, что он работает в кино. У меня есть друзья в этой сфере.

Я сделала паузу.

— Не хочу больше говорить о Роберте. Это болезненная тема.

Ян смотрел в пол, приставив указательный палец к губам, будто пытаясь что-то вспомнить.

— А где живет твоя сестра? — наконец спросил он.

Он оказался внимательнее, чем я думала.

— Мы не общаемся.

— Она замужем?

— Вроде у нее был парень.

Он подозревал меня во лжи.

— Похоже, ты мне не доверяешь. — Ян нахмурился.

— Я никому не доверяю, — рассмеялась я.

Это было правдой. Хотя такое признание играло

против меня. Окружающие считают, что с женщиной, которая не может довериться мужчине, что-то не так.

— Меня не волнуют твоя сестра или бывший, — пробормотал Ян, — но нужно с чего-то начать. Да и знаешь, что бы там ни случалось в прошлом, оно просто так не уходит.

Я увидела что-то в глазах Яна, может быть, привязанность, и на мгновение мне захотелось стать другим человеком.

— Вот жаль. Было бы неплохо. В смысле, если бы все уходило. — Я допила вино. — А как насчет тебя? Ты не рассказал мне о своем прошлом.

— Я встречался кое с кем восемь лет. Она говорила, что не верит в брак. Но я надеялся, что она передумает. — Ян пожал плечами. — Ну, она не передумала и ушла от меня, — Ян говорил быстро и нарочито оптимистично, стараясь казаться непринужденным.

— Сочувствую.

— Я не могу злиться, — сказал он. — Она никогда не притворялась тем, кем не была.

Это снова проверка? Я вгляделась в его лицо. Нет. Он мне доверял.

После секса я лежала, обняв Яна, кончик моего носа касался его щеки. Его волосы были мокрыми

от пота, как и подушка под нами. Из колонки пела Сиа.

— Натали любит эту песню. — Я сделала небольшую паузу. — Ты давно ее видел?

Я не встречалась с девочкой уже две недели. Яну про напряженность в моих отношениях со Страубами я не рассказывала, надеясь, что они тоже не будут об этом упоминать.

— Натали не видел, но вчера в офис заходил Фритц. Ты слышала об их биологической матери?

— Нет.

— Она сошлась со своим парнем. Он снова появился.

Твердый узел внутри меня развязался, по рукам побежали мурашки. Появилась такая легкость, что, казалось, я могу взлететь к потолку. Моя фотография соединила их. Я знала это, знала точно. Никто не мог сделать того, что могла я.

— Амелия боится, что Лючия передумает, — добавил Ян.

Мне нужно было увидеться с Амелией и Фритцем. Они должны понять, что я могу им помочь.

— Мне так ее жаль…

— Фритц говорит, что она совсем пала духом, — сказал он. — Похоже, Амелия считает, что это был

их единственный шанс.

— Она ошибается.

— Ну, они ведь давно пытаются решить этот вопрос.

Я так и лежала, прижавшись к Яну. Провела рукой по его бедру, переместила свою ногу между его.

— Есть альтернативы.

— Наверняка.

— Например, суррогатное материнство.

— Кажется, с этим тоже не все так просто.

— По-разному бывает. Новая жизнь — это всегда волнующе. И для некоторых женщин это лучшее, что они могут сделать. — Я поцеловала Яна в шею. — Я бы с удовольствием это сделала.

— Что?

Я подумала ему на шею и повторила:

— Я бы с удовольствием это сделала.

— Ну нет! — Он засмеялся и дернул меня за прядь волос.

— Почему нет?

Ян отстранился от меня, чтобы заглянуть мне в глаза, пытаясь понять, шучу я или нет.

— Мне нравилось быть беременной, — сказала я, хотя слова давались с трудом.

Кажется, он понял, что я говорю серьезно, улыб-

ка исчезла с его лица.

— Что, если я хочу тебя только для себя?

Ян слишком привязался ко мне. Я недооценила ситуацию. Он не хотел лишиться моего тела из-за Страубов и их ребенка. Я злилась на себя за свою близорукость. Тем не менее он — моя главная связь со Страубами и потому был мне нужен.

У меня вновь появился шанс стать частью жизни Страубов, постоянной частью. Последние две недели показали, насколько важно для меня укрепить с ними связь. Казалось, я была источником силы в их доме и семье, без которого ничто не могло функционировать — я была залогом их благополучия.

Утром я отправила Амелии сообщение: «Надеюсь, у тебя все в порядке».

Она не ответила.

На следующий день я отправила еще одно: «Думаю о тебе».

Она не ответила.

Еще через день я написала: «Я хотела бы навестить вас и увидеться с Натали. Могу по дороге забрать вещи из химчистки. Если, конечно, ты не против».

На этот раз она ответила: «Давай».

Менее чем через минуту мое пальто и ботинки

были на мне, и я вышла за дверь, снова направляясь к Амелии.

Я позвонила в дверь, держа в руках вешалки с одеждой. Мне открыла Амелия, но радость от встречи с ней была тут же омрачена силуэтом Лючии, возникшем в коридоре. Почему Лючия здесь? Я восприняла это как плохой знак. В моей голове застрял припев из песенки «Лондонский мост падает», которую я недавно слышала на вечеринке по случаю дня рождения. Когда-то я прочитала, что в тексте говорится о детях, замурованных заживо в основании моста в качестве жертвоприношения.

Лючия выглядела гораздо более беременной, чем две недели назад, но при этом более спокойной и уверенной в себе. Даже тени для век были светло-коричневые, а не ярко-фиолетовые. Новая, улучшенная Лючия, вероятно, представляла для меня большую угрозу.

А еще я боялась, что она может упомянуть нашу переписку.

— Дельта, да не стоило…

Амелия забрала у меня вещи и повесила в шкафу в прихожей. Цвета ее горчично-зеленой блузки и ярко-зеленых с желтоватым отливом брюк сбивали с толку и противоречили друг дру-

гу. Тональный крем был нанесен неравномерно, и на ее лбу виднелась полоса. Она потеряла блеск, создававший дистанцию между ней и остальным миром. Мои чувства были противоречивыми: с одной стороны, я всегда хотела преодолеть это расстояние, но с другой — была слегка разочарована тем, насколько обыкновенной она выглядела. Однако более тревожным было то, что это произошло в присутствии Лючии. Я не хотела, чтобы она теряла бдительность перед этой женщиной, которая не была ее подругой.

Лючия подошла к нам, за ней плелся Ицхак, виляя хвостом.

— Лючия, ты помнишь нашу подругу Дельту?

— Да.

Девушка смотрела сквозь меня, избегая зрительного контакта. К счастью, ей также не хотелось признаваться, что мы общались.

— Похоже, срок родов приближается, — заметила я.

Не ожидала вновь увидеть Лючию, так что мне трудно было принять тот факт, что вот она стоит передо мной.

Амелия позвала нас к обеденному столу. Я села напротив Лючии.

— Какой прекрасный закат. — Я решила сосре-

доточиться на сияющем через стеклянные двери розовом небе, пока не соберусь с мыслями.

Амелия налила мне вина, а Лючии — газированной воды. Честно говоря, я удивилась, когда увидела, что вино совсем дешевое. Возможно, кто-то подарил эту бутылку, а сама Амелия не обратила внимания на этикетку. За последние несколько месяцев у меня развилось отвращение к плохому вину, словно цена бутылки определяла, к какому социально-экономическому классу я принадлежу.

Амелия села рядом со мной, напротив Лючии.

— Лючия и я… Мы обсуждаем некоторые из имеющихся у нее вариантов, — сказала Амелия осторожным и сдержанным тоном. — За последнюю неделю мы виделись уже несколько раз. Стараемся все проговорить.

Я погладила подошедшего Ицхака, нарочито переключив на него все внимание.

— Но я уже решила… И не рассматриваю другие варианты, — возразила Лючия. — Рон хочет быть со мной и нашим ребенком. Я пришла сюда, потому что думала, что должна извиниться. Ведь раньше я была согласна отдать ее вам, — она говорила сбивчиво, но без смущения. Хотя и правда при этом казалась виноватой.

Меня вновь охватило чувство легкости. В голове у меня было два образа Рона: хитрый бездельник с делишками на грани законных и амбициозный и внешне респектабельный парень, который не хотел связываться с женой и ребенком, зная, что они ограничат его перспективы.

Независимо от его подлинного характера, сделанная мной фотография Лючии возымела эффект.

— Мне очень жаль. — Лючия опустила глаза в пол.

Кошачьи повадки в характере Амелии становились заметнее, когда она была на пределе. В такие моменты было понятно, что с ней не договориться. Могу поклясться, что она сдерживалась, до крови прикусывая язык.

На пальце Лючии я заметила серебряное кольцо, которого раньше не было. Возможно, это было помолвочное кольцо. Но девушка была слишком молода, чтобы понимать, насколько незначительным оно могло быть.

— Он любит меня. Рон знает, чего хочет.

Лючия была уже не столь уязвима, как при нашей прошлой встрече. Очевидно, она считала, что у нее есть союзник в лице Рона. И возможно, он и правда им был.

— Дорогая. — Амелия сделала глоток вина и широко улыбнулась, показав зубы. Улыбка была попыткой проявить дружелюбие, но быстро сменилась гримасой. — Я верю, что он влюблен в тебя. Да и кто бы устоял? Но налаживание отношений — это дело трудное, а ты испытываешь финансовое и эмоциональное давление.

Амелия вглядывалась в лицо Лючии, словно ожидая согласия, а я заметила, как девушка поджала губы. Амелия расправила блузку, затем аккуратно закатала рукава.

— А ты что думаешь, Дельта? — Амелия решила подключить к разговору меня.

На этот вопрос был как правильный, так и неправильный ответ.

— Думаю, Лючии и Рону лучше быть вместе, — сказала я, повернувшись к девушке. Амелия напряглась. — Но вы еще очень молоды, чтобы иметь ребенка, — добавила я.

— Рон хочет быть отцом, — настаивала Лючия.

— Конечно, через несколько лет, — спокойно сказала Амелия, — когда ты закончишь учиться и найдешь работу. Всему свое время.

Амелия говорила так, будто у нее была реальная власть над девушкой, будто Лючия должна следовать ее указаниям. Амелия так привыкла,

что ее требованиям подчиняются. Она считала себя мудрее всех и считала, что другие должны быть благодарны за ее превосходное мнение. Я задавалась вопросом, была ли это ее стратегия, выработанная для достижения цели? Тогда результат явно был противоположен желаемому.

— Рон любит нашего ребенка. — Лючия положила руку на живот. — Этого ребенка.

Я видела почти незаметную улыбку на лице девушки и знала, что шансы Амелии малы. Лючия позволила себе влюбиться в свою дочь. Даже если бы Рон не остался с ней, перспективы для Амелии все равно были бы неутешительны.

Я сомневалась, что Амелия догадывалась о моем участии в произошедшем. Или не хотела его замечать. Она сосредоточилась на словах Лючии.

— Милая, он исчез на шесть месяцев, — Амелия продолжала говорить спокойно и неторопливо, но я представила, каких это требовало усилий.

— Он… У него были проблемы, — сказала Лючия.

— Наркотики? — Амелия облизнула губы. Лючия лишь пожала плечами. — Проблемы с зависимостью?

Лючия лишь слегка повернула голову. Я не

была уверена, кивала она или просто смотрела вниз.

В этот момент осторожный тон и манеры Амелии начали исчезать. Будто в ней закончилось смазочное масло, и мы внезапно услышали истинное, пронзительное звучание ее голоса.

— Это дерьмо невозможно побороть!

Лючия заметно вздрогнула, будто уколовшись.

— Тебе нужно знать правду, — продолжила Амелия. — Прежде чем ребенку исполнится год, Рон исчезнет. Это в лучшем случае. Хуже, если он останется и будет вас бить, когда у него будет ломка.

Мне нужно было уничтожить Лючию, но Амелия справилась с этим даже лучше. С ее последней фразой Лючия погасла. Для меня было совершенно ясно, что она приняла решение, и назад пути нет.

— Вы его не знаете.

Терзания окутывали Лючию подобно плотному туману, но она была вне нашей досягаемости.

— Я знаю достаточно, — ответила Амелия.

— Мне нужно идти. — Лючия отодвинула стул и встала, тяжело опираясь о стол.

На мгновение Амелия замерла. Как будто она была пьяна, а кто-то плеснул ей в лицо ледяной

водой. Потом быстро подошла к краю стола.

— Милая, я не это имела в виду. Я не это имела в виду. — Она попыталась снова усадить Лючию.

— Я все прекрасно поняла.

Девушка отодвинула Амелию локтем. Она оказалась сильнее, чем я думала. На лице Амелии отразились следы невыразимой боли и потери. Как будто в последние три минуты действующая на нее сила гравитации возросла десятикратно.

— Мне так тревожно за тебя, — сказала она Лючии. — Пожалуйста, прости меня.

— Вы его не знаете. Правда не знаете.

Лючии незачем было переубеждать Амелию, но с уверенностью могу сказать, что ей хотелось изменить ее мнение о нем. Сказанные Амелией слова ее задели.

— Пожалуйста, сделай паузу на пару дней, — попросила Амелия, — чтобы взвесить всю информацию, что у тебя есть.

Лючия неохотно кивнула, но мы все знали, какое будет решение.

Пока Амелия вызывала такси и провожала девушку на улицу, я оделась, чувствуя, что в моих же интересах поскорее уйти. Я уже была в дверях, когда Амелия меня остановила.

— Задержись на минуту, Дельта. — Она взяла

меня за руку холодными пальцами и испытующе заглянула в глаза.

Мы вернулись за обеденный стол. Она наклонилась вперед, чтобы только я могла ее слышать, хотя мы и так были дома одни.

— Я предложила Рону денег, чтобы он отказался от ребенка.

Такого даже я не ожидала. Но все же была впечатлена и очень горда, восхищаясь такой дерзостью.

— Когда тебе удалось поговорить с ним?

— Я ездила к Лючии на прошлой неделе. И Рон был там.

Ицхак зевнул и растянулся на полу.

— Лючия знает, что ты приезжала?

— Она была в другой комнате.

— Что ж, посмотрим…

Не хотелось, чтобы Амелия оказалась в тюрьме или чтобы о случившемся узнала пресса. Но критиковать уже совершенные ею действия было бы не очень конструктивно.

— Рон… Он такой человек, которого ты точно не захочешь для своей дочери… Приспособленец, тупой, надменный, ленивый… Для матери было бы сильнейшей болью видеть свою дочь рядом с таким… А мать Лючии… Не могу представить

ее боль, боль оттого, что все это происходит на ее глазах. Потенциальный крах будущего ее дочери.

— Но ребенок… Твой ребенок будет биологически родственен Рону. Ты правда этого хочешь?

— Думаешь, я этого не знаю? — Амелия выпалила эти слова, практически брызжа слюной.

Я была удивлена яростью в ее голосе. Вот он — настоящий признак ее нестабильности. Ее бешенства.

— Да, — продолжила она, — с приемными детьми всегда есть риск.

— Я не имела в виду…

— Но этого подонка даже рядом не будет, он никак не повлияет на воспитание ребенка. — Она заправила волосы за уши. — А Лючия идиотка. Потому что думает, что все будет как раз наоборот. Он хочет лениво лежать и говорить своим тупым друзьям, что у него есть ребенок. Словно это доказательство его мужественности.

— Но если это ее решение… — Я пыталась указать на очевидное, надеясь, что Амелия поймет, что путь к Лючии закрыт.

— Ты думаешь, я не понимаю, что у меня ничего не вышло? У меня нет ни силы… ничего. Я понимаю это, Дельта, понимаю.

С моей точки зрения, у Амелии была безграничная власть. Я думала о возможных вариантах ответа, которые бы ее не разозлили.

— Думаю, ты могла бы исправить ситуацию, если бы захотела.

— Слишком поздно. — Она опустила взгляд и провела большим пальцем по линиям на мраморе столешницы.

— Что ты ему сказала? — Я старалась, чтобы мой тон не был слишком резким.

— Что была бы рада ссудить ему пятьдесят тысяч долларов. — Ее взгляд не отрывался от стола.

— Ссудить? — Я с облегчением услышала слово «ссуда». Как можно пойти в тюрьму за то, что одолжил кому-то денег?

— Да, но, я думаю, он знал. Понял, что это условный термин, эвфемизм. Он, конечно, не самый умный, но должен был догадаться.

— Фритц знает?

Амелия водила пальцем по мокрому отпечатку стакана на столе.

— Ну, я же говорила о ее обучении и других расходах.

— Ты могла бы сказать…

Амелия заплакала.

— Что бы я ни сказала… Это не имеет значе-

ния. Она хочет оставить ребенка. Она ненавидит меня.

Я подошла к Амелии и обняла ее за плечи.

— Все в порядке. Все будет хорошо. Она не ненавидит тебя. Давай просто подождем и посмотрим, что произойдет.

Амелия продолжала плакать.

— Все еще может быть хорошо, — повторила я.

Глава 12

Итак, очевидно, Лючия хотела оставить ребенка. Но насколько жадным был Рон, судить было сложно. На всякий случай Лючии стоило знать, что Амелия пыталась подкупить Рона. Я чувствовала легкую вину за свой план, но у ребенка Рона наверняка будут долгосрочные проблемы из-за отцовской зависимости, которые в конечном счете сделают Страубов несчастными.

Я проснулась в четверг утром, выпила две чашки кофе и позвонила Лючии. Она удивилась, услышав мой голос.

— Амелия переживает, — начала я. — Она сказала лишнего и на самом деле так не думает.

— Ничего страшного. — Казалось, Лючии хочется побыстрее закончить разговор.

— Оба этих разговора выбили ее из колеи.

Я сделала такой акцент на слове «разговоры», чтобы было понятно, что за ним скрывается что-то неприятное.

— Оба?

— Ну, еще тот, что произошел у тебя дома.

— Дома? — Девушка казалась сбитой с толку.

— Ты же знаешь, что… — Я сделала паузу на четыре секунды. — Что она говорила один на один с Роном, когда тебя не было в комнате. Думаю, она была уверена, что он тебе все потом перескажет. Не то чтобы она что-то скрывала. Просто… Она не хотела, чтобы ты решила, что она предлагает заплатить Рону за ребенка.

Несколько секунд стояла тишина.

— О чем вообще речь? — Голос Лючии в телефонной трубке был резким и высоким.

— Ну… Те пятьдесят тысяч… — Я снова сделала паузу. — Это была именно ссуда.

— О чем ты говоришь?

— Она не собиралась платить Рону за ребенка, — настаивала я.

Я слышала ее дыхание.

— Больше не звони мне, — сказала Лючия тихим ровным голосом и сбросила вызов.

Лючия ушла из нашей жизни навсегда. И для меня открывались новые возможности.

В пятницу я отправила Амелии сообщение и спросила, посидеть ли мне с Натали. Через десять минут она ответила. Она согласилась. Согласилась!

Я едва пережила напряжение предыдущих трех недель. Мне казалось, что я тону, а сообщение

Амелии оказалось спасательным кругом, брошенным в мою сторону.

Когда я приехала в дом Страубов, дверь открыла Натали. Я ужасно по ней скучала. Девочка просияла, когда увидела меня. Может, она тоже по мне скучала. Я поцеловала ее в лоб.

— Как ты, дорогая?

— Мама и папа… Просто сошли с ума, — говорила Натали, пока мы шли в кухню. — В основном мама. Все из-за этой фигни с ребенком. Я не понимаю, что с ними не так.

На Натали были узкие джинсы и блестящая футболка с фиолетовым единорогом. Острые лопатки и абсолютно плоский живот заставили меня задуматься, нормально ли она ест. Не заразила ли ее тревога родителей. Глаза Натали казались огромными, а кожа еще более прозрачной, чем обычно. Она грызла ногти и кожу вокруг них. Ицхак лежал поблизости, тихо поскуливая.

— Мама говорила, что у тебя есть сын в Калифорнии. Почему ты никогда не рассказываешь о нем?

Комментарий Натали меня не обеспокоил. Я знала, что в конце концов дойдет до этих расспросов. Но я уже лучше понимала характер Джаспера, и мне действительно нравилось гово-

рить о нем.

— Просто не хотела беспокоить тебя или твою маму своими проблемами.

— Я знаю, что ты в разводе. Родители Пайпер тоже развелись. Иногда я думаю, что и моим родителям стоит. Они ведут себя так, будто ненавидят друг друга. — На руке Натали был браслет из цветных бусинок, на котором было написано ее имя. — Пайпер сказала, что отношения ее родителей стали более дружескими после развода.

— В каждом браке бывают проблемы, но обычно они разрешаются.

— Почему у тебя не получилось?

Вечернее солнце проникало через двери позади Натали и слепило меня. Кухню пересекали длинные тени.

— Бывают исключения. Тут важно сделать правильный выбор.

— Как зовут твоего сына? — спросила Натали.

— Джаспер.

Я представила его: золотистая кожа, темные пряди волос, большие карие глаза, маленькое крепкое тело. Я представляла его в Калифорнии с его отцом, на пляже среди волн с белыми шапками, пальцы ног утопали в мокром песке.

Ицхак подошел ближе, и Натали погладила его

босой ногой.

— Когда он приедет?

— Надеюсь, скоро.

Солнце ушло за большую ветвь вишневого дерева во дворе Страубов, временно избавив меня от необходимости щуриться, глядя на девочку.

Натали взяла карандаш, лежавший на кухонном столе, и теребила его в пальцах.

— Я бы хотела с ним познакомиться.

— Когда-нибудь обязательно.

Джаспер был моим творением, точно таким же, как был бы ребенок из моего чрева, если бы это случилось. И поскольку я знала его так хорошо — каждую ресничку, каждый ноготь на ноге, — я могла говорить о нем с полной откровенностью. Без извинений.

Натали положила карандаш обратно на стол и закрутила его. В тишине мы услышали, как тяжело дышит Ицхак. Натали наклонилась к собаке.

— Я боюсь, что Ицхак умрет.

— Ох, милая.

— Он почти все время спит. Когда я прихожу из школы, он больше не прибегает здороваться. Думаю, это все его проблемы с сердцем.

В это время суток подвесной стеклянный шкаф светился, как и все бокалы внутри него.

— У него плохое зрение и слух, — продолжила девочка. — Но он все еще чувствует меня. У Ицхака невероятное обоняние. Ты знаешь, что нос ищейки от десяти до ста миллионов раз чувствительнее человеческого?

Она понюхала воздух, словно проверяя чувствительность собственного носа.

— Это потрясающе!

Теперь свет падал на одну половину лица Натали. В серых глазах заискрились маленькие желтые крапинки. Я сделала несколько долгих медленных вдохов — боль в груди утихала.

— Некоторые ищейки могут обнаружить человека, который прикасался к самодельной бомбе, даже после того, как она уже взорвалась. — Натали слезла со стула и села на пол рядом с Ицхаком. — Они могут обнаружить один миллиграмм человеческого пота среди ста миллионов кубических метров воздуха. Эти собаки-ищейки такие классные. Я бы хотела встретить хоть одну из них.

Ицхак подставил голову, и девочка почесала его между ушей.

— Ты мой лучший друг. Верно, приятель?

— Ицхак так сильно любит тебя.

— Я читала, что некоторые собаки уходят уми-

рать. — Натали гладила пса по животу. — Это правда?

Солнце быстро садилось за живую изгородь в глубине двора.

— Ицхак, пожалуйста, не делай этого, — девочка продолжала говорить с собакой. — Я боюсь, что однажды приду домой, а его уже здесь не будет. Никто не узнает, куда он ушел.

Дом словно потускнел. Ицхак встал и, хромая, пошел прочь от Натали к высоким стеклянным дверям.

— Может быть, собаки, которые уходят умирать, надеются избавить своих хозяев от боли быть свидетелями их смерти. Я была одна со своим дядей, когда у него случился сердечный приступ. Мне тогда было двенадцать. Я вызвала скорую, но, к сожалению, он умер до их приезда.

Натали подтянула худые коленки к груди.

— Думаю, незнание хуже.

Амелия и Фритц должны были скоро вернуться, но пока я искренне наслаждалась временем с Натали.

— Помнишь Лючию? — Девочка снова села на стул.

— М?

— Она оставляет ребенка.

В горле запершило, и я закашлялась.

— Думаю, ты об этом уже знала. — Натали посмотрела мне в глаза.

— Точно не знала. — Мне пришлось следить за лицом, чтобы не выдать себя.

— Ее парень вернулся. Он решил быть отцом. — Натали изучала меня, как будто ожидая реакции, а я старалась сохранять полунейтральное выражение отстраненности. — Мама с ума сходит из-за ребенка. Это выглядит так жалко.

Вернулся Ицхак и снова улегся у ног Натали.

— Им не нужен ребенок, — сказала она. — У них есть я.

— Ты не ребенок.

Я представляла себе, какой хаос окружает любого малыша и как это отразится на стремлении Амелии к порядку и повлияет на четко очерченные границы ее жизни.

— У них есть настоящая дочь, — настаивала Натали. — Зачем приносить в семью какой-то другой генофонд?

Я пыталась понять, шутит ли она. Но, похоже, говорила серьезно.

— Так и хочется сказать им: вы слишком стары для второго ребенка!

Я взяла ее за руку и сказала:

— Твои родители обожают тебя.

— Они не любят проводить со мной время.

С подъездной дорожки донесся шум машины. Уши Ицхака встрепенулись. Он встал, как будто собирался бежать к входной двери по зову долга, но затем выражение поражения промелькнуло на его морде, и он снова лег.

Я услышала, как открылась и захлопнулась входная дверь, потом шаги. По их звуку я догадалась, что это Фритц.

Он казался задумчивым и очень красивым. Потерев руки, он щелкнул выключателем, и все огни в задней части дома загорелись. Холодный воздух, проникший в дом через открытую дверь, добрался и до кухни. Был последний день марта, но температура все еще держалась ниже нуля.

— Привет, Дельта, — сказал он. — Привет, дочь.

Фритц поцеловал Натали в лоб. Я заметила, что он отрастил бородку.

— Тяжелый день? — спросила я.

— Три штуки баксов за замену долбанной трансмиссии в тачке. — Фритц открыл холодильник, но потом отвернулся от открытой двери, рассеянно оглянувшись, будто забыл, что искал. Сняв бейсболку, он швырнул ее на стойку.

— Ой, сочувствую.

Холодильник пищал, напоминая, что дверца еще открыта.

Фритц снова повернулся к холодильнику и вытащил бутылку эля.

— Лючия решила оставить ребенка. Ты знала?

Я пыталась понять, вспоминает ли он о нашем разговоре?

— Может быть, это временная перемена настроения? — отозвалась я, сидя неподвижно.

Фритц сделал большие глаза.

— Амелия — это катастрофа.

— Согласна, папа, — подала голос Натали, — маме нужно взять себя в руки.

— Именно. — Он изучал бутылку пива, словно решая, как лучше ее открыть.

— Может, ей поговорить с нашим раввином, — предложила девочка.

Фритц открыл ящик стола и достал девяностодевятицентовую открывалку для бутылок — одна из немногих обыденных вещей, которые я заметила в доме Страубов. Ее было не сравнить с моей — из латуни и мрамора. Крышка от бутылки упала на пол, и Фритц не стал ее поднимать.

— Пайпер говорит, что маме нужно духовное руководство.

— Твоя мама не хочет духовного руководства.

Фритц смотрел на задний двор. Казалось, что его внимание привлек какой-то звук. Я заметила, как он сутулится. Бесконечные разговоры с Амелией сказались на его теле. Хотя он был чрезвычайно привлекательным мужчиной, его волосы начали редеть.

— Она сама не знает, чего хочет. — Натали казалась раздраженной тем, что отец отвлекся.

Фритц продолжал рассеянно смотреть на вишневое дерево, мертвую коричневую траву и лиловое небо.

— Мама сломлена, — сказала Натали, повышая голос, чтобы привлечь его внимание. Слова прозвучали так громко, что Фритц крепко зажмурился.

— Духовное руководство может оказаться полезным, — поддержала я девочку и нежно положила свою руку поверх руки Натали, отметив, что они практически одного размера. Кожа на костяшках ее пальцев казалась грубой от сурового холодного воздуха. — Амелия пережила потерю, потому что рассчитывала на ребенка Лючии. Есть люди, которые могут помочь ей справиться.

Фритц тихо рассмеялся, взглянув в мою сторону.

— Я выросла в католической семье, — продолжила я. — И когда у меня были проблемы, то разговаривала со священником в нашей церкви.

Вообще-то, я его почти не знала, и лишь однажды он отвел меня в сторону, чтобы спросить о разводе родителей. В тот день на мне была белая блузка с расклешенными рукавами. Я помню, как мне хотелось, чтобы у меня были ножницы и я могла отрезать рукава и прикрыть ими его рот, чтобы не чувствовать тошнотворный запах его дыхания.

— И не так давно я снова звонила ему, в поисках совета с опекой.

Фритц откашлялся, как будто ожидал продолжения истории, но я замолчала.

Быть верующей было не в моих интересах. Может, однажды, когда у меня будет то, что у Амелии уже было — деньги, семья, любовь, успех, — тогда я смогу позволить себе искать Бога. Но сейчас это был не лучший способ потратить время.

А вот с Амелией была другая история. Натали была права, что ей нужно было какое-то руководство. Открыв свое сердце Богу, она могла бы заставить свою боль полностью исчезнуть. У некоторых это сработало. Она может оглянуться и сказать: «О, как мне повезло. Спасибо тебе,

Господи».

Но сначала она должна была увидеть те блага, которыми обладает. Она должна была заметить, например, меня и мое желание помочь.

— Фритц, извини, если это не мое дело, но вам с Амелией следует рассказывать Натали, что происходит. Тогда она сможет вас понять.

У него дернулась щека.

— Спасибо, Дельта. Думаю, тут мы разберемся.

Натали закатила глаза.

— Правда? — Девочка убрала волосы за уши, тем же жестом, как это делала Амелия. — И как?

В животе возник комок. Я не хотела, чтобы Фритц ассоциировал меня с бунтом со стороны Натали.

— Почему бы тебе не поиграть на виолончели? — предложил он дочери и вышел на задний двор, оставив открытыми двери.

Ицхак встал на пороге, но выходить не стал. Холодный воздух наполнил дом. Натали вздрогнула. Фритц спустился по винтовой лестнице и прошел в дальний угол двора, рассматривая вишневое дерево. Он говорил мне, что оно великолепно в полном цвету, но мне нравилось и сейчас, когда угловатый силуэт, точно негатив, врезался в небо. Фритц обошел дерево, осматривая кору и корни,

как если бы он был садовником. Интересно, он вообще что-то понимает в уходе за деревьями?

Я подошла к плите, по пути подняв крышку от бутылки Фритца, и включила одну из конфорок, чтобы вскипятить воду.

— Фритц, — крикнула я через открытую дверь, — может, хочешь чаю?

— Он не пьет чай. Он пьет пиво. — Голос Натали был резким.

Я почувствовала себя наказанной.

— А ты будешь? — спросила я девочку.

Натали громко вздохнула и уставилась в потолок.

— Нет.

Я достала из шкафа две большие керамические кружки, вероятно, ручной работы, и вынула из коробки два чайных пакетика. Потом села рядом с Натали. Тяжело дышащий Ицхак подошел к девочке.

— Думаю, тебе стоит поговорить с мамой. Я хочу помочь вам всем.

Вернулся Фритц и закрыл за собой дверь.

Чайник громко засвистел, звук напоминал сирену скорой помощи. Я налила воду в кружки и дала чаю настояться.

Фритц присел рядом с нами.

— Хм, а выглядит неплохо. — В одной руке он держал пивную бутылку, а другую положил на ручку кружки.

— Ты ненавидишь чай, — напомнила Натали.

— Разве? — Он поправил очки на носу.

Зазвонил телефон, и Фритц снял трубку.

— Нат, это Пайпер.

Натали забрала трубку и вышла в коридор.

Мы с Фритцем остались на кухне вдвоем. Предыдущие разговоры повисли между нами, как и наш предыдущий физический контакт.

— Моя спина… Просто убивает меня.

Фритц потер плечо. Его руки были по-настоящему мужскими, будто принадлежали работнику завода. Так выглядели руки моего отца и моего дяди.

— Я когда-то работала массажисткой.

Он взглянул на меня. Возможно, интерпретировал мое заявление как проявление инициативы. Возможно, так оно и было.

— Наверное, спазм. — Я встала позади него и положила руку на плечо. Его рубашка все еще была холодной после улицы. — Здесь больно?

Австралийский массажист, с которым я встречалась несколько лет назад, показал мне несколько приемов. Наши отношения продлились

дольше, чем все остальные у меня, пока его сосед по квартире не выдвинул какие-то абсурдные обвинения и не сменил замки.

Мои пальцы задержались на сонной артерии на шее Фритца, и я почувствовала, как учащается его пульс.

— И голова постоянно болит. — Фритц приложил руку к виску.

— Обычно напряжение в плечах приводит к головной боли. Это все из-за сужения кровотока.

Я водила руками по его лбу и вискам. Потом дотронулась до челюсти. Провела от плеч до самых кистей. Он отпустил бутылку, которую до того так и сжимал в руке.

— Дельта, у тебя действительно хорошо получается. — Он поерзал на стуле. — Спасибо.

Я помассировала ему одну руку, потом другую, чувствуя мозоли на ладонях.

— На руках есть особые точки, связанные с каждой частью тела. Если какая-то из них болезненна, то это указывает на более серьезную проблему.

После рук я начала массировать ему поясницу. Затем встала перед ним. Его лицо раскраснелось. Я хотела его. Моя тяга к Фритцу не совсем вписывалась в общий план, но я не могла удержаться.

Я хотела быть в центре — и никаких секретов между Амелией и Фритцем, к которым у меня бы не было доступа. Мне хотелось, чтобы Фритц положил руку мне между ног. Ему нужно было отвлечься от неудавшегося удочерения и Амелии. Я закрыла глаза и представила его руку на своем бедре, а затем на промежности.

Как долго Натали будет разговаривать с Пайпер по телефону?

Я представила эту сцену как бы со стороны. Вот я иду в сторону кабинета и оглядываясь, намекаю Фритцу, что он должен идти за мной. И он идет. Закрывает за собой дверь и запирает замок. На заднем плане все еще слышно, как Натали разговаривает по телефону. У нас совсем мало времени. Я ложусь животом на стол Фритца и задираю платье. Я понимала его чувства. Он зол на всех. Может, даже сердился на меня за то, что я предложила ему заняться сексом. И злился на себя за то, что принял предложение. Им руководила ярость. Я знаю, что это такое.

Когда я открыла глаза, то осознала, что стою перед Фритцем на кухне. Его глаза все еще закрыты, а голова слегка наклонилась вперед. Мои руки все еще на его плечах.

Я слышала, как Натали прощалась с Пайпер,

а затем — ее приближающиеся шаги. Фритц открыл глаза, и наши взгляды встретились. Я почувствовала, как стучит мое сердце. Затем он отвернулся. Вернувшаяся Натали села на пол и начала гладить Ицхака. Фритц пил пиво. К чаю он не прикоснулся.

Глава 13

Открылась входная дверь, и стало слышно, как снаружи шумит ветер. Дверь захлопнулась, и снова тишина. Амелия вошла в кухню. Темные круги под красными припухшими глазами, и она казалась тоньше, чем в последний раз, когда я ее видела.

Не говоря ни слова, она подошла к раковине, открыла кран и энергично плеснула в лицо водой, забрызгав платье и пол. Руки она вытерла бумажным полотенцем, но лужу на полу вытирать не стала. Затем осторожно промокнула губы, лоб и щеки.

— У меня есть право попрощаться с ребенком.

— Ты о чем? — Фритц сделал большой глоток пива.

— Я верила, что я ее мать. Я сблизилась с этим ребенком. Мое сердце вырвано из груди.

Фритц подошел к жене и положил руки ей на плечи.

— У тебя есть мы, детка.

Она оттолкнула его, будто его руки обжигали ее через платье.

— Я умираю.

Сидя на полу рядом с Ицхаком, Натали стянула волосы резинкой в хвост.

— Амелия, — сказал Фритц. — Тебе нужен терапевт или духовный наставник.

— Это глубинное горе. — Амелия потянула себя за ухо, как делают младенцы, если оно у них болит.

— Тебе нужен духовный наставник. — Натали встала с пола и села на стул.

Амелия повернулась и посмотрела на Натали, как будто только заметила ее присутствие.

— Что?

— Может быть, наш раввин, — предложила Натали.

— У нас нет раввина.

— В синагоге.

— У нас нет синагоги.

— Подойдет любая синагога.

Амелия смотрела на дочь так, будто та говорит на другом языке. Мятый подол юбки Амелии и полосы на обуви не соответствовали образу харизматичной гламурной женщины, которую я встретила несколькими месяцами ранее. Волосы были седыми и жирными у корней, а блеск полностью исчез. Не то чтобы она устала

от бесконечных попыток. Она вообще перестала пытаться.

Амелия еще не заметила моего присутствия. Я привыкла быть невидимой, но в этом случае у меня усилилось ощущение внутренней пустоты.

Для приличия я хотела извиниться и уйти, но все же была обязана воспользоваться возможностями, которые сама и создала.

— Я не хочу ребенка, когда с тобой происходит вот такое, — Фритц заговорил безжизненным голосом. — Я тебя не узнаю.

— Тогда, полагаю, мы пойдем разными путями.

Амелия открыла один из кухонных шкафов, посмотрела срок годности на коробке с крекерами и выбросила ее в мусорное ведро. Интересно, они и правда были просрочены?

— Боже правый. — Фритц допил остатки пива и с громким грохотом поставил бутылку под раковину. — А тебя не беспокоят чувства дочери?

Мне показалось, что Фритц произносит слова «чувства дочери» машинально, потому что тогда он кажется ответственным и заботливым.

Он подошел к холодильнику и достал еще одну бутылку пива.

Амелия взяла бутылку оливкового масла и изучила этикетку, снова вчитываясь в срок годности,

после чего содержимое дорогой бутылки отправилось в раковину. Несколько капель попали на блузку, но она, казалось, не заметила этого. Она понюхала пустую бутылку и наморщила нос, убеждаясь, что поступила верно.

— В тебе нет сострадания, — сказала она Фрицу. — В тебе нет сочувствия.

Я встала и сложил руки перед грудью.

— Могу я помочь вам обоим? Я хочу помочь вам завести ребенка.

Амелия вздрогнула при звуках моего голоса. Она повернулась ко мне с недоумением. У нее были стеклянные глаза и покрытые пятнами щеки, как у человека с высокой температурой.

— Что ты хочешь сделать?

— Все, чего захочешь ты.

Чтобы осуществить свою мечту, мне нужно было поверить в то, что мои слова — правда, в то, что действительно готова на все, чтобы помочь их семье.

— О чем ты говоришь? — Она обхватила голову руками и закатила глаза.

— Ты готова выносить ребенка? — Взгляд Фрица встретился с моим, а затем он повернулся к Амелии. — Я думаю, она имеет в виду, что хочет выносить ребенка.

Я услышала вдали тихий звук колоколов.

— Я имею в виду все что угодно.

— Выносить ребенка… Суррогатное материнство… — Амелия уперлась рукой в стол, ее пальцы побелели.

— Да, суррогатное материнство. — У меня пересохло во рту. — Или что-нибудь еще.

Я искала ответы в лице Амелии, но увидела лишь смятение и жесткость.

— А что такое суррогатное материнство? — спросила Натали, ерзая на стуле.

Амелия нахмурила лоб. Она явно не была в настроении для объяснений.

— Что ж, — осторожно начал Фритц, — суррогатная мать — это женщина, которая помогает людям получить ребенка.

— Как? — Натали было действительно интересно.

— Она вынашивает ребенка, если другая женщина не может этого сделать, — объяснил Фритц.

— В животе?

— Да.

— Это странно, — заметила Натали. — Как будто она мама, но при этом она не мама.

— Заткнись, Натали! — крикнула Амелия.

Мне было невыносимо слышать, как резко она разговаривает с дочерью. Я подошла к Натали и встала позади нее, стремясь поддержать. Она была такой уязвимой. Я практически могла видеть, как ранят ее слова матери.

— Дельта, я все пытаюсь понять. — Рука Амелии блуждала по волосам, как бабочка, без какого-либо реального направления. — Ты предлагаешь себя в качестве суррогатной матери для нашей семьи?

— Я очень люблю вашу семью.

Все, чего я желала, было прямо передо мной, но я чувствовала, что одна ошибка может свести на нет любые возможности.

Амелия взяла меня за руку, ее пальцы были в оливковом масле.

— Если ты предлагаешь стать суррогатной матерью для нашей семьи, — она посмотрела мне в глаза, — мой ответ — да, и моя благодарность не знает границ.

Поток воздуха поднял меня над землей. Я не ответила. Я боялась, что мой голос выдаст волнение. Сила тяжести больше не действовала на мое тело. Я была невесомой.

Слезы текли из глаз Амелии. Она говорила сквозь рыдания:

— Но ты не можешь предать нас, предать наше доверие. Я не смогу снова пережить такую боль.

— Даже не знаю. — Фритц нахмурился и посмотрел на пол. — Это… Мне кажется, просить подобное — это слишком.

Его голос дрожал. Казалось, его не вполне устраивала эта идея, но и не было сил, чтобы напрямую бросить вызов Амелии.

— Мы хотим, чтобы ты была нашей суррогатной матерью, — всхлипнула Амелия, затем закусила губу и сглотнула. — Конечно, мы найдем способ все тебе компенсировать.

— Я не возьму у вас денег.

— Хоть какая-то компенсация, — настаивала Амелия. — Иначе будет неправильно.

В ее голосе я слышала скрытую панику. Это был страх, что я могу сказать «нет». Или что я могу сказать «да» и потом передумать. Амелия была в отчаянии, и отчаяние сделало ее уязвимой.

— Деньги не…

— Мы будем бесконечно благодарны, — еще раз сказала Амелия.

— Конечно, — подтвердил Фритц, — мы будем благодарны.

— Зачем это Дельте? — Натали грызла ногти.

Я положила руку ей на плечо.

— Радость приносить жизнь в этот мир.

Девочка дрожала.

— Я в это не верю.

— Натали! — рявкнула Амелия.

— Не надо делать вид, что это важно и для меня. — Натали встала и отошла от меня и Амелии.

— Прекрати! — потребовала Амелия. — Прошу прощения за поведение Натали. — Амелия смотрела на меня. — Ты даже не представляешь, какой огромный подарок даришь нам.

— Я хочу быть в другой семье, — сказала Натали.

Фритц поднял обе руки.

— Достаточно.

— На прошлой неделе мама дала мне пощечину, — громко сообщила Натали.

— Иди в свою комнату! — Амелия уже кричала.

Натали побежала к лестнице. Мы слышали, как ее шаги взбегают вверх.

— Ты ее ударила? — тихо спросил Фритц.

— Да как ты мог в такое поверить?! — Ярость Амелии разлилась по комнате.

— Я просто не понимаю…

— Да пошел ты…

— Нервы у всех на пределе, — вмешалась я в

ссору. — Это так тяжело для всех вас. Вы не против, если я поговорю с Натали?

Ответное молчание я восприняла как согласие.

Дверь в комнату Натали была приоткрыта. Я тихонько постучала.

— Заходи.

Она лежала на кровати поверх пурпурного стеганого одеяла с единорогом.

Я закрыла за собой дверь.

— Я ненавижу этот дом, — сразу заявила Натали. — Хочу жить где-нибудь еще. Она подняла ноги в воздух, а затем стала поочередно выпрямлять их. — На самом деле мама не била меня.

— Конечно же, нет.

Я почувствовала облегчение, но в то же время испытала легкое разочарование. Я хотела, чтобы Натали нуждалась во мне. Я хотела быть незаменимой.

— Просто мама так сильно хочет ребенка. — Девочка перевернулась на бок, чтобы видеть меня.

— Я знаю.

— Она хочет ребенка гораздо больше, чем меня. Это нелепо. Я не так уж интересна.

— Натали…

Она села и прижала колени к груди.

— Она говорит, что никто в семье ее не под-

держивает.

— Ты еще ребенок.

— Она вынуждена заботиться обо всем. — Натали сняла с руки браслет. — Папа не так много работает, как она. Мама говорит, что она тонет. — Она вернула браслет на место. — И еще что хочет, чтобы от меня было больше пользы.

— Твоя мама в последнее время плохо себя чувствует, но это не имеет к тебе никакого отношения.

Я рассматривала фотографию Натали и ее отца, стоящую в рамке на столе. На ней он качал дочь на качелях на игровой площадке.

— Я не делаю ее счастливой. — Натали оттянула браслет, и мне показалось, что он вот-вот лопнет. — Она, наверное, думает, что это моя главная задача.

— Дорогая, ты не должна пытаться, решить все проблемы мамы.

Натали с таким не справится, а вот я — могла. Поразительно. Я была в состоянии сделать Амелию счастливой. Ко мне снова вернулось ощущение невесомости.

Натали пристально посмотрела на меня.

— Иногда мне кажется, что умер кто-то из родственников, и маме с папой пришлось взять меня

к себе. Мама ведет себя так, будто за меня должен отвечать кто-то другой.

Девочка встала и подошла к окну. Окна ее спальни выходили на тихую улицу, что создавало ощущение, будто находишься в доме на дереве. Она оперлась руками о раму и прижалась лицом к стеклу.

— Я хочу жить с тобой, — сказала она.

— Натали…

Мой пульс участился, а рубашка стала влажной от пота. Мне хотелось, чтобы отношения с Натали развивались параллельно с суррогатным материнством, а не соревновались с ним. Я размышляла, как лучше ей ответить. Потом она может повторить родителям мои слова.

— Я сделаю для тебя все.

— Позволь мне поехать с тобой, — попросила она.

— Я бы хотела, чтобы ты побыла у меня. Ночь, выходные или даже дольше.

— Я имею в виду, жить с тобой.

— На самом деле ты не хочешь этого. Ты… Тебе просто нужно время, чтобы все осмыслить.

— Я прожила с ними всю жизнь, — сказала Натали. — Мне не нужно время.

— Дорогая, это тяжелый период. Все наладится.

— Пожалуйста, не будь суррогатной матерью, — попросила девочка. — Ты была моим другом, а теперь они забрали тебя себе.

Внутри меня нарастало беспокойство, я поняла, что Натали не готова принять идею суррогатного материнства. Мне нужно было найти способ успокоить ее ради своего же душевного благополучия. Я не понимала, насколько тяжелым для меня будет ее горе.

— Независимо от того, буду ли я суррогатной матерью или нет, наша дружба не исчезнет.

Несколько минут девочка молча смотрела в окно.

Мой взгляд упал на зеленую папку с ее научными статьями.

— Как продвигается твой научный проект?

Натали подошла к столу и начала просматривать хранящиеся в папке записи.

В первый день знакомства она рассказала мне о каждом единороге в своей комнате, но никогда не упоминала о большой черной лампе с единорогом, которая стояла на столе. Раньше я ее даже не замечала, возможно потому, что это была, скорее, абстрактная скульптура. С первого взгляда и нельзя было понять, что это тоже единорог.

— Вот тут неправильно. — Натали достала из

ящика стола карандаш, ластик и точилку и стерла несколько формул.

— Для тебя все это тяжело…

— Я хочу, чтобы они отказались от этой затеи. — Натали писала какие-то формулы.

— Я понимаю, что ты чувствуешь.

— Почему ты не навещаешь своего сына? — Натали продолжала что-то исправлять в работе и на этот раз терла так сильно, что проделала в бумаге маленькую дырочку. — Черт! — Она швырнула ластик в окно. — Все говорят о ребенке, которого даже не существует.

— Я скучаю по своему сыну.

Это была правда. Я скучала по Джасперу от всей души. Мне очень хотелось обнять его. А поскольку я много работала, чтобы создать воспоминания о нем, со временем мой ребенок стал для меня самым настоящим. Мысль, что мы скоро встретимся, поддерживала меня. Боль, которую я испытывала, была болью матери, художника, творца. Джаспер был моим творением, но в конце концов мне пришлось бы его освободить. С любовью приходит потеря.

— Я тоскую по Джасперу, — повторила я. — Но мы созваниваемся по видеосвязи каждый день.

— А я могу с ним поговорить?

— Он застенчивый.

— Что ему нравится?

— Серфинг. Он живет недалеко от пляжа.

Натали нарисовала спирали сбоку страницы.

— У него есть воображаемый друг по имени Спиро, — сказала я.

Девочка улыбнулась впервые с тех пор, как сегодня я вошла в дом.

— Джаспер мог бы навестить тебя. А ты можешь навестить его, — предложила она.

— Я еду к нему на следующей неделе.

— О! — Спирали разрастались на странице.

— Понимаю, тебе, наверное, трудно принять мысль о суррогатном материнстве. Но я хочу позаботиться о тебе, твоей маме и твоем папе. Я люблю всех вас.

— Ты не так давно нас знаешь.

— Мне кажется, я знала вас всегда.

Это было правдой. С того момента, как встретила Амелию, я чувствовала, что она знает меня, а я знаю ее. Натали перешла от спирали к вихрю. Я сделала паузу, пытаясь подобрать правильные слова.

— Я не думаю, что твоя мама откажется от идеи о ребенке.

Девочка продолжала рисовать вихрь, который,

казалось, закручивается вокруг черной дыры.

— Я просто хочу выбраться отсюда, — пробормотала она.

Мой пульс снова участился. Я взяла ее за руку.

— Думаю, как только твоя мама получит ребенка, она будет вести себя так, как ты хочешь.

— Ты не права.

— Что бы помогло тебе почувствовать себя лучше? — спросила я.

— Я хочу, чтобы родители умерли.

В комнате стало жарко и тесно. Мне захотелось открыть окно.

— Я хочу, чтобы моя мама была моей мамой, — продолжала Натали. — Ее слезы не значат, что она хороший человек. Моя мама хочет, чтобы на нее обратили внимание. Вот почему она плачет. А я больше не плачу.

Я поняла почему. Амелия забрала себе эту роль.

Натали встала и подошла к окну.

— Моя мама не была такой, пока не стала одержима ребенком. Она не плакала все время. Она просто работала.

Девочка рухнула в большое кресло-мешок посреди комнаты.

— Иногда люди приходили осмотреть наш дом.

И мама была счастлива, потому что они говорили, какой он красивый. Иногда мы с ней ходили в книжный магазин и покупали по пути мороженое с фруктами.

— И вы снова будете все это делать.

Я услышала громкий стук и обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как в окно врезается птица. Натали закричала. Птица упала на землю. Девочка отпрыгнула в дальний конец комнаты, подальше от окна.

— Помогите!

— Ничего страшного. — Я подошла к окну и посмотрела вниз.

Через минуту в дверях спальни появился Фритц.

— Что случилось?

— Какая-то птица пыталась ворваться в комнату! — воскликнула Натали.

— Иногда они атакуют свое отражение в стекле, — объяснил Фритц. — Они думают, что видит другую птицу.

Натали все еще тяжело дышала.

— Она умерла? — она спросила меня.

— Думаю, да.

Она взволнованно грызла ногти. Казалось, что она чувствовала себя соучастником смерти пти-

цы, потому что была ее свидетельницей.

— Какая глупая птица! Почему она не могла понять, что это отражение? — Она подошла к окну и указала на собственное, едва различимое изображение в стекле. — Оно не выглядит настоящим. Ни на что не похоже.

Я обняла ее за плечи.

— Пойдем вниз, — предложил Фритц, — чего-нибудь выпьем, чтобы немного расслабиться.

Глава 14

Внизу я застала Амелию, лихорадочно вытирающую кухонные поверхности, хотя они и были чистыми. Она по нескольку раз терла одно и то же место, убирая несуществующие пятна. Когда я вошла, она подняла глаза.

— Думаю, нам следует это отпраздновать. И думаю, мы должны составить договор, — она говорила быстро, взгляд метался по комнате.

Натали включила телевизор, Фритц устроился за обеденным столом с бурбоном с содовой и разбирал почту. Амелия и Фритц вели себя так, словно забыли о своих планах на вечер.

— Вы можете уезжать, если надо, — сказала я.

— Амелия, — Фритц позвал жену, — нам и правда надо собираться. — Он отодвинул письма и вышел из кухни.

— Последние два года, — сказала Амелия, глядя мне в глаза, — были для меня душераздирающими. Не могу и перечислить всех разочарований.

— Я понимаю.

— Дельта, мои надежды не могут быть разбиты еще раз. Я просто не переживу, если все повто-

рится. Мне нужно быть уверенной, что ты это понимаешь.

Колокола вернулись и стали немного громче, чем раньше.

— Для меня большая честь, что вы попросили меня стать суррогатной матерью.

Было нелегко оставаться в комнате с Амелией: мне хотелось взглянуть на эту сцену со стороны, хотелось наблюдать, как мои мечты сбываются.

Амелия серьезно посмотрела на меня.

— Ты бы хотела увидеться с моим доктором? Моим гинекологом? — с надеждой спросила она.

— У меня прекрасный доктор, — ответила я, — потрясающая женщина.

Я пыталась вызвать в воображении образ врача, которую недавно видела в отделении неотложной помощи.

— Превосходно. И знай, если ты захочешь участвовать в жизни ребенка, я буду на сто процентов согласна с этим.

Я почувствовала тепло в глубине души. Моя жизнь менялась.

Моя жизнь менялась.

Амелия застыла, ей в голову пришла какая-то мысль.

— А что скажет Ян?

Я не поверила, что Амелию действительно заботили чувства Яна, но, полагаю, она решила, что должна поднять этот вопрос. Она хотела, чтобы я видела в ней бескорыстного человека, который волнуется о других. Или, возможно, боялась, что он вмешается.

— Он знает, где мое сердце. Я надеюсь, что у нас с Яном будет ребенок. Когда-нибудь. Он все понимает. Я мечтаю, чтобы Джаспер вернулся в Бруклин и жил со мной, Яном и нашим ребенком. Каждую ночь я засыпаю с этой счастливой мыслью.

Конечно, я даже не думала о том, чтобы жить с Яном, и у меня не было желания заводить с ним ребенка. Но у меня было ощущение, что такой ответ может удовлетворить желание Амелии понять меня и мои приоритеты. В любом случае ей не стоит копаться в этом слишком глубоко. Она хотела верить в то, во что придумала для себя.

— А Джаспер? Как он будет себя чувствовать?

Горло сдавил спазм.

— Джаспер знает, что я люблю его.

Я представила, как Джаспер строит замок из песка на пляже, его влажные волосы прилипают к шее.

Амелия обняла меня и положила голову мне

на плечо.

— Как же я благодарна тебе, Дельта.

Я почувствовала слезы на своей коже. Амелия подняла голову. Без макияжа бесцветные губы исчезли с ее лица.

— Помоги мне все объяснить Натали. Она тебе доверяет, — шептала она мне на ухо. — Я знаю, что ей тяжело, но она должна признать, что у меня могут быть свои желания.

Амелия открыла холодильник, достала бутылку белого вина и налила себе большой бокал. Я любила вино не меньше, чем она, но знала, что мне выпить не предложат: теперь я не только няня Натали, но и суррогатная мать ее ребенка. Но после того как Натали ляжет спать, я планировала немного выпить — налью совсем немного, чтобы никто не заметил.

Амелия подняла бокал к свету, затем вылила залпом и поставила бокал в раковину. Через несколько минут они с Фритцем вышли из дома. Она не стала переодеваться и даже не расчесала спутанные волосы.

После их отъезда мы с Натали играли в «Эрудит» и смотрели «Голодные игры». Вопрос о суррогатном материнстве ее больше не беспокоил, по крайней мере, на эту ночь.

Я проснулась от прикосновения к плечу.

— Дельта, дорогая, — шептала Амелия.

Я подняла голову и увидела ее так близко, что могла рассмотреть отдельные волоски бровей. Безумно захотелось ее поцеловать. Смутившись, что заснула на диване в комнате с телевизором, я села. Спала я не так уж долго и неглубоко. В юности я научилась спать с одним открытым глазом, особенно во время визитов некоторых родственников.

Я чувствовала дыхание Амелии на своем лице, запах алкоголя.

— Оставайся ночевать в квартирке внизу. Уже так поздно.

Колокола звучали в моей голове. Я интуитивно догадывалась, что суррогатное материнство и квартира были связаны, только не знала, что сработает раньше, или же все произойдет одновременно.

— Гвен съехала на прошлой неделе, — объяснила Амелии.

Колокола сменил торжествующий рефрен оперы «Аида». Она признала, что квартира свободна. Конечно, я уже знала, что Гвен больше там не живет, и в какой-то степени сама организовала ее отъезд: лужи на полу, перестановки… Месяц

назад я нашла у нее на кухонном столе визитку риелтора, потом заметила, что она собирает вещи, а через неделю квартира была пуста.

— Не волнуйся, — сказала Амелия, — там совершенно новые простыни и полотенца. Вши тебе не грозят.

Настроение Амелии резко изменилось за последние три часа. Она стала другим человеком, чудом выйдя из стремительного погружения в пучину.

В дверях появился Фритц.

— Соглашайся, Дельта. — Он казался искренне обеспокоенным.

— Хорошо.

— Позавтракаешь утром с нами? — предложила Амелия.

Через несколько минут мы с Фритцем спустились по лестнице в сад. Он открыл дверь в квартиру и зажег свет в прихожей.

В каком-то смысле я впервые увидела квартиру, потому что теперь она стала частью свершившейся мечты. Хотя я знала, что мое переселение было лишь вопросом времени.

— Тут прекрасно!

— Желаю хорошо выспаться.

Взгляд Фритца скользил по моему телу. Я

чувствовала, что он хочет остаться со мной. Появилась возможность. Амелия была так пьяна, что наверняка сразу же заснула. Она бы не заметила, когда вернулся муж. В любую минуту он подойдет ко мне и расстегнет блузку. Я была на это согласна. Я тоже хотела его.

Ни разу тяга к Фритцу не затмила моей любви к Амелии. Эти два чувства сосуществовали вместе, подпитывая друг друга. Я надеялась быть центром их миров.

— Спокойной ночи, Дельта.

Как только он принял решение уйти, его лицо погрустнело, а спина ссутулилась. Меня разочаровало, что он ушел, но не стоило на этом зацикливаться, учитывая, чего я достигла за последние двенадцать часов.

Теперь, когда я собиралась провести в этой квартире ночь, у меня было неограниченное время, чтобы заново полюбоваться каждым ее уголком. Дизайн, материалы и качество изготовления были на том же уровне, что и в самом доме: пол из восстановленного вяза, дорогая бытовая техника, мраморная столешница, кафельный фартук, встроенное освещение, шкафчики.

Несколько лет назад я встречалась с высококвалифицированным краснодеревщиком, потому

знала, сколько времени и средств уходит на создание книжных полок, что висели на стенах. И сколько требуется внимания к деталям. Тот столяр жил с женой в квартире по соседству со мной. С его женой мы дружили, но в конце концов она узнала, что мы с ее мужем занимались сексом на моей кухне, а в обмен он изготовил для меня шкафы.

Амелия одолжила мне свою пижаму. Она пахла ее духами с нотками лимона и бергамота. Я понимала, что она больше никогда ее не наденет, а либо отдаст, либо выбросит. Она предположила, что мне понравится спать в ее пижаме, и была в этом права.

В ту ночь мне снилось, что я пытаюсь убежать от дракона. Я нашла временное убежище — небольшой картонный домик, словно игрушечный. Спрятавшись в него, я слышала, что дракон не ушел. Когда начался дождь, домик превратился в груду кашицы, и тогда дракон увидел меня, беззащитную и уязвимую. После этого он убил меня.

Приняв душ и переодевшись в ту же одежду, что была на мне накануне, я решила еще раз изучать квартиру — теперь при дневном свете. В гостиной были раздвижные стеклянные двери,

ведущие в небольшой внутренний дворик и на задний двор. Интересно, разрешали ли Гвен использовать весь двор, или она была ограничена примыкавшей частью?

В десять утра я поднялась в дом на завтрак.

— Привет, красавица! — Амелия была полна энергии.

Я нечасто видела дом Страубов в утреннем свете: ярком, нефильтрованном и наводившим на мысли о Калифорнии. Солнце проникало в кухню через световые люки. Я вновь восхитилась архитектурным талантом Страубов.

Стол уже был накрыт, для меня оставили место. Фритц принес мне капучино, Амелия передала тарелку с омлетом и беконом.

Амелия явно выглядела лучше: волосы вымыты, седые корни не так заметны — она завязала хвост, круги под глазами исчезли — вероятно, заслуга консилера за семьдесят долларов, которым она не пользовалась несколько недель.

— Что, если ты снимешь эту квартирку до конца года? — предложила она.

В моей голове эхом разнеслись колокола, а потом снова «Аида». Я боялась, что мой голос дрогнет, потому промолчала, надеясь, что это воспримут за задумчивость, а не гипервентиля-

цию или эйфорию. Я сделала глоток капучино и стерла пену с верхней губы.

— Ты была бы с нами рядом. — Амелия села рядом с Натали.

Наверное, она ожидает возражений или озабоченности.

— Но у меня же кошка…

— Натали была бы в восторге от нового питомца.

Амелия сжала плечо дочери, и та посмотрела на руку матери, как на жука.

— Ты можешь платить столько же, сколько платишь за аренду сейчас, — продолжала Амелия. — Зато не придется ездить, когда помогаешь с Натали.

— Твоей кошке у нас понравится, — вмешалась девочка.

На ней была пижама, украшенная вопросительными знаками разных цветов и размеров. Длинные ресницы были особенно заметны на фоне бледной кожи.

Я не ответила, но, конечно, знала, каков мой ответ.

— Просто подумай, — продолжала Амелия. — Особенно с учетом того, что мы обсуждали вчера. Переезд точно имеет смысл. — Она многозначи-

тельно подняла брови.

Я посмотрела на Натали, чтобы узнать, будет ли реакция, но, к счастью, она не стала опять ругаться с матерью.

— Квартира просто прекрасна, — сказала я.

Фритц сел рядом со мной и наложил яичницу. Я почувствовала раскол в их семье.

— Единственный недостаток в том, что придется исполнять роль няни чаще, чем тебе хочется. — Он самоиронично засмеялся.

Я больше не слушала. Я парила над телом, наблюдая, как зарождается моя новая жизнь.

Срок аренды моей квартиры истекал 15 мая, и хозяин не согласился расторгнуть договор раньше. Но у меня на счету было достаточно денег, так что я могла позволить себе месяц платить за две квартиры. Страубом я решила об этом не рассказывать. Арендная плата была не такой уж большой. И я не хотела ждать.

Когда я начала собирать вещи, Элиза попыталась бойкотировать процесс. Она встала перед кухонным шкафом, в котором хранились кастрюли и сковородки, так что я не могла до них дотянуться. Потом она повторила тот же трюк со шкафчиком с тарелками. В конце концов я сдалась и заперла ее в спальне.

Переезд предоставил мне возможность упорядочить жизнь и расстаться со старой одеждой, фотографиями и безделушками, которые давили на меня в прямом и переносном смысле. В процессе я заодно почистила память компьютера — у меня хранились файлы за десять лет. Я сохранила избранные снимки, на случай если они понадобятся кому-то из заказчиков, но многое удалила.

В двадцати двух папках хранились коллажи, связанные с двадцати двумя семьями. Конечно, это была лишь малая часть из моих клиентов, но именно эти семьи произвели на меня впечатление. Иногда это была серия изображений, в которых рассказывалась история моего участия в их жизни, иногда — буквально пара кадров, которые, так или иначе, меня радовали.

Я открыла папку со Страубами и остановилась на фотографии, где мы с Фритцем лежали в постели. Все-таки это была великолепная работа. Мы были такими настоящими. Мне даже удалось передать выражение экстаза на лице Фритца. Потом я с неменьшим наслаждением рассмотрела кадр, на котором Амелия угощает меня тортом. Было неловко хранить эти изображения, раз уж теперь я буду жить в доме Страубов. Так что, хотя это было болезненно, я удалила каждую фотогра-

фию по отдельности, а затем и всю папку.

Мы с Яном — по его настоянию — встретились в кофейне недалеко от моего дома. Людей в ней почти не было, только одна женщина сидела за ноутбуком, вставив в уши наушники.

Ян разозлился, когда узнал, что я стану суррогатной матерью для Страубов. Но я не собиралась обсуждать с ним свой выбор.

— Ты когда-нибудь слышал о великодушии? — спросила я.

— Великодушие тут ни при чем. Просто ты не можешь ужиться сама с собой.

Голову сдавило, словно при перегрузке в самолете. Ян пытался меня спровоцировать. Я не могла позволить ему увидеть, что ему это удалось. Он считал, что имеет право так говорить со мной, потому что мы занимались сексом. По его мнению, у нас были отношения. Меня возмутила его самонадеянность.

Я вытерла расплескавшийся на стол кофе.

— Если ты так сильно хочешь почувствовать себя беременной, роди ребенка от меня, — настаивал Ян. — Но откуда мысль стать суррогатной матерью?! Не могу понять, зачем тебе это.

Меня не интересовали представления Яна о нормах поведения. Он думал, что суррогатное

материнство — это способ утолить какое-то сиюминутное желание ценой долгосрочного счастья. Он не понимал, что мое определение долгосрочного счастья не имеет ничего общего с его.

— Сам факт происходящего — это и есть моя цель, — ответила я.

— Что думает об этом твой сын? — Я увидела вызов в его взгляде.

— Тебя это не должно заботить.

— У тебя вообще есть сын? — Он сверлил меня взглядом.

— Конечно.

— Я так не думаю, — произнес Ян тихо.

Я рассмеялась.

— Ты понятия не имеешь, кто я.

— А кто-нибудь имеет?

Я почувствовала, как что-то сжалось в груди.

Ян приложил большой и указательный пальцы к переносице и зажмурился, словно у него разболелась голова.

— Дело в Амелии и Фритце?

Я кивнула и ответила:

— Я хочу им помочь.

Глава 15

В середине апреля в мою дверь постучали двое поляков, чтобы забрать вещи. Мой отец был из Польши, так что я узнала акцент — так же говорили двое моих дядюшек. Грузчики обернули диван в полиэтиленовую пленку, потом в одеяла, как будто запеленали ребенка, и вынесли его за дверь. Я никогда не пользовалась услугами профессиональных фирм по переезду — у меня попросту не было настолько приличной мебели, чтобы о ней беспокоиться.

Элиза зашипела на мужчин, когда они вернулись, и ударила одного из них лапой. У меня складывалось впечатление, что она считала наш будущий дом ненадежным. Кошка знала, что мы переживаем кардинальные перемены, и чувствовала мою тревогу, так что пришлось снова запереть ее в спальне.

Я приложила к этой квартире немало творческих усилий за последние несколько лет: покраска стен, подбор штор. А еще последние несколько месяцев я повсюду развешивала фотографии Джаспера. Дом, в котором мы с сыном

жили, скоро освободится. Я отказывалась от всего, что у меня было, ради чего-то неопределенного.

После переезда в Нью-Йорк я жила в нескольких разных квартирах, большинство из которых были просто кошмарными. Сперва мы снимали квартиру на троих с Ланой и еще одной соседкой.

Лана помогала мне с первой работой в Нью-Йорке — тогда я стала помощником фотографа на мероприятиях Эмили Миллер, которую в то время считали гуру среди организаторов. К тому моменту у меня уже был кое-какой опыт — во Флориде я подрабатывала на аналогичной позиции.

Однажды у фотографа Эмили возникли семейные проблемы, и мне пришлось срочно лететь в Мексику, где тем же вечером я снимала свадьбу. Фотографии получились замечательные, особенно те, на которых были дети. Через год клиенты Эмили звонили мне, чтобы пригласить на детские праздники.

В конце концов с Эмили мы поссорились. Она ошибочно полагала, что я буду платить ей процент. Решив, что я в долгу перед ней и должна быть благодарна. Полагаю, Эмили всегда считала себя выше меня, но я предпочитала не замечать этого.

Я бросила вторую работу официантки и вплотную занялась фотографией. Через два года у меня появились постоянные клиенты, и я удвоила цену работы. Тогда я и смогла позволить себе переехать в нынешнюю квартиру, которая не была потрясающей, но была довольно приличной. И стала моим домом больше, чем любое другое место.

— Симпатичный парнишка, — сказал один из грузчиков, снимая со стены фотографию Джаспера.

— Спасибо.

— Где он сейчас?

— Со своим отцом. — Мужчина понимающе кивнул и обернул фотографию защитной пленкой. — У меня тоже сын. Ему два. Ну и проблем с ним! Сколько вашему?

— Пять.

— Взрослый!

— Он слабослышащий и ходит в спецшколу.

Почему я так сказала?

— Сочувствую.

— Сейчас он в школе.

Но ведь минутой ранее я сказала, что он с отцом. Я была зла на себя из-за такой нелепой ошибки, а еще из-за того, что меня с чего-то волнует, что

подумает обо мне этот мужчина.

Когда грузчики ушли, я открыла дверь спальни, и Элиза выбежала наружу. Я села на пол в кухне, прислонившись спиной к шкафам. Кошка кругами бегала по квартире. Проходя мимо меня, она зашипела. В ответ я махнула на нее рукой, и тогда она поцарапала мне грудь прямо над вырезом блузки. Тут же появились красные полосы и капельки крови. На мгновение мне захотелось выбросить кошку в окно. Должно быть, Элиза увидела ненависть в моих глазах и снова зашипела.

— Что за дела?! — закричала я.

Кошка стояла совершенно неподвижно.

— Что, черт возьми, с тобой не так?!

Похоже, кошка поразмыслила и решила, что в ее интересах оставаться послушной и подчиняться мне — дарить любовь, искреннюю или нет. Как понять, что Элиза не просто притворяется, что любит меня, потому что ей нужна еда и кров? Я внезапно возненавидела ее. Она была продажной тварью, готовой дарить свои эмоции тому, кто больше заплатит. Она была готова быть такой кошкой, как мне хотелось, если это означало, что она сохранит свое положение, ее жизни ничего не будет угрожать и у нее будет крыша над головой.

Я открыла дверцу переноски. Элиза вошла без промедления. Я могла просто оставить ее. Мне необязательно забирать ее с собой в мой новый дом, и она знала это. Она была полностью в моей власти.

Перед тем как уйти, я в последний раз прошлась по каждой комнате, на прощание поцеловав каждую стену. Я сделала все в этой квартире, чтобы быть в безопасности, и теперь пыталась удержать это чувство на случай, если больше никогда не испытаю его.

Грузчики распределили мебель, посуду, постельное белье, одежду, фототехнику и электронику по заранее отведенным местам моей новой квартиры. Моей изысканной квартиры. Страубы могли бы запросить за нее шесть тысяч долларов в месяц, но мне сдали всего за две.

Я забрала с собой журнальный столик из розового дерева, кожаные кресла и обеденный стол и стулья. Остальное я продала, поскольку не могла допустить, чтобы Страубы увидели, насколько у меня была посредственная мебель. Никогда раньше я и мечтать не могла о жизни в квартире с таким изысканным дизайном и в таком великолепном его исполнении. Это была жизнь как из глянцевого журнала.

Для меня открывался целый мир. Теперь я была физически связана с семьей Страубов множеством разных способов. Я на постоянной основе жила в их доме, в непосредственной близости от них. Я также была няней, наставником и доверенным лицом Натали. Все больше и больше крепла наша неразрывная связь. Натали будет чаще приходить ко мне за помощью с домашним заданием, ведь теперь я рядом. Амелия будет все больше и больше полагаться на меня как на няню. И скоро я буду носить их ребенка.

С момента нашего договора мы с Амелией стали очень близки. И в то же время в ее поведении появились слегка собственнические манеры. Она выбрала меня и мою утробу, и я принадлежала ей. Теперь Амелия чувствовала, что вправе следить за мной, но не могу сказать, что я была против. Уже так давно никого не волновало, чем я занята и где нахожусь. Ее внимание, почти гнетущее по своей концентрации, было невероятно непохожим на поведение людей, к которому я привыкла.

Страубы дали мне ключи от главного дома и сказали, что я могу приходить и уходить, когда мне хочется. Это было проявление гостеприимства и участия, с которым я никогда раньше не

сталкивалась. Я больше не зависала на краю чего-то. Я добралась до центра. Наконец добралась.

На второй день я несколько часов распаковывала вещи в новой квартире. Я решила позаимствовать у Страубов несколько мешков для мусора и нервничала от волнения при мысли, что сейчас впервые воспользуюсь своим ключом от их дома. Я ощутила прилив энергии, отпирая входную дверь.

Стоя в дверях, я услышала голос Амелии.

— Дельта может постоять за себя.

К моему удивлению, отвечал ей Ян:

— Она разрушает свою жизнь. Разве ты этого не видишь?

Я была возмущена вмешательством Яна и собиралась сказать ему об этом, когда вдруг увидела Ицхака: он прижался к полу, хвост его был напряжен. Пес рванул ко мне и вцепился в ногу. От испуга я закричала.

Ошеломленные Амелия и Ян появились в холле.

— Нет! — Амелия крикнула на собаку и дернула его за ошейник. — Отойди от нее!

Ицхак рычал.

— Дельта, ты в порядке? — Ян выглядел потрясенным. Он взял меня за руку.

Мое сердце колотилось. Дрожа, я присела на скамеечку, стоящую в холле, Ян сел рядом. Стянув носок, я рассматривала лодыжку: зубы собаки едва оцарапали кожу.

— Это безумие. — Голос Амелии был очень взволнованным. — Он никогда никого не кусал.

Потянув за поводок, Амелия увела Ицхака в кабинет. Я слышала, как она закрыла дверь.

Мне было стыдно, что собака так себя повела со мной. Я боялась, что этот инцидент подорвет веру Амелии в то, что я была частью семьи.

Через несколько мгновений она появилась снова, в руках у нее были антисептик и бинт.

— Да все в порядке, — я пыталась говорить спокойно. — В прошлом году мне делали прививку от столбняка.

Я не хотела признаваться, насколько была напугана.

— Мне так жаль, Дельта. — Амелия все никак не могла успокоиться.

Должно быть, я застала Ицхака врасплох. Я раз за разом убеждала себя в этом. У него было плохое зрение, и он не осознавал, что это именно я. Тем не менее потребовалось несколько дней, чтобы я отошла от произошедшего и ко мне вернулся былой оптимизм.

Через неделю Амелия и Фритц поехали сопроводить меня в выбранную ими клинику репродуктивной медицины на Манхэттене. Приемная с мраморными полами, высокими сводчатыми потолками и огромными окнами напоминала бальный зал. Интересно, сколько же берут врачи-репродуктологи, раз могут позволить такой ремонт? Каждый из нас заполнил анкету. Наконец, доктор Краснов пригласил нас в свой кабинет. Я видела, как оценивающе он смотрел на Амелию. На ней было платье персикового цвета, персиковый шарф и такая же помада. На другом человеке этот образ был бы слишком скучным, но все менялось благодаря безупречному чувству стиля Амелии. Шелковистые волосы падали ей на лицо.

Доктор, вероятно, почуял деньги Амелии и ее отчаяние. Это была его работа — монетизировать отчаяние. Он жил за счет того, что людям чего-то не хватает, и счастье Амелии его не волновало. Но для меня было важно, чтобы она была счастлива. По-настоящему важно.

Я восхитилась опытом и эмоциональным интеллектом Краснова, умевшим справляться с напряженной ситуацией. Он знал, что пациентов нельзя обидеть даже малейшим кивком, тоном

голоса, поворотом головы или жестом. Он отлично понимал распределение сил. Амелия и Фритц обладали одной властью, а я — другой. У меня была сила родить ребенка. У меня было то, о чем мечтала Амелия. У нее и Фритца были деньги и высокий социально-экономический статус.

Наверняка он регулярно имел дело с людьми, у которых на кону была явная или неявная финансовая выгода. Но я была уверена, что он никогда не видел суррогатную мать с моим уровнем образования и статусом. Большинство будущих матерей по своему положению в обществе были похожи на моих родителей. Он видел женщин, которые боролись за свое место в жизни, но были достаточно смекалистыми, чтобы создавать впечатление благополучия. Эти женщины не могли допустить, чтобы про них подумали, что они когда-либо принимали наркотики или были жертвами агрессивных приятелей или мужей, злоупотребляли алкоголем или курили сигареты. Они хотели создать впечатление, что живут умеренной, но полноценной жизнью, заботясь о своем здоровье. Ведь любые плохие гены могли проникнуть в ребенка неопределенным и невыразимым образом.

Врач уже просмотрел анкеты, ища возможные

расхождения в наших ожиданиях. Единственный момент, на который я не знала ответа, буду ли я контактировать с ребенком после его рождения. Моим желанием было навсегда остаться в его жизни. Но в то же время я не хотела давать Страубам повод усомниться в моих планах. Не на этом этапе.

На вопрос, сколько времени по шкале от 1 до 5 я хотела бы проводить с ребенком после его рождения, я обвела кружком тройку. Амелия предложила выбрать четверку. «Воспитаем вместе», — рассмеялась она. Я изменила ответ, а потом все вглядывалась в ее лицо, пытаясь определить, не доставило ли ей это каких-то неудобств.

Я согласилась обсуждать со Страубами все медицинские решения в течение беременности и позволить им выбрать больницу для родов. Они будут влиять на мою диету и образ жизни. Если у ребенка будут обнаружены врожденные патологии, то беременность прервут. Если во мне разовьется более двух эмбрионов, одного из них удалят. Мы решили не привлекать агентство, занимающееся суррогатным материнством, поскольку Амелия опасалась, что это замедлит процесс. Но, думаю, в действительности она бо-

ялась, что кто-то изменит свое мнение — может быть, Фритц, может быть, я. Она же хотела сделать все как можно быстрее. Ей не нужно было беспокоиться, что я передумаю — я хотела ребенка так же сильно, как и она.

Я сидела между Амелией и Фритцем напротив доктора, словно сама была их ребенком. Периодически Амелия похлопывала меня по плечу или по руке.

— Почему тебя привлекло суррогатное материнство, Дельта? — спросил доктор. — Почему ты хочешь быть суррогатной матерью?

Он откинулся на спинку стула и скрестил лодыжки.

Я надеялась, что все же основные вопросы будут к Страубам.

— Я люблю Амелию. Я люблю Фритца.

— Но почему вы решили стать для них суррогатной матерью? — Доктор скрестил руки на груди. Его рукав слегка задрался, открывая дорогие часы.

— Мы с ними это уже обсуждали. — Я повернулась к Амелии в поисках поддержки.

— Мы как семья, — сказала она. — Дельта, Фритц, Натали и я… Мы чувствуем себя одной семьей.

Она лучезарно улыбалась мне на протяжении всего разговора, будто стремясь показать, как мной гордится. Поскольку я собиралась вынашивать ее ребенка, меня она в некотором роде тоже считала своим ребенком. И это было одним из самых замечательных осознаний в моей жизни. Осознание, до какой степени я была для них значима. Амелия пока не могла уделить внимание ребенку, но она могла уделить его мне. С тех самых пор, как я встретила Амелию, я страстно стремилась находиться с ней рядом. И ближе, чем сейчас, мне уже не быть.

— Но вы не семья. — Доктор опустил голову и с любопытством взглянул на нас поверх очков.

— А как вы определяете понятие «семья»? — В голосе Амелии послышалось пренебрежение.

Доктор отвернулся от нас и взглянул в монитор. Я почувствовала, что он раздражен вопросом Амелии и ее позицией, но отлично это скрывал. Фритц разглядывал висящие по стенам дипломы, сообщавшие о степенях и наградах доктора Краснова.

— Вы знакомы менее года?

— Я буду знать, что сделала что-то значимое, если помогу Амелии и Фритцу, — я пыталась говорить размеренно и не повышать голос.

— Какая вам в этом выгода? — Доктор снова взглянул на меня поверх очков.

— Принести ребенка в этот мир. — Я с силой наступила сама себе на ногу, надеясь, что боль отвлечет меня от собственных мыслей.

— У вас есть сын? — Доктор сжал губы.

— Да.

Мое сердце заколотилось сильнее, тело бросило в жар.

— Сколько ему лет?

— Пять.

Доктор вздохнул и сложил ладони домиком напротив груди.

Я опустила глаза и заметила ниточку, торчащую из шва на моих брюках.

— Ваша ситуация не совсем типична. Так что я вынужден быть осторожным. Почему вы не хотите родить собственного ребенка?

— Когда-нибудь он у меня будет.

— Правда?

— Мне нравилось, как чувствовало себя мое тело во время беременности. — Я положила руки на живот.

— Где вы рожали?

— А? — Я почувствовала, что руки вспотели.

— Где вы рожали своего ребенка?

Глубоко дышать, медленно и глубоко. Я же репетировала ответы.

— В Калифорнии.

— В каком госпитале и с каким доктором?

— В центре естественного рождения. Была… акушерка.

Доктор улыбнулся и прищурился.

— Самостоятельные роды?

— Эм…

Мог ли он понять на осмотре, рожала я раньше или нет?

— С эпидуральной анестезией? — Он плотно прижал руки друг к другу.

Я кивнула, стараясь дышать глубоко. Думаю, что Амелия предпочтет кесарево сечение, чтобы у нас с младенцем не было лишней связи.

— Были какие-то сложности во время родов или беременности?

— Нет.

Он взглянул на бумаги, лежавшие перед ним на столе.

— Вы кормили грудью?

Какое это вообще имело значение?

— Не думаю, что это важно, — фыркнула Амелия. — Мы будем кормить малыша смесью, так же как и Натали.

— Ладно. — Доктор встретился со мной взглядом. — Ладно.

Он не доверял мне, но пока не был помехой.

Глава 16

Процесс пошел. Я была на пути к тому, чтобы носить ребенка Страубов. Перенос эмбриона был назначен на середину мая. Гормоны и стероиды, которые я для этого принимала, не очень хорошо сказались на моем состоянии. Большую часть времени я чувствовала себя больной, меня тошнило и будто раздуло. Но побочные эффекты тела беспокоили не так, как растущее чувство тревоги — подсознательное чувство страха, что что-то может пойти не так. Если я не справлюсь, Амелия сразу потеряет веру в меня. Она тут же обратится к другой суррогатной матери, а ее восхищение мной рассеется как дым.

С тех пор как я переехала, Ян несколько раз неожиданно навещал меня. Если он не хотел видеться со Страубами, то звонил сразу в мою дверь. Сперва я считала его назойливым, но постепенно привыкла. Мы пили кофе или что-то еще, в зависимости от того, в какое время дня он приходил. Но он никогда не оставался надолго. К счастью, он перестал спрашивать о Джаспере, но в его глазах по-прежнему сквозил вопрос.

В начале мая он пришел ближе к вечеру и предложил поужинать в баре в центре. Мы сели на веранде и заказали гамбургеры, картошку фри и бутылку красного вина. Он рассказал мне о доме в Нью-Джерси, над проектом которого работал, а затем о квартире в Риме. Мы говорили о симметрии, асимметрии, свете, тенях и точках фокуса.

— На следующей неделе мне нужно в Рим, поедешь со мной? — спросил Ян.

Такого предложения я никак не ожидала.

— Нет.

— Это только на выходные.

Я не хотела ехать в Рим. Не с Яном.

— У меня есть обязательства.

— А среди них есть правила о посещении Рима? — Ян пытался шутить.

Я опустила взгляд в тарелку, чтобы полить гамбургер кетчупом и горчицей, после чего добавила латук и помидор.

— Я не могу.

Мои отношения с Яном, если их так вообще можно было назвать, продвигались медленно. И его предложение казалось уловкой.

— Ты хочешь жить жизнью другого человека, — сказал он, — в то время как твоя собственная жизнь могла бы быть прекрасной.

Ян хотел верить, что понимает меня лучше, чем я сама понимаю себя.

На самом деле он был неправ. Совсем неправ.

На следующий день Элиза встретила Натали у входной двери. Кошка постепенно привыкала к ее визитам. Натали опустилась на корточки и почесала ее за ушами.

— Мама говорит, что у нее аллергия на кошек. Раньше говорила, что на собак, но однажды папа принес домой Ицхака. Сказал, что вернет его, если у нее потекут сопли. Но с ней все было нормально.

Я не рассказывала Натали, что Ицхак меня укусил, и, видимо, Амелия тоже не стала. В принципе, это было не так уж и важно, учитывая, что его отношение ко мне вернулось в норму, и я изо всех сил старалась забыть об этом инциденте.

Элиза удовлетворенно урчала. Натали прошла в гостиную.

— У этой комнаты уже появляется собственный облик.

Девочка взяла фото, на котором был запечатлен Джаспер на пляже, — я поместила его в рамку и поставила на журнальный столик. Накануне вечером я решила расставить три фотографии Джаспера в неприметных местах: у моей крова-

ти, на журнальном столике и на рабочем столе, чтобы казалось, будто я не хочу привлекать к ним внимания.

— Как часто ты разговариваешь с сыном? — спросила Натали.

— Правда, он милый?

— У него темные волосы. — Девочка провела пальцем по лицу Джаспера на фото. — Он не особо похож на тебя.

— У нас одинаковые носы. — Я еще раньше приметила это и обрадовалась, что у меня с сыном есть общие черты.

— Ты скучаешь по нему?

Натали так тщательно изучала фотографию, что, хотя я и верила в правдивость этого снимка так же, как верила в реальность сына, на какой-то миг я почувствовала укол страха. Что, если Натали заметит что-то необычное на фотографии, что заставит ее сомневаться в правдоподобности всей истории?

Я села на диван и откинулась на подушки.

— Этим утром, когда я была в магазине, мне напоминало о нем буквально все.

— Когда он вернется и будет жить с тобой?

Девочка оглядела комнату, по которой я с особым старанием распределила вещи Джаспера.

Хотя плюшевый мишка и несколько детских книг все еще не были распакованы. Те же предметы, что я уже достала, не выглядели так, будто их нарочно выставили напоказ. Все было органично. У меня был целый шкаф его одежды и матрас для кровати.

— Ты уже знаешь, когда он приедет? — повторила свой вопрос Натали.

Я легко могла представить, как Джаспер бредет по деревянному настилу пирса, как он играет в бейсбол со своим отцом. Черные кудри, румяные щеки и мерцающая оливковая кожа. У меня был соблазн ответить, что это вопрос нескольких недель. Причина, по которой он все еще в Калифорнии, в том… Мы с его отцом решили, что мальчику нужно иметь перед глазами пример мужчины. Мне не хватало Джаспера.

— Отец записал его там в школу.

Натали смотрела на меня очень пристально.

— Ты говорила, что скоро он вернется. — Я услышала в ее тоне насмешку.

— Это специализированная школа, и мы решили, что так для него будет лучше.

— Да что с тобой не так? — Нахмурилась девочка.

— Я забочусь о нем.

— Твой ребенок вообще существует?

Дыхание перехватило.

— Да. Конечно.

— Тогда почему ты не расстроена? Ты должна быть очень расстроена.

В пьесе «Кто боится Вирджинии Вулф?» был вымышленный ребенок, который умер. Это был один из немногих спектаклей, на которые я ходила, и то только потому, что несколько лет назад встречалась со второсортным актером, который играл в этой довольно плохой постановке.

— Может, ты чувствуешь себя брошенной и полагаешь, что Джаспер испытывает такие же чувства? Уверяю тебя, это не так.

В голове всплыл образ Джаспера, запертого в шкафу. Затем его кровоточащий нос и сломанное запястье. Мой маленький мальчик. Моя забота заключалась в том, чтобы защищать его. Я бы никому не позволила причинить ему вред.

— Ты отказалась от него, — твердо заявила Натали.

Ее мнение обо мне пошатнулось. Теперь придется постараться, чтобы вернуть ее доверие.

— Я поступаю так, как лучше для него.

Натали поставила фотографию обратно на столик и сделала шаг назад, словно от ядовитого

растения.

— Ты лжешь.

— Мой бывший муж снова женился. У Джаспера теперь есть отец и мачеха. — Я встала, чтобы взять девочку за руку, но она убрала ее. — Я ставлю его интересы превыше своих.

Слезы наполнили мои глаза. Мне всегда легко удавалось заплакать, если того требовала ситуация.

— Но ты его мама!

— Я каждый день отправляю ему сообщения, и раз в неделю мы общаемся по видеосвязи.

— До этого ты говорила, что созваниваешься с ним каждый день.

— Так часто, как только получается.

В глубине души я понимала, что говорю Натали эмоциональную правду о данной ситуации. Я не была уверена, кто виновен в травмах Джаспера. Кто стал причиной его шрамов. Я? Или его мачеха? Я представила эту женщину, взяв за основ образ одной из своих клиенток — состоятельного врача-дерматолога. Просто она первой пришла мне на ум.

Расстроенная Натали плюхнулась на диван. Я обратила внимание на ее маникюр цвета шартрез — уродливого желтовато-зеленого цвета.

Она взяла с журнального столика мою камеру и вертела ее в руках. Прошло несколько минут, я хранила молчание. Наконец девочка заговорила:

— Отстойно быть подростком. — Она сняла крышку с объектива камеры и посмотрела в видоискатель. — Для чего все эти кнопки и колесики?

— Основа фотографии — это свет, — объяснила я. — Есть разные способы контролировать количество света, которому ты позволишь пройти через объектив. В большинстве случаев света не хватает. И лишь иногда его слишком много.

— И как его добавить?

— Через три настройки камеры: светочувствительность, диафрагму и выдержку. — Я поочередно показала пальцем на каждую из кнопок.

— Можно я сфотографирую тебя?

— Смотри в видоискатель. Медленно нажимай на кнопку спуска, пока не услышишь щелчок.

Она навела объектив на меня.

— Ты прекрасна.

И это была правда. Но я не хотела быть прекраснее Натали. Точнее, я не хотела, чтобы она думала, что я прекраснее нее.

Она передала мне камеру, и я взглянула на фото.

— Получилось темновато, — сказала я. — Поставь выдержку на 1/60 секунды.

Натали забрала камеру.

— Я смотрела твой сайт и в разделе «Материнство» обнаружила фотографию Лючии.

Я почувствовала мягкое жжение в груди.

— Она тебе понравилась?

— Я и не знала, что вы общались, и не знала, что ты снимала ее.

Да, я снимала Лючию. Конечно. Я делала снимки многих окружавших меня людей. Я же фотограф, в конце концов.

— Странно, что ее парень неожиданно объявился. — Натали смотрела на меня в упор. — Тебе так не кажется?

— Невозможно предсказать, как поступит другой человек.

Натали кивнула. Она рассматривала мою камеру и нажимала какие-то кнопки. Мы попытались повторить некоторые из снимков, но в целом интереса к нарочито постановочным фото у нее не было. Напротив, она будто пыталась подловить момент, когда я максимально не похожа на саму себя.

— Натали, я восхищаюсь тобой. И поражаюсь твоему великодушию и таланту.

Я открыла дверь во двор. На улице стояла приятная прохлада ветреного весеннего дня. Мы вышли во двор.

— На воздухе фотографии всегда получаются лучше, — рассказывала я. — Солнце делает всю работу. Энергия добавляется, а не исчезает.

Натали попросила меня сесть на стул и сделала еще несколько кадров. Когда она просматривала сделанные фото, я заглянула ей через плечо.

— Попробуй сфотографировать Элизу, — предложила я. — Это одна из наиболее сложных задач. Животные постоянно в движении. То же самое с детьми. Зато они всегда получаются настоящими.

Девочка присела на брусчатку двора и сфотографировала кошку. Элиза была цвета шампанского с яркими темно-серыми пятнами на лапах и полосами по всему телу, из-за такого окраса фотографии получились несколько абстрактными, но весьма неплохими. Следующие два часа Натали фотографировала двор, кошку, дом, мои ботинки, мое лицо, мой диван. Солнце начало садиться.

— Скоро твои родители захотят видеть тебя дома.

— Еще минуту.

Она явно наслаждалась и собой, и процессом.

Я подошла к полке, где лежало мое фотооборудование, и осмотрела коллекцию. У меня было две довольно новых зеркальных камеры и два цифровых беззеркальных фотоаппарата. А еще старенький цифровой фотоаппарат, который появился у меня первым и которым я уже не пользовалась.

Я отдала его Натали вместе с зарядным устройством и картой памяти.

— Можешь взять себе и попрактиковаться.

— Правда? — Ее лицо выражало крайнюю степень удивления.

— Я им не пользуюсь.

Девочка пыталась не улыбаться, но я была уверена, что ей очень приятно.

— Это слишком дорогой подарок. Мама скажет, что я не могу его себе оставить.

Я положила руки ей на плечи и поцеловала в теплую щеку.

— Скажи маме, что это на время.

Сияя от радости, Натали надела ремень на шею и взяла в руки теперь уже свою камеру. Я стала ее наставником.

В один из неожиданно теплых дней я сидела у себя и обрабатывала фотографии, как услышала звук падающих капель. Заглянув в спальню, я

обнаружила на полу лужу — будто кармическое наказание. Я написала Фритцу, и через несколько минут он пришел проверить, что случилось. Оказалось, течет водопровод. Пока мы ждали ответного звонка из аварийной службы, я предложила Фритцу выпить.

— Когда-то я была барменом.

На самом деле я никогда не работала барменом. Хотя со временем стала замечать, что эксперименты с рецептами коктейлей позволяют любителям выпить чувствовать себя увереннее, будто, смешивая напиток, больше заботишься о вкусе, чем о чем-то другом.

— Хорошо. Удиви меня.

Я смешала коктейль и поставила его перед Фритцем.

— Называется «Мартини шелковые трусики».

Фритц покраснел. Потом попробовал. Его глаза расширились, и он сделал еще глоток.

— Можешь вернуться к карьере бармена в любой момент.

Я улыбнулась.

— Ты сама не будешь пить? — Фритц словно прочитал мои мысли. — Ты же еще не беременна.

Я сделала второй коктейль и присела с ним

рядом.

— За шелковые трусики. — Он поднес свой бокал к моему, и мы чокнулись. — Восхитительные, кстати.

Я попробовала засмеяться, но настроение переменилось, хотя я даже не могла объяснить, что чувствую.

— Натали так рада, что ты переехала, — сказал Фритц. — Надеюсь, она тебе не мешает.

— Ни в коем случае! — решительно ответила я. — А ты? Ты сам рад, что я здесь?

Он сделал еще глоток.

— Конечно, я рад.

Я заметила испарину у него на лбу.

На мне было платье кремового цвета с глубоким вырезом. Я коснулась пальцами шеи и провела ими по краю ворота до самой нижней точки выреза.

Фритц снял очки и протер их футболкой — знакомое поведение, обычно означающее некоторую нервозность, — после чего вернул их обратно на нос.

В моей голове проносились различные сценарии развития событий. Умом я понимала, что секс с Фритцем мог иметь определенные негативные последствия. Даже если Амелия не узнает,

такой поступок может усложнить мое положение в качестве суррогатной матери Страубов. Но мое желание не исчезло. Если у меня будет секс с Фритцем, то я отделю их с Амелией друг от друга. Лишь слегка, но при этом достаточно, чтобы занять для каждого из них доминирующую позицию.

— Я могу что-нибудь сделать для тебя, Фритц? — спросила я.

У него зазвонил телефон. Это была Амелия.

Четырнадцатого мая мне пересадили эмбрион. Через десять дней предстояло проверить, прижился ли он.

Днем приехал Ян. Вид у него был до крайности странный.

— Я встретился с твоим сыном.

Я не понимала, о чем он говорит, и только засмеялась в ответ.

— Правда. Я встретился с Джаспером.

Он широко улыбался, в глазах был какой-то маниакальный блеск.

— Что ты имеешь в виду?

Из желудка к горлу подкатывался ком.

Ян встал и начал мерить комнату шагами.

— В город приехал мой друг по колледжу. Он пригласил меня на обед к своему кузену Роберту.

Сын Роберта — это Джаспер. А его мать — Алексис.

Я лихорадочно обдумывала ситуацию. И надо было не забывать про дыхание.

— Забавное совпадение, что того ребенка тоже зовут Джаспер. Но мой сын сейчас в Калифорнии.

Долгие и спокойные выдохи и вдохи. Я должна выглядеть так, будто эта история меня никак не задевает.

— Ты показывала мне больше десятка фотографий Джаспера, и одну из них я увидел в квартире Роберта. — Ян оглядел комнату и указал на фото Джаспера с вечеринки по поводу дня рождения, где мальчик задувал свечи на торте.

— Я видел точно такое же фото у них на книжной полке. — Ян взял снимок в руки. — Тот же мальчик, та же футболка, тот же торт с изображением собаки. Они наняли тебя в качестве семейного фотографа. — Он помахал фотографией в воздухе. — Знаешь, я хорошо запомнил лицо Джаспера, потому что беспокоился о тебе и думал, что, может быть, однажды мы с ним поиграем в мяч или я смогу помочь ему с уроками. — Маниакальная улыбка не сходила с лица Яна.

— Мой сын в Калифорнии, — я говорила тихо

и спокойно.

Тут Ян помрачнел.

— Бога ради, ты когда-нибудь скажешь мне правду хоть о чем-нибудь? Кто ты?

— Тихо ты…

Я беспокоилась, что Страубы услышат наш разговор.

Ян указал пальцем на потолок.

— Скажи им правду.

Я села рядом с ним на диван, анализируя различные способы, которыми могла бы нейтрализовать ситуацию. Взяв Яна за руку, я прикрыла глаза.

— У меня есть сын. — Слезы текли по моему лицу. — Его отец отвез его в Калифорнию, когда ему было шесть месяцев, и с тех пор я его не видела. — Все мое тело сотрясалось от рыданий. — Я не знаю, в безопасности ли он. Я не знаю, в порядке ли мой мальчик. Когда я встретила Джаспера на вечеринке в честь его дня рождения, он оказался именно таким, каким я представляла своего сына. Это было утешением считать, что о нем кто-то заботится.

Я опустила голову на плечо Яна, но он оттолкнул меня и встал.

— Отстань. Просто отстань от меня.

Через мгновение он был за дверью.

Восемнадцатое мая. Осталось шесть дней.

Натали зашла в гости. На ней были синие джинсы и тонкая, почти прозрачная футболка, подчеркивающая ее худобу. Надпись на ней гласила: «Нормальные люди меня пугают». Это был показатель заниженной самооценки. Дополняли образ босоножки на высоком каблуке. По сути, этот наряд повторял тот, что был на ней и вчера, и позавчера. Она все больше демонстрировала свою утонченность и зрелость, заявляя о себе все громче. Но ее личность по-прежнему оставалась уязвимой.

Я сознательно предпочла не обсуждать свою потенциальную беременность, если только Натали сама не поднимет эту тему. Хотя не проходило и минуты, чтобы я не думала о происходившем, прислушиваясь к ощущениям в теле, каждой вспышке боли и судороге, надеясь найти подсказки. Я немного разговаривала с ребенком, когда была одна в своей квартире, и мне казалось, что ребенок меня слышит.

Натали достала свой фотоаппарат. Она выставила настройки.

— В седьмом классе фотография — один из факультативов в моей школе.

Я отметила, что говорила она с энтузиазмом, что для нее было не особо свойственно.

— Обязательно выберу его, как только перейду в седьмой класс.

— Какие сюжеты тебя интересуют больше всего?

— Люди.

На заднем плане гудела сушильная машина. Никогда раньше я не стирала в собственной квартире.

— На большинстве снимков все натянуто улыбаются в ответ на команду фотографа, но я хочу фотографировать людей, которые ведут себя как в жизни. Когда они грустят, злы или напуганы. Иногда я смотрю на маму и хочу сфотографировать, как она выглядит, когда не надевает свою маску. Но большую часть времени она предпочитает кого-то из себя изображать.

Натали хотела разоблачать. Была некоторая опасность в том, чтобы снимать людей без их разрешения и с намерением показать эмоции и чувства, которые никто не планировал раскрывать публике. Но Натали, похоже, об этом не задумывалась.

Позже в этот же день я получила сообщение от Яна: «Скажи Амелии и Фритцу правду».

Я ответила: «Дай мне время».

Двадцать четвертого мая мы узнали, что имплантация не удалась из-за плохого качества эмбриона. От этой новости меня словно придавило к земле. Это была неудача Амелии. Не моя. Это не имело ничего общего с моей маткой. Я была зла на Амелию. Но даже в этом случае я волновалась, что она найдет способ обвинить меня. Поэтому ее реакция меня удивила.

— Дельта, милая, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста… Пожалуйста, давай попробуем еще раз. Я знаю, что у нас все получится.

Она изливала на меня весь свой свет. Никаких взаимных обвинений. Никакой критики.

— Конечно, Амелия.

— Я люблю тебя, — сказала она.

Даже если бы я хотела, то не смогла сопротивляться ее мольбам.

В тот же вечер я позвонила матери Яна. Мы говорили несколько раз с тех пор, как она переехала во Флориду. Она рассказывала, что восстановление после операции на бедренном суставе было медленным и болезненным.

— Я просто жалкая развалюха, Дельта. — Паула засмеялась. — Я все еще не могу водить машину,

даже в магазин мне не выбраться.

— Скажите Яну, что вам нужна его помощь. — Я ждала ответа. — Паула?

Она вздохнула.

— Да. Да, конечно.

— Если вы упадете, а рядом никого не будет, Ян потом себя не простит.

Глава 17

Я понимала, что вторая попытка экстракорпорального оплодотворения будет для Страубов финансово затруднительной, но они не сомневались. Мы запланировали еще один перенос эмбрионов на середину июля.

Восемь недель до процедуры и десять дней ожидания результатов после тянулись невероятно медленно, словно в замедленной съемке.

На этот раз я не разговаривала с младенцем.

На десятый день оказалось, что я беременна. Я принадлежала Страубам. Мы принадлежали друг другу. Если беременность пройдет хорошо, нас ждет радостное будущее, в котором все мы — Амелия, Фритц, Натали и я — растим этого ребенка.

Одним рывком я катапультировалась в другую жизнь и другую социальную касту. Теперь у меня была сила. Я вынашивала ребенка в утробе, жила в расположенном в тихом районе доме творцов, и из этого следовало, что я сама принадлежу к их кругу.

Я ходила в ближайший продуктовый магазин и вглядывалась в посетителей и сотрудников. И

тренировалась говорить свысока с обслуживающим персоналом. Я покупала продукты и просила оформить доставку, громко и несколько раз называя адрес, чтобы все вокруг могли слышать, где я живу. Если бариста в кафе неправильно заваривал мне чай, я могла пожаловаться. Мой голос имел значение. Мое беременное тело требовало уважения.

Некоторые люди всю жизнь только и ждут момента, когда они смогут презирать других, вместо того чтобы самим быть объектом презрения. Теперь я могла с уверенностью утверждать свое превосходство, зная, что принадлежу к богатой семье. Мне всегда казалось, что я не смогу приспособиться к стилю жизни моих клиентов и их друзей. Теперь я должна была занять место среди них и убедиться, что остальной мир понимает мою позицию.

Вместе с Амелией и Фритцем я собиралась быть равноправным родителем этого ребенка. Я верила, что Амелия искренне говорила о моем участии в его жизни, но также знала, что важно в этом удостовериться. Когда придет время, я все уточню.

Я осознавала, хотя это никогда не было произнесено вслух, что, если мне не удастся выносить

плод, все исчезнет. Я словно Екатерина Арагонская, Анна Болейн и любая женщина во все века — моя ценность связана с моим телом. Я очень хорошо знала, что если беременность прервется, я потеряю свою новую квартиру, новый район, новую семью. Потеряю все, если потеряю ребенка. Я расплачивалась за все блага своим чревом.

Амелия и Фритц поддерживали меня низкой арендной платой, питательной едой и медицинским обслуживанием. Я отказалась от нескольких работ, признавая первоочередную важность сна и здоровья. Мой доход упадет, но это нестрашно. Ребенок важнее.

На четвертой и пятой неделях у меня не было никаких признаков или симптомов беременности. Ужасное ощущение, будто ребенок лишь плод моего воображения. Но на шестой неделе пришла утренняя тошнота. Мои дни начинались и заканчивались рвотой. Сильная тошнота придала мне уверенности, это было ощутимое свидетельство жизни внутри меня.

Амелия была взволнована, на грани безумия. Она пыталась как можно больше работать, чтобы куда-то направить свою энергию.

Однажды воскресным вечером в конце августа мы с ней разговаривали на кухне.

— Ты должна есть, сколько захочется, — убеждала она. — Я буду покупать свежие фрукты, овощи, рыбу и стейки, органический йогурт и молоко — все, что действительно нужно во время беременности.

Когда Амелия была в отчаянии, холодильник Страубов часто пустовал. Но теперь приоритетом для нее стало здоровье будущего малыша.

Она налила нам по стакану сельтерской воды.

— Странно, что Ян не отвечает на мои звонки и не перезванивает, — внезапно сказала она. — Ты не знаешь, в чем дело?

— Ну… — Я сделала паузу и сосчитала до трех.

— Что? — Амелия присела рядом со мной.

Я потягивала воду, наслаждаясь покалыванием пузырьков, временно уменьшившим тошноту.

— Он что-то говорил о своем стремлении к росту… Что-то такое.

Амелия посмотрела на меня так, словно мы не могли говорить об одном и том же человеке.

— Он недоволен своей работой?

Я пожала плечами.

— Не хочу говорить за него.

В начале сентября я была на седьмой неделе беременности, и Амелия буквально порхала. Она написала мне, что вечером надо будет при-

глядеть за Натали, и попросила зайти, пока та не вернулась из школы. Она хотела что-то со мной обсудить. Она снова стала очаровательной женщиной, с которой я впервые встретилась несколько месяцев назад. Сегодня она была в черных брюках, красной шелковой блузке с глубоким вырезом на голое тело и в крупном ожерелье из аметиста. Я завидовала ее фигуре, казалось, она абсолютно не прилагала усилий, чтобы оставаться в форме.

Я тоже парила, может быть, даже выше Амелии, но все равно помнила о Натали и не хотела, чтобы девочка чувствовала себя недооцененной, тогда как внимание Амелии было сосредоточено исключительно на «новом малыше». Другими словами, ее внимание было сфокусировано на мне. Я жаждала ее внимания, только не за счет Натали. Иногда я обнаруживала, что защищаю Амелию, отвлекая Натали, меняя тему разговора, когда ее мать проявляла особенную бесчувственность.

На этом этапе мне было легче проводить время с ними по отдельности, потому меня порадовало, что Амелия позвала меня пораньше, еще до того, как Натали будет дома.

— Как бы я хотела прямо сейчас налить тебе

бокал вина. После рождения ребенка мы будем пить коктейли каждый день. — Она торжествующе подняла руки вверх.

Я представляла себе наши будущие вечера у камина и утра за кофе.

Амелия наполнила свой бокал и налила мне стакан фильтрованной воды.

— Ты же не возражаешь, если я выпью? — заботливо спросила она.

— Конечно, нет.

На самом деле, я возражала. За последние несколько месяцев я заметила, что Амелия пьет все больше, моя беременность ее не останавливала. Но ее тело не было священным сосудом. Мое было.

Я пригляделась к аметистовому ожерелью на ее шее. Спаянные звенья были признаком того, что это золото в двадцать четыре карата. Я вдохнула аромат лимона и бергамота, исходящий от Амелии. Слишком сильный запах для моего обостренного обоняния.

— Знаешь, — начала Амелия, — Ян, он нам тоже как член семьи.

Тема Яна всплывала уже не первый раз за последнюю неделю. Амелия явно не хотела, чтобы он уходил из фирмы, но поддержка его амбиций

была правильной с точки зрения ее мировоззрения.

— Я предлагала ему поговорить с тобой, но он говорит, что не может… покинуть вас.

— Покинуть? — Амелия тихо рассмеялась и выставила на стол тарелку с зеленым виноградом, сыром и крекерами.

— Ну, знаешь… Основав собственную фирму.

Глаза Амелии расширились, хотя она и пыталась сохранять невозмутимость.

— Ох! — Она сделала большой глоток вина.

— Я сказала, что ты его поддержишь при любом решении.

Амелия колебалась долю секунды.

— Конечно.

— И вы поможете с любым вопросом. Будь то клиенты, рекомендации или что-то еще, — продолжила я. — Потому что знаю, как сильно ты о нем заботишься.

— Все что угодно… Конечно… — Губы Амелии растянулись в улыбке, но в ее глазах было что-то похожее на негодование.

Я была на двенадцатой неделе беременности с подтвержденным сердцебиением плода. Если доктор Краснов и определил, что я никогда не была беременной, то он до сих пор не выдал меня.

Я чувствовала, что мы с ним достигли своего рода перемирия. Он объяснил, что критический рубеж пройден, и вероятность выкидыша значительно снизилась. Услышав его слова, мое тело охватило ощущение простора и легкости, наполнившее каждую мою клеточку.

По моей просьбе Амелия осталась в приемной. Я испытывала какое-то запретное удовольствие в те моменты, когда она оказывалась посторонним человеком, вынужденным ждать меня. Я узнавала важную информацию раньше, чем она.

Наконец ее пригласили в кабинет и предложили сесть рядом со мной.

— Пока все хорошо, миссис Страуб.

Выражение ее лица было как у альпиниста, покорившего вершину.

Моя сила росла с каждым днем. Я несла в себе жизнь. У меня была бесспорная цель. Моя ценность в других сферах — моя профессиональная ценность, моя ценность для любовников и друзей — никогда не была такой весомой. Амелия нуждалась во мне, и это был вопрос жизни и смерти. Я чувствовала, как от нее исходят вибрации тоски и желания.

Доктор пожал ей руку.

— Теперь мисс Дон может продолжить наблю-

дение у своего гинеколога.

Амелия путалась в словах.

— Благодарю… Спасибо вам большое.

Пока мы ждали лифт, она обняла меня.

— Ты просто чудо.

Я заметила, насколько потрескались ее губы, и сперва хотела предложить ей бальзам, но передумала. Я вспомнила роскошную баночку с блеском для губ на ее столе в кабинете. Сомневалась, что она захочет использовать мой блеск для губ. Ей не нужны мои микробы. На миг меня охватило болезненное чувство, но оно так же быстро утихло.

Мы вернулись в дом Страубов, и Амелия настояла, чтобы я осталась на обед. Иногда я была готова признаться самой себе, откуда ее любовь ко мне: конечно, из-за ребенка. Это была ненастоящая любовь. Или настоящая? Я понимала, почему некоторые женщины решаются на детей, когда хотят удержать мужа, удержать то, что у них есть. Это высшее проявление власти.

Я устроилась на диване в гостиной, и через несколько минут Амелия принесла мне бутерброд с индейкой и стакан ледяной воды.

— Думаю, — начала разговор Амелия, — мои мечты наконец сбываются. Я хочу того же и для Яна.

— Согласна.

— Так что мы с Фритцем дозвонились до него, — она устроилась рядом со мной, — и сказали, что он должен открыть собственную фирму. — Амелия улыбнулась, хотя, казалось, приложив для этого немалые усилия. — И что мы его поддержим.

— Ого!

— И, конечно, упомянули, что ты была его самым решительным сторонником!

Я откусила кусочек бутерброда.

— Мне кажется… Он был потрясен или взволнован, — заметила Амелия. — А еще он переживает из-за здоровья матери.

— Уверена, он вам благодарен. — Я посасывала кусочек льда, чтобы подавить тошноту.

— Что ж… Мы будем по нему скучать, — говорила она так, словно о человеке из далекого прошлого.

Мне стало жарко, и я сняла кофту, оставшись в одной майке. Пока никто не смог бы сказать, что я беременна: живот оставался практически плоским. Амелия внимательно изучала мое тело. Я могла с уверенностью сказать, что она была в некотором роде влюблена в него.

Было время, когда я думала, что Амелия может относиться ко мне как к обслуге, как к подчи-

ненной. Суррогатное материнство не сильно отличается от проституции. У меня нет этических проблем с проституцией. Это классовая проблема. Я дважды переспала с парнем ради денег в номере отеля во Флориде. Он был неудачником. Секс с ним за деньги сделал меня неудачницей вдвойне. Затем я покинула Флориду и приехала в Нью-Йорк.

Амелии, вероятно, казалось, что она расплачивается со мной косвенно — своей любовью и вниманием, временем, которое я провожу с Натали, и квартирой по низкой стоимости. Но она могла не догадываться, что мне больше не нужна оплата.

Внезапно Амелия присела на пол рядом со мной, сняла с меня носки и стала массировать мои ноги. Сначала я была удивлена, что она так унижается. Но потом меня осенило, что она считала, будто ее действия были на пользу ее ребенку. Так что в таком ее поведении был элемент эгоизма и самосохранения.

— Некоторые точки действительно поддерживают и укрепляют иммунную систему организма, — заметила она, — позволяя ребенку получать все необходимые ему питательные вещества и витамины.

Ее пальцы коснулись небольшой отметины от укуса Ицхака. Но, похоже, она этого не заметила.

В дверях появилась Натали с фотоаппаратом в руках и сделала несколько кадров.

— Дельта заболела?

— Нет, я в порядке.

— Натали, с ребенком тоже все в порядке. — Амелия перевела взгляд с Натали на меня и взяла меня за руку. — Какая мицва.

— Мицва означает «доброе дело», — объяснила мне Натали.

— Какое у тебя любимое мужское имя? — спросила Амелия дочь.

— БоБо.

Амелия нахмурилась.

— Дорогая…

Я хотела, чтобы Амелия оставила эту тему, очевидно же, что Натали не собиралась принимать правила игры.

— А вы уже точно знаете, что это мальчик?

— Шестое чувство, — ответила Амелия. — Мне нравится имя Эмилио.

— Ты забыла о сглазе? — спросила Натали.

— Я сейчас не называю имени ребенка, просто предлагаю идеи. Этот ребенок изменит все в нашей жизни.

За прошедшие недели я еще глубже погрузилась в законодательство Нью-Йорка относительно суррогатного материнства и еще раз убедилась, что, если суррогатная мать передумает и захочет оставить ребенка, у генетических родителей не так уж много шансов. Даже если бы у нас со Страубами был письменный контракт, он ничего бы не решал. Это означало, что у меня будет возможность укрепить свое положение в семье Страубов, остаться с ними навсегда. Мой уход из семьи не был даже вариантом.

Я планировала поднять эту тему в правильное время. Я должна была убедиться, что Амелия понимала, что я не пытаюсь отнять у нее ребенка. Амелия, Фритц и я стали бы партнерами в увлекательном путешествии и растили бы его вместе.

— Я чувствую, что это второй шанс для нашей семьи и моего брака, — продолжила Амелия.

— Потому что первый шанс не удался?

Амелия предпочла не замечать ревности дочери.

— Младенец приносит в дом положительную энергию.

— Да, в тебе ее и так много, — Натали не унималась.

— Закрой рот.

— Да пошла ты! — Девочка выбежала из комнаты.

Я хотела последовать за Натали, но у меня было чувство, что Амелия сейчас не оценит мой порыв.

Она посмотрела в потолок и глубоко вздохнула.

— Привилегия — это обоюдоострый меч. Натали окружена детьми, которые понятия не имеют о реалиях окружающего мира. Мне пришлось работать как проклятой, чтобы оказаться здесь и сейчас, в этом положении. Натали же считает, что моя жизнь и жизнь Фритца должны вращаться вокруг нее. Но — внимание, новость! — забота других не сделает вас сильнее.

Амелия явно убеждала саму себя.

Через полчаса я поднялась к Натали. Она читала у себя в комнате, тогда я позвала ее на урок фотографии. Мы собрались, взяли камеры и отправились на прогулку по району.

— Что ты хочешь на день рождения? — спросила я.

— До него еще два месяца.

— Пойдем вместе в музей.

Ее глаза заблестели.

— Давай.

— В ноябре в Музее современного искусства открывается фотовыставка. Думаю, тебе понравится.

Была середина октября. Стало ощутимо холоднее, и день короче. Натали достала фотоаппарат.

— К концу дня снимать может быть труднее, — заметила я.

Натали сфотографировала голубую сойку, перелетающую с одного дерева на другое.

— Снимок получится расплывчатым.

— Надеюсь, что так, — отозвалась Натали. — Нельзя заставить птицу застыть на одно мгновение. Я хочу, чтобы этот кадр давал понять, что время не стоит на месте. Моя мама этого не понимает. Она слишком стара, чтобы иметь еще одного ребенка. Она древняя.

Я надеялась, что Натали не решит озвучить эту мысль, когда Амелия будет рядом.

Мы обошли почти весь квартал.

— Мама сказала, что я могу остаться ночевать у тебя.

— Это здорово!

Натали сфотографировала вечнозеленую магнолию перед домом Страубов. Мне пришлось напомнить себе, что это и мой дом тоже.

— Тебе все еще тошнит по утрам? — спросила

она.

— Сейчас уже все хорошо.

Обычно мне становилось лучше после обеда.

— Пайпер сказала, что у ее мамы было утреннее недомогание, когда она была беременна ее младшим братом. Она сказала, что, если тебя не тошнит каждый день, значит, ребенок нездоров.

— Пайпер столько всего знает…

Натали положила руку мне на живот.

— Я чувствую ребенка.

Девочка была права. В последние несколько дней я начала чувствовать толчки.

Мы зашли в мою квартиру. Оставив пальто и ботинки в прихожей, Натали устроилась на диване. Я выложила на тарелку шоколадное печенье и принесла ей. Медленно и методично она откусывала от него кусочки.

— У тебя будет ребенок, а потом ты отдашь его…

— Ты сейчас о чем?

Голову словно сдавил обруч. Я почувствовала слабость.

— Не волнуйся. Я буду видеться с ребенком.

Она не понимала, что наша жизнь будет наполнена светом и любовью.

Потом мы сидели рядом на диване и просмат-

ривали сделанные Натали кадры. В них явно был виден ее взгляд на мир. Для фотографов это было редкостью. Конечно, ей не хватало навыков, но тому, что у нее уже было, научить просто невозможно.

— Если рождаете то, что внутри вас, То, что рождаете, спасет вас, — процитировала я. — Если не рождаете то, что внутри вас, То, что не рождаете, убьет вас.

— Что?

— Так Иисус говорил о самовыражении.

У меня тоже был свой взгляд на мир, но в большинстве случаев я старалась его не демонстрировать. Иначе мне пришлось бы признать и многое другое, а мне не хотелось. Такие люди, как я, творили новые истории, чтобы наклеивать их поверх других. Потому что правда могла погрузить вас в бездну. Если бы вы знали наверняка, что избранный путь разобьет вас на тысячу кусочков, то наверняка бы сказали себе: «Ну, в отношении меня Иисус ошибся».

Мною была создана определенная структура моей жизни и моего разума, и я не собиралась обменивать ее на анархию и хаос.

Натали была другой. Она принимала свое отражение в зеркале и могла видеть его снова и

снова, каждый день. Она могла посмотреть на себя и сказать: «Вот такой я человек. Мне нечего предложить, кроме тьмы и уродства».

Я лежала в своей постели, Натали спала в соседней комнате. Я положила руку на живот и почувствовала легчайшее движение. Младенец должен был стать выходом из грязи, которая цеплялась за меня все эти годы. Теперь у меня было окно, и я видела открывающиеся возможности.

Глава 18

Было субботнее утро. Я слышала доносившуюся из гостиной музыку. Натали танцевала, задрав руки и запрокинув голову. Меня она не видела.

Я предложила ей на завтрак шоколадный круассан, а себе сварила кофе.

Потом она решила повнимательнее осмотреть мою квартиру: книги, стол и шкаф. Я же отправилась в душ.

Освежившись, я вышла из спальни и наткнулась на Натали, которая стояла одетая, с рюкзаком за спиной. Руки она скрестила на груди и смотрела в пол, избегая встречаться со мной взглядом.

— Мне нужно подняться в дом и позвонить. — Она резко развернулась и ушла.

Странно, до этого она говорила, что хочет провести со мной все утро.

Я достала чистую посуду из посудомоечной машинки, которую запускала на ночь. Все миски на одну полку, а тарелки — на другую. Потом я положила грязные вещи в стирку, а из сушилки достала полотенца. Переехав в эту квартиру, я купила дорогие турецкие полотенца. Мне нрави-

лось складывать их, ощущая под руками ворс.

Затем я налила себе еще одну чашку кофе и устроилась во дворике. Я смотрела на вишневое дерево, птиц, солнечный свет и подумала, что это слишком идеальное утро. Я была уверена, что оно скрывает какой-то изъян.

Телефон запиликал. Сообщение от Амелии: «У нас тут проблема. Зайди, пожалуйста».

У меня внутри все опустилось. Что-то плохое должно было случиться или уже случилось.

Я ответила: «Конечно. Пару минут».

Натали казалась обеспокоенной. Что с ней случилось? Пол покачнулся под моими ногами. Мне нужно было понимать природу проблемы. Я не могла войти в дом Страубов без защиты и без необходимых инструментов.

В ванной я умылась холодной водой и вытерла лицо. Затем нанесла увлажняющий крем, консилер под глаза, тушь и блеск для губ. Расчесавшись, я в целом осталась довольной своим отражением в зеркале.

Поднявшись по лестнице, я вошла в дом Страубов. Мне было видно, что Амелия, Фритц и Натали сидели за обеденным столом. Утренний свет заливал кухню. Кожа Амелии казалась ярко-белой. Ее губы будто исчезли, но темные глаза занимали

на лице больше места, чем обычно. Рядом с ней сидел Фритц: взгляд тусклый, выражение лица безучастное. Натали смотрела в пол, по-видимому, сосредоточенная на том, чтобы сжимать и разжимать пальцы ног.

Я подошла ближе и увидела стопку каких-то бумаг в руках у Амелии. Я сделала еще несколько шагов и разглядела, что это фотографии. Я подошла к столу достаточно близко, чтобы рассмотреть ту, что лежала сверху. Я узнала ее. Земля ушла из-под ног.

Это была фотография меня и Фритца в постели. Мы были обнажены. Я удалила все коллажи с жесткого диска, но решила оставить несколько отпечатков.

Я падала.

— О боже, — пробормотала я. — Это было… было так глупо.

— Что это? — прошептала Амелия.

Фритц посмотрел на меня, будто надеясь услышать внятное объяснение.

Амелия выложила на стол вторую фотографию. Затем третью, четвертую, пятую, шестую, седьмую, восьмую, девятую. Она разложила их перед собой. На всех были мы с Фритцем в разных сексуальных позах. В последние несколько

месяцев, когда мне было скучно, я возвращалась к этим коллажам. Сексуальные эксперименты со снимками казались мне захватывающими.

Я попыталась рассмеяться, но получилось похоже на кашель.

— О боже, понимаете, у нас с коллегой было соревнование по редактированию фотографий…

— Что за бред? — Амелия показала на фотографию, где мы были в постели все втроем.

Я чувствовала себя в свободном падении, будто летела вниз с обрыва.

— … и мы использовали новую программу, пытаясь создавать реалистичные кадры… А еще…

Амелия встала из-за стола. На щеках ее появились красные пятна, на лбу выступила испарина, взгляд затуманился. Она казалась взволнованной и дикой.

— Ты трахаешься с Фритцем? — проревела она в пустоту.

— Нет! — громко крикнул Фритц.

— Амелия… — сказала я.

— Да или нет?!

— Нет!

Мой разум судорожно искал выход. Я оглядела комнату в поисках путей отступления. Сидевший в углу Ицхак зарычал.

— А что тогда это? — ахнула Амелия. — Фантазии? Ты в таком отчаянии, что приходится трахать моего мужа на фото?

Она помахала распечатками, которые все еще держала в руках, затем выложила на стол и их. Я задержала дыхание. Амелия рассматривала снимок, на котором она сама махала беременной мне с другой стороны улицы. Потом увидела нас вместе на кухне и как она кормит меня тортом. Наконец дошла до Джаспера, спящего в комнате Натали.

— Это твой сын? — Она казалась потерянной.

Тошнота из желудка приближалась к горлу.

— Да, — тихо сказала я.

— Когда он был здесь?

Я искала правильный ответ на вопрос.

— Он…

— Когда… когда… он был в доме? — В замешательстве она не могла подобрать слова.

— Понимаешь, я…

— Почему он в комнате Натали? Почему он на этом фото?

— Этого не было…

— Это действительно твой сын?

— Я…

— Кто это? — Она заметила снимок, на котором

был Джаспер и его родители. Мои клиенты. — Он ведь не твой сын?

Помимо нарастающей паники я чувствовала, как меня накрывает гнев. Меня возмутил неуважительный тон Амелии.

А она уже кричала:

— У тебя есть сын?!

— Джаспер — мой сын. — Я верила в Джаспера, крепко держась за его образ в своей голове.

Натали так и смотрела в пол, подперев голову руками.

Амелия стала листать фотографии дальше. Лючия. Острая боль стрельнула в висок. Это была одна из отредактированных версий, и я нарисовала на фотографии большой красный крестик.

— Это снимок Лючии. Зачем он тебе?

— Я сделала несколько ее портретов.

— Что означает крест?

— Это не…

— Что ты сделала с Лючией?!

Я попятилась от нее спиной назад.

Фритц встал. Он был похож на дикое животное, голова наклонена вперед, как у быка. На меня надвигался мчащийся поезд. Он резко остановился буквально в десятке сантиметров от меня. Его верхняя губа дернулась, демонстрируя презрение

и отвращение.

— Ты какая-то больная извращенка.

Его слова почти физически ударили меня. Я пыталась контролировать себя, чтобы мой голос звучал спокойно.

— Мне жаль. — Я должна была сказать правильные слова.

— Как ты посмела использовать мое изображение? — прорычал он. — Как ты посмела принести свой разврат в наш дом?

Натали подняла взгляд на отца. Ее лицо было бледным. Амелия истерически всхлипнула.

— Ты должна ползать на коленях, благодаря нас, — сказала она между рыданиями. — Ты издеваешься над нами? После всего, что мы для тебя сделали.

— Вы что-то для меня сделали? — У меня перехватило дыхание. — Напомни-ка.

— Ты использовала нас, — Амелия говорила сквозь стиснутые зубы.

Я была в ярости и оттого даже не могла сделать вдох.

— Это только одна из точек зрения на ситуацию. — В тот момент я ненавидела Амелию каждой клеточкой своего тела.

— Ты отвратительна!

— Мама! — вмешалась Натали. — Хватит!

— Ничего страшного. — Я попыталась перехватить взгляд девочки. — Я уеду. Как только найду грузовик для переезда.

Амелия широкими шагами шла к выходу.

— У тебя в квартире есть еще подобное дерьмо?! Мне нужно все это увидеть.

— Нет.

Я последовала за ней, но она была быстрее. В одно мгновение Амелия оказалась за дверью и спустилась по ступенькам. Я не хотела подпускать ее к моему компьютеру, моим файлам, моему дому. Что бы она ни ожидала там найти, она ошибалась. Я догнала ее наверху ступенек, ведущих к входу в квартиру, и схватила за руку, но она вырвалась. Тогда я обогнула ее, встав на ступеньку ниже, пытаясь преградить путь.

— Уйди!

— Это моя квартира, ты не можешь войти без предупреждения.

— Бред сивой кобылы. — Она оттолкнула меня.

Я потеряла равновесие, нога соскользнула, и я покатилась вниз по ступеням, приземлившись у самой двери.

Возможно, так все и должно было закончиться. Щекой я почувствовала прохладный цемент. На

каждое действие есть равная и противоположная реакция.

Надо мной возникло лицо Амелии, искаженное болезненной гримасой, кажется, на миг она перестала дышать. Фритц стоял позади нее.

— Что я наделала? — прошептала она. — Нет, нет, нет.

— Дельта должна убраться отсюда сегодня же, — сказал Фритц.

Амелия застонала — звук шел из глубины ее души.

— Ребенок…

Я чувствовала свое тело, вдавленное в цемент, и влагу между ног. Живот сдавило тисками.

Амелия опустилась на колени рядом со мной.

— Что я наделала…

— Мама, ты толкнула Дельту? — Это был голос Натали откуда-то издалека.

— Нет! Нет! — Амелия схватила Фритца за запястье.

— Успокойся, — сказал он.

Я смотрела прямо на них, но словно видела все происходящее со стороны. Я заметила тени на лице Амелии, впадины, из-за которых она выглядела старой.

— Этот ребенок — моя жизнь, — бормотала

Амелия. — Моя жизнь.

— Я ненавижу тебя, — прошипела Натали с верхней ступеньки лестницы.

— Вернись в дом, Натали, — сказала Амелия. — Сейчас же.

— Нет. — Девочка не двинулась с места.

— Дельта, позволь мне помочь тебе, — прошептала Амелия, склонившись надо мной.

Я почувствовала, что по ногам течет кровь. Взгляд Амелии упал на мою босую ступню, залитую кровью, поднялся выше по ноге.

— Нет! Нет, нет, нет! — причитала она.

Тяжесть, давящая на грудь, прижала меня к земле.

Я видела очертания Натали, стоящей на верхней ступеньке, ее блестящие глаза, длинные руки, очаровательное ожерелье с глиняным сердцем и зигзагообразной линией посередине. Фритц повел девочку к дому. Я осталась наедине с Амелией.

Она помогла мне встать. Меня била дрожь. Мы вошли в квартиру.

— Нам нужно к врачу.

— Думаю, все будет хорошо, — отозвалась я.

— Нет! Нет, нет, нет! — Взгляд Амелии был остекленевшим.

Я сказала ей, что мне лучше лечь, но она настаивала, что надо ехать в больницу.

Сейчас я мать ребенка. И мне нужно поговорить с ним.

Я мать ребенка. Дельта Дон.

И я слышала, ты сказала, что он встречался с тобой здесь сегодня,

Чтобы отвезти тебя в свой особняк в небе?[6]

Это была моя потеря. Это был мой ребенок.

Амелия отвезла меня в ближайшее отделение неотложной помощи в центре города. Я сказала ей, что пойду одна. У меня было право на частную жизнь. Я просила ее именно об этом, когда она столкнула меня с лестницы.

На этот раз она не посмела возразить.

Поздно вечером меня выписали из больницы.

Я позвонила Амелии.

— Я потеряла ребенка.

---

[6] Примечания: 6

Строчка из песни «Дельта Дон».

Глава 19

Двумя днями позже Натали постучала в дверь моей квартиры. Я догадалась, что родители не знают, где она.

— Мне очень жаль, — сказала я. — Что все случилось именно так.

Я положила стопку блузок в чемодан, который лежал открытым на кровати. Я один за другим упаковывала свитера, потом штаны, платья, нижнее белье.

— Ничего страшного, — отозвалась Натали. — Я понимаю.

Она казалась спокойной.

— Ты не расстроена? — спросила я.

— По крайней мере, ты сама выбираешь свою жизнь.

Я покачала головой.

— На меня не стоит равняться, Натали.

— Я хочу пойти с тобой, — сказала она в ответ.

Я подумала о мебели в ее комнате: стол, кровать, а еще все вещи. Попыталась представить их внутри грузовика. Не поместятся, и ее, и мои вещи просто не поместятся.

— Ты не можешь.

В моей голове возник образ Джаспера: золотисто-коричневая кожа, красные шорты, он бежит по пляжу. Идет вдоль кромки океана, волны ласкают его ноги, он смеется, и этот звук уносит калифорнийский ветер.

— Мне нужно найти Джаспера, — сказала я.

— Мы могли бы быть вместе. Втроем. — Голос Натали срывался, словно она запыхалась после бега.

Я представила себе Джаспера и Натали, играющих вместе. Они смеялись, бегали и купались. Я видела, как они катаются на роликах по аллее. Я слышала, как волны плещутся о берег. Я чувствовала запах соленой воды и легкий ветерок на затылке.

Через минуту я снова была в комнате рядом с Натали. Она не могла найти утешения в образах.

— Джаспера не существует. — Когда я произнесла эти слова, то почувствовала удар в солнечное сплетение. Я восстановила дыхание. — На самом деле его нет.

— Тогда куда ты идешь?

— Искать его.

Ее взгляд опустился на мой живот, и я поняла, что машинально прикрываю его рукой. Натали

внимательно следила за мной. Она посмотрела мне в глаза, затем снова на мой живот.

— Мама сказала, ты потеряла ребенка.

Я кивнула.

— Она говорит, что это ее вина. — Она подошла ближе и положила руку мне на живот, рядом с моей. — Ты потеряла ребенка? — Девочка посмотрела мне в глаза.

Я осторожно убрала ее руку. Ее глаза наполнились слезами. Я обняла ее и поцеловала макушку.

— Я буду скучать по тебе, Дельта.

Прощание с Натали было худшим из всего, что мне приходилось пережить.

Пять лет спустя

Я вешаю его рюкзак в шкафчик, ставлю на полку контейнер с едой. Затем обнимаю его и целую на прощание.

— Я люблю тебя.

Выйдя из класса Джаспера, я заглядываю в узкое окно в коридоре. Он не видит меня, но я его вижу. Он стоит один. Я наблюдаю за ним, пока он не садится на коврик рядом с маленькой девочкой. Они начинают о чем-то болтать. Я не слышу слов, но вижу, что он смеется. Девочка приносит конструктор, и они вместе строят башню.

Выкидыша не случилось.

Когда я лежала в больнице под капельницей, я разговаривала с ребенком. Я чувствовала его страх. Я сказала ему, что с ним все будет в порядке. Я пообещала ему, что никогда не брошу его, несмотря ни на что. Я обещала.

Последние несколько лет я следила за жизнью Страубов. Другого ребенка у них не появилось. Ицхак умер в возрасте четырнадцати лет. Мне жаль, что меня не было рядом, когда Натали потеряла пса. Как бы я хотела сказать ей об этом.

Кажется, Страубы больше никогда не слышали о Яне после его увольнения. Я говорила им, что он любит Италию. Вероятно, они представляют его живущим в Риме. Это воодушевляющий образ, а не безосновательное предположение. Я могу представить, какие возможности там для него открылись.

Почти каждую ночь мне снится один и тот же сон. Натали бежит ко мне, улыбаясь, и я протягиваю руки, чтобы обнять ее. Но по мере того как она приближается, ее лицо меняется, и я чувствую страх. А вчера я увидела ее на набережной, но на этот раз это был не сон. Она стала выше ростом, а лицо худее, но я уверена, что это была она. Может, она меня ищет.

Я приглашаю друга Джаспера, Иззи, и его маму Майю к нам в гости, чтобы мальчишки могли поиграть. Они живут в доме в испанском стиле, и из их окон открывается вид на океан, каньон и горы. Иногда мы с Джаспером проезжаем мимо него, когда идем гулять в горы.

Их привозит отец. Он улыбается и машет рукой из машины, затем уезжает в сторону магазина. Майя вешает свою джинсовую куртку вместе с курткой Иззи на крючки в прихожей. Мы с ней болтаем, пока дети играют. Майя спрашивает

о фотографиях, висящих в рамках на стене на кухне.

— Это же просто произведения искусства! — восхищается она.

— Это Джаспер с бабушкой и дедушкой. Они оба скончались в прошлом году, — рассказываю я. — А это Джаспер с кузенами на пятый день рождения.

Зеленые глаза Джаспера так и светятся, он смотрит прямо в камеру.

— Боже мой, — говорит Майя, — ты должна быть фотографом на дне рождении Иззи.

Я улыбаюсь ей в ответ.

— С удовольствием!

После ухода Иззи и Майи мы с Джаспером в третий раз смотрим «Мэри Поппинс». Этот фильм заставляет меня вспоминать о карусели Натали. Мы как раз дошли до момента, где Берт, друг Мэри Поппинс, рисует мелом на тротуаре английскую деревню. Мэри Поппинс, Берт и дети прыгают в рисунок. Они приземляются внутри, и все вокруг оживает. Картина настоящая, потому что они этого хотят.

Благодарности

Яркий свет с небес снизошел на меня в тот день, когда я встретилась с моим литературным агентом, Стефани Ростан. Она дала этой книге жизнь. Умная, добрая, с превосходным чувством юмора, она — настоящий партнер и друг. Спасибо коллегам Стефани из издательства «Левин Гринберг Ростан», особенно Джиму Левину и Даниэлю Гринбергу. И также огромное спасибо Кортни Паганелли.

Я выражаю благодарность моему блестящему редактору Катрин Ричардс за то, что она выбрала работу со мной. С помощью своего ясного взгляда и поразительных умений она бесконечно улучшила эту историю. Наше сотрудничество продолжает быть благословенным и радостным. И также спасибо Нетти Финн за всю оказанную поддержку.

Спасибо Эндрю Мартину и Келли Рэгланд за веру в эту книгу. Замечательной Саре Мельник за превосходные идеи и креативность. Даниэлле Прилипп за ее энтузиазм. А также Полу Хохману, Крисинде Линч, Кейтлин Северини и Жюстин

Гарднер. Дэвиду Ротстайну — за создание прекрасной обложки. Спасибо всей феноменальной команде «Минотавр Букс» и «Сэнт-Мартин Паблишинг Групп», и в особенности их издателю Дженнифер Эндерлинн, ставшей настоящей великой защитницей этой книги. Мне повезло оказаться среди них.

За проделанную работу и прекрасные замечания я благодарна Джо Дикинсон — моему редактору в Великобритании — и ее талантливым коллегам из «Ходдер и Статон».

Я не могу выразить, как я благодарна моему прекрасному другу Фэйт Сэли. Она ангел, которая представила меня Стефани Ростан.

Раз уж здесь и сейчас у меня есть возможность: спасибо, спасибо, спасибо волшебной Мишель Крес, открывшую двери в телесериалы и всем ее коллегам из «САА», особенно Мишель Вейнер и Ариан Акбар. Спасибо вам, Сэм Эсмейл, Сара Матте, Чад Хэмилтон, Энди Шампанья и Мэдисон Клайн, за то, что увидели у этой истории потенциал.

Я глубоко обязана моему учителю и другу Хелен Шульман за ее руководство и инструкции, а также за слова о том, что она верит в эту книгу. Спасибо и другому учителю и другу — Луису

Харамильо — за его прекрасные идеи и руководство. Джону Фриману и Тифани Яник — за то что с энтузиазмом отозвались о первых двадцати страницах.

Спасибо трем прекрасным дамам: Дине Ли, КрисАнне Мадаус и Николь Старчжак. Все они снова и снова давали мне конструктивные замечания.

Спасибо гениальной Анике Стрейтфилд, научившей меня большему, чем я могу выразить, и чьи поразительные пометки помогли перенести несчетное количество идей из моей головы на страницы книг.

Майклу Карлайлу спасибо за его наставничество и дружбу.

Я благодарна всей моей семье — Картерам со всей страны, а также Холбрукам, семьям Визенталь, Коэн, Шонвальд, Картер-Вайденфельдс, а также Веллерам.

Спасибо Джине Картер за то, что она мой вечный союзник, спасибо Джону Картеру, Памеле Картер, Венди Картер, Эллен Картер, Али Марш, Фреду Веллеру, Еве Холбрук и Клаусу Соренсену. Хэлу Холбруку спасибо за то, что он болел за меня. Спасибо Джойс Коэн за верную дружбу. Артуру Картер и Линде Картер спасибо за их бесконечную любовь и поддержку.

И спасибо моей матери — Дикси Картер, которая всегда со мной в моей душе.

Мне очень повезло породниться с семьей Кэмпф — Нэнси и Доном Кэмпф, Кэти и Дональдом, и Чарли Кэмпфом, которого больше нет с нами, но особенно Нэнси Кэмпф, которая относится ко мне как к собственной дочери и надеется на мой успех, как если бы он был ее личным.

Спасибо тебе, Манфред Флинн Кюнхерт, за долгие годы обучения искусству, истории и внутренней организации. И за бесценную дружбу.

Спасибо Каре Наттерсон и Шерри Росс за подсказки и руководство в медицинских вопросах. Карен Шнайдер, Ларри Гольфер и Вильяму Льюису — за руководство в вопросах фотографии. За помощь мне в большом и малом, прямо и косвенно, спасибо вам, Ильза Бринк, Фауция Берк, Джейк Картер, Хуан Кастильо, Минг Чен, Ван Чен, Али Кларк, Александра Крапанцано, Хэйден Годблатт, Лидия Крис, Дилан Лэндис, Дария Мастронарди, Лиза Чой Оуэнс, Стив Оуэнс, Мо Рокка, Беовульф Шихан, Дрю Виктон и Джейме Вольф.

Самое большое спасибо всех мастей — моему мужу и лучшему другу Стиву Кэмпфу, который принес мне так много радости. Без него не было бы этой книги. Наконец, я благодарна Элеанор и

Генри — моему самому яркому удовольствию в этой жизни. Вы для меня все.